

Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
NN 7–8 (52–53)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Дызайн, вёрстка
Наталля Гарбунова,
Цімафей Нвяінскі

Фота
Юрый Дзядзінкін
Анатоль Кляшчук,
Photo.bymedia.net

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 11.10.2006 г.
Дата выхаду 15.10.2006 г.
Фармат 60x80/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 300 асобнікаў. Заказ N 181.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
e-mail: baj@baj.ru,
press@baj.ru
<http://www.baj.ru>

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП N 02330/0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць за падбор
і дакладнасць фактаў, прыведзеных
у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэ-
рыялы ў парадку абмеркавання,
не падзяляючы пункту гледжання
аўтараў.

Замест панарамы — амбразура	2
«Есть только плохая и хорошая журналистика»	6
Законодательство ряда стран СНГ направлено на ограничение свободы слова.	7
Мрак.	13
Вакацыі паводле прысуду	20
Не боги статьи «лепят».....	23
Дарога лягчэй, калі побач надзейныя спадарожнікі... ..	25
«Срэбра» за футбол і «бронза» за валејбол	28
«Спортивный репортаж — это высший пилотаж журналистского мастерства»	30
«Делаем» новость.	33
Творчая брама	38
Из жизни	40
Дарогі Валерыя Дранчука.	44
Партрэт мастака	46
Невылечная хвароба Сяргея Новіка-Пеюна	52
Майго Мінска ўжо няма.....	55
Брестская крепость: трагедия 1941-го	58
Аднойчы	64

Замест панарамы — амбразура

У савецкай міжнароднай журналістыцы была адна дамінанта: «Наш адказ Чэмберлену». Усё было прасякнута пафасам барацьбы супраць сусветнага імперыялізму, і на кожны ягоны паклёп загадзя меўся універсальны адлуп: «А ў вас там неграў лінчуюць!»

Сучасная беларуская ўлада, пайшоўшы ў рожкі з замежнымі настаўнікамі дэмакратыі, і па сёння мусіць культываваць атмасферу аточанай цытадэлі. Таму і асвятленне міжнароднай тэматыкі ў афіцыйных ды паўафіцыйных СМІ збольшага ладзіцца паводле канонаў бальшавіцкай прапаганды.

Аляксандр КЛАСКОЎСКИ,
рэдактар аналітычнага бюлетэня
«Беларускі тыдзень» інфармацыйнай
кампаніі БелаПАН

Зрэшты, усе мы выйшлі з таталітарнага шыняля (а хто-кольвек і не вылазіў). Не дзяржаўныя меды на гэтым тэ-

матычным абсягу таксама грашаць вузкасцю ды схематызмам. Часцяком яны трымаюцца той жа прымітыўнай антытэзы, толь-

кі з іншага боку, у прыватнасці — рамантызуючы заходніх

рыцараў дэмакратыі. Нібыта вось-вось тыя ўратуюць сінявокую Беларусь ад дыктатуры нейкім ашаламляльным дэмаршам на саміце «вялікай васьмёркі»...

Карацей кажучы, ні рознабковай інфармацыяй пра тое, што робіцца на планеце, ні грунтоўным аналізам «беларускага пытання» ў сусветным кантэксце нашы медыі не вызначаюцца. Рэдкія выключэнні толькі падкрэсліваюць сумны малюнак. Суайчыннікам навязваюць прыжмураны, насцярожаны погляд цераз ідэалагічны прыцэл.

Экскурсанты ў шопе

На пачатку 90-х, пасля падзення «жалезнай заслоны», шмат хто з беларускіх журналістаў змог нарэшце на свае вочы ўбачыць «гнілы Захад». Замежныя амбасады, толькі што адкрытыя ў маладой незалежнай краіне, ахвотна ладзілі розныя азнаямленчыя прэс-туры (потым, калі надзеі на хуткую дэмакратычную трансфармацыю не спраўдзяцца, такіх запрашэнняў рэзка паменее).

Тады, у першыя гады незалежнасці, наша прэса запярэсіла нататкамі па выніках замежных вандровак. Зазвычайныя друкаваліся пад шаблоннымі рубрыкамі кшталту «З нямецкага (французскага, бельгійскага і г. д.) блакнота». Гэта нібы апраўдвала павярхоўнасць ды сумбурнасць матэрыялаў. Спасцігнуць краіну за лічаныя дні немагчыма, вось і апісвалі пераважна шыкоўныя вітрыны. Зрэшты, пры тагачаснай ўбогасці нашых крамаў айчынны чытач прагна глытаў нават немудрагелістыя аповеды пра шматлікія гатункі сыру, кілбасы ды піва.

Сёння і ў Мінску асартымент някепскі, былі б грошы. А па пачатным асвятленні ды брукаваных ходніках мы і ўвогуле пераплюнулі многія еўрапейскія гарады. Але ж на гэтым фоне яшчэ больш выразна бачна, што галоўны дэфіцыт тут — гэта нястача дэмакратыі, грамадзян-

скіх правоў. І калі сёння браць заходнюю тэматыку, дык удумліваму чытачу найцікавей тое, як там працуюць дэмакратычныя механізмы, як грамадзянская супольнасць трымае ў аброці дзяржаўнае самавольства, як ладзіцца сапраўдная, а не дэкаратыўная інтэграцыя між краінамі. І нарэшце — ці ёсць у замежнай супольнасці нейкія рычагі ўплыву на беларускую сітуацыю?

Гэтыя пытанні вымагаюць ад журналіста ўжо іншага ўзроўню асэнсавання, а не артыкулаў у жанры «Што я бачыў у шопе». Такіх аўтараў нягуста, таму недзяржаўныя газеты, каб запоўніць замежныя рубрыкі, улягаюць у інтэрнет. Атрымаеца невыразна і павярхоўна.

Ну а тыя медыі, што кіруюцца ідэалагічнай вертыкаллю, апрыёры ведаюць адказы на ўсе глабальныя пытанні. Гэтаксама, як ведала іх савецкая прапаганда. Госці, што завітваюць да нас, прыкладам, з краінаў Балтыі, кажуць, што тутэйшае тэлебачанне для іх — як вяртанне ў СССР.

«Старыя песні пра галоўнае»

Беларускія незалежныя журналісты, што займаюцца міжнароднай тэматыкай, яе падачу ў айчынных медыях таксама ацэньваюць даволі сурова.

*«З нашых медыяў, як дзяржаўных, так і недзяржаўных, — кажа **Уладзімір Глод** з радыё «Свабода», — нельга скласці ўяўленне, што ж*

адбываецца ў свеце. Няма сістэмнага асвятлення».

У нейкім сэнсе, лічыць калега, можна казаць нават пра рэгрэс у параўнанні з савецкім часам. Тады выданні мусілі рэгулярна даваць міжнародныя палосы з пэўным наборам рубрык, жанраў — карацей, была нейкая сістэма, хай сабе і прасякнутая ідэалагічнымі канонамі.

А цяпер, канстатуе спадар Уладзімір, многія газеты задавальняюцца выпадковымі, хаатычнымі перадрукамі з інтэрнет-крыніцаў. Ёсць творчыя ўдачы ў «Народнай волі» — напрыклад, тэматычныя палосы, прысвечаныя параўнанню беларускіх рэалій з нямецкімі, польскімі, латвійскімі. Адразу бачна, наколькі прыхарошвае нашу рэчаіснасць прапаганда...

У дзяржаўных медыях марна шукаць аналітыку, лічыць Уладзімір Глод. *«Уся канцэпцыя палягае ў тым, каб апяваць нашу «выступ шчасця», якая выклікае зайздрасць ды лютасць у шматлікіх ворагаў», — з іроніяй рэзюмуе ён.*

На думку палітолага **Андрэя Фёдарова**, які шмат піша на міжнародныя тэмы, з дзяржаўных СМІ хіба што «Советская Белоруссия» надае даволі значную ўвагу замежнай інфармацыі. Астатнія друкуюць яе фрагментарна. З недзяржаўных медыяў, на думку спадара Андрэя, вылучалася «БДГ. Деловая газета», якая асвятляла міжнародную тэматыку і шырока (па дзве-тры паласы ў кож-

ным нумары), і прафесійна. У гэтым сэнсе яна нагадвала маскоўскія выданні кшталту «Независимой газеты», «Коммерсанта», «Времени новостей». Адметнасцю «БДГ» было тое, што там імкнуліся пісаць пра ўсе важныя падзеі на планеце, нават калі яны не маюць дачынення да Беларусі. «*На жаль, вы ведаеце пра сумны лёс газеты*», — кажа Андрэй Фёдараў. Сапраўды, мусіўшы цалкам сысці ў інтэрнет, яна страціла арыгінальныя рысы.

«*Што ж да падзеяў, якія так ці іначэй тычацца нашай краіны*, — працягвае паліто-

Жыццё перыядычна ламае любы прыгожыя схемы. Але ж мы, грэшныя, так любім трымацца за зручныя прыцыпы: калі факты не адпавядаюць тэорыі, тым горай для фактаў!

лаг, — *то ў дзяржаўнай прэсе фактычна толькі перапяваюць тое, што гучыць з высокіх трыбунаў. Незалежныя выданні даюць болей шырокі спектр замежнай тэматыкі. Іншая рэч, што многія нашы суграмадзяне не надта ёю цікавяцца. А няма попыту — няма і прапановы*».

«*Ці варта дзівіцца, што ва ўмовах палітычнай самаізаляцыі міжнароднай журналістыкі фактычна няма?*» — задае рытарычнае пытанне мінскі калега **Раман Якаўлеўскі**, аглядальнік міжнароднага партала «Wider Europe».

Ён канстатуе, што і ў недзяржаўных СМІ ўзровень падачы міжнароднай тэматыкі не самы высокі. «*Але там гэтая галіна слабая не ў апошнюю чаргу з прычыны*

цяжкага, амаль што маргінальнага становішча саміх журналістаў», — лічыць калега. З іншага боку, адзначае ён, тут дапамагае салідарнасць міжнародных журналістскіх структураў. За межы вандроўкі, стажы, семінары (варта сказаць дзякуй і нашаму БАЗУ!) — гэта тое, што сілкуе прадстаўнікоў незалежнай прэсы ўражаннемі і маральнай падтрымкай

«*У дзяржаўных жа медыях міжнародная тэматыка зводзіцца да банальнай апалогіі*, — лічыць Раман Якаўлеўскі. — *Там марна шукаць прафесійны аналіз. Што таксама тлумачыцца элементарна: у гэтай сістэме няма месца аўтарскай думцы. Належыць толькі рэтрансляваць... У гэтым сэнсе беларуская сітуацыя зусім змрочная. Нават у расійскіх СМІ плюралізм застаецца. Добра выглядае ўкраінскі медыя-рынак. А ў нас — шэрасць, шаблон. Прэтэнзіі пэўных дзеячаў з тэлебачання на нейкую арыгінальнасць толькі дыскрэдытуюць краіну*».

... **Тым горай для фактаў!**

Адзін калега пажартаваў: тэлевізійную «Панараму» дакладней было б назваць «Амбразурай». Сапраўды, стэрэатыпы «халоднай вайны» запатрабаваны там на ўсе сто. Рэй вядзе антыамерыканізм. Няспынныя кліны з Буша-малодшага нагадваюць стары анекдот пра свабоду слова. «Я магу выйсці да Белага дома і бэсціць прэзідэнта ЗША», — хваліцца амерыканец. «Я таксама магу выйсці да Крамля і бэсціць прэзідэнта ЗША», — зразае яго савецкі патрыёт.

Блізкаўсходні канфлікт, іранская праблема таксама асвятляюцца менавіта з антыамерыканскіх пазіцый. Нашыя дзяр-

жаўныя медыі гарой стаяць за аятолаў і «Хезбалу», робячы з іх нявінных авечак. А вось ізраільцы, як і за савецкім часам, малююцца крыважэрнымі мілітарыстамі, у якіх без дай нагоды свярбляць кулакі.

Між тым на зямлі абяцанай атабарылася мноства колішніх мінчукоў, бабручанцаў, мазыранцаў... Узялі б у іх інтэрв'ю, спыталі, як соладка жыць у атачэнні адморожаных тэрарыстаў з іхнімі «кацюшамі» ды выбухоўкай за пазухай! Але ж гэта адразу разбурыла б прапагандысцкі біпалярны малюнак: з аднаго боку — «справядлівая справа арабскага народа», з іншага — «сіянісцкая агрэсія», падаграваная дзядзькам Сэмам.

Зрэшты, навошта далёка хадзіць? Зірнеце, як паказваецца жыццё суседзяў. Пануе прымітыўны набор штампаў.

Украіна: глядзіце, людцы добрыя, як дабіла да абуха краіну «аранжавая» ўлада!

Польшча: беспрацоўе, дарагоўля, грамадскае расчараванне.

Літва: пасынкi Еўрасаюза, на былых калгасных палетках буяе пустазелле, хочучь атруціць нас радыяцыйнымі адкідамі.

Латвія: душаць рускамоўных і патураюць былым эсэсаўцам.

Нават «братняя Расія» малюецца пераважна змрочнымі фарбамі: безгаспадарчасць, крымінал, жахі сацыяльнага дна.

І ўсё дзеля таго, каб пераканаць, што беларуская мадэль — найвышэйшае дасягненне чалавецтва.

На жаль, і недзяржаўныя медыі часцяком грашаць поглядам праз амбразуру. Іх бой — гэта няспыннае змаганне з рэжымам. Астатняга нібыта і не існуе. Пачытаеш, паслухаеш — усё прагрэсуйнае чалавецтва дзень і ноч кляймоу тутэйшую дык-

татуру і не сёння-заўтра возьме яе за жабры.

Толькі гэтая ўлада жыве сабе ды ў вус не дзьме. І ў шараговых дэмакратаў мацнее пачуццё прыкрасці: ці не вешаюць нам локшыну на вушы, распавядаючы пра прашучыя намеры міжнароднай супольнасці разабрацца нарэшце з «беларускім пытаннем»?

З аднаго боку, можна зразу мець цягу айчынных апанентаў улады да ідэалізацыі Захаду. Там сапраўды ўвасоблена многае з таго, што для нас застаец-

Прапаганда здольная на нейкі час падоўжыць панаванне той ці іншай кіроўнай эліты. Але, дэфармуемы масавую свядомасць, яна робіць падкоп пад будучыню нацыі.

ца марай. Але час узнёслага апісання тамтэйшых вітрынаў (у тым ліку і палітычных) ужо сышоў.

Варта бачыць і тлумачыць айчыннай аўдыторыі тое, напрыклад, што брусельская бюракратыя ў пэўных праявах надта нагадвае савецкую, чым выклікае сур'ёзную незадаволенасць у саміх краінах ЕС. Што пры ўсёй гучнасці дэкларацый у падтрымку дэмакратыі заходнія палітыкі не цураюцца і вельмі прагматычных меркаванняў. У прыватнасці, і Брытанія, і Галандыя, і Польшча з задавальненнем купляюць танную салярку, што вырабляецца пад дахам «апошняй дыктатуры Еўропы». Чым дэ-факта падтрымліваюць эканамічны падмурак таго самага рэжыму, які так палка кляімуць з трыбуны ў Страсбургу. «Сэ ля ві», як у іх там кажуць.

Так, жыццё, у тым ліку і дэмакратычнага замежжа, — рэч складаная, супярэчлівая. Жыццё перыядычна ламае любыя прыгожыя схемы. Але ж мы, грэшныя, так любім трымацца за зручны прыныцы: калі факты не адпавядаюць тэорыі, тым горай для фактаў!

Рэанімацыя «саўка»

Мастадонты міжнароднай журналістыкі савецкіх часоў, што арыентаваліся на перадавыя артыкулы «Правды» (і час-

цяком самі шчыра верылі ў догмы), сёння амаль цалкам саступілі сваё месца новаму пакаленню. На тэлеэкранах — спрэс маладыя твары. Гэтыя каментатары нашмат больш дасведчаныя: самі шнуруюць па свеце, карыстаюцца інтэрнетам — і, пэўна ж, ведаюць, наколькі разыходзяцца з ідэалагічнымі пастулатамі ўлады рэаліі міжнароднага жыцця і сусветнай палітыкі. Але маладая змена збольшага дзьме ў тую самую дуду. Прапагандысцкая машына працуе спраўна.

Колькі б ні іранізавалі вытанчаныя крытыкі, але і прымітыўнае прамыванне мазгоў (ды яшчэ пры слабасці альтэрнатыўных крыніц інфармацыі) дае свой плён. Пра гэта ўскосна сведчаць звесткі незалежных сацыялагічных даследаванняў. Усе прыведзеныя ніжэй лічбы — рэпрэзентатыўныя, апытанні ладзілі аўтарытэтных адмыслоўцы (якія сёння, на жаль, настолькі абкладзеныя чырвонымі сцяжамі, што мусяць маскаваць свой брэнд).

Дык вось, даследаванне, праведзенае сёлета ў сакавіку—каравіку, засведчыла, што толькі 36% нашых суайчыннікаў пачуваюцца еўрапейцамі, у той час як 52% — савецкімі людзьмі. У чэрвені на пытанне: «Ці лічыце вы, што Беларусь мусяць стаць сябрам Еўрапейскага саюза?» — становіцца адказалі толькі 31,5%, адмоўна — аж 49,2%.

Беларуская прапаганда спрычынілася да таго, каб і праз 15 гадоў пасля распаду СССР у нас квітнеў тып «гома саветыкус». Гэта рабілася, каб спрытнай было трымаць у падпарадкаванні так званы электарат. Але — за што змагаліся, на тое і нарваліся. Сёння кіроўныя вярхі спахапіліся ды сталі заклікаць да мадэрнізацыі. Але з саўковым менталітэтам чым далей, тым цяжэй будзе канкураваць у міжнароднай эканамічнай прасторы. Краіна рызыкуе апынуцца на ўзбочыне

глобалізацыі, прайграць саборніцтва ў сферы высокіх тэхналогій — карацей, назаўжды застацца ва ўчарашнім дні.

Яшчэ болей. Тое самае чэрвеньскае апытанне дало ашаламляльны вынік пры адказах на альтэрнатыўна завостранае пытанне: «Калі б давялося выбіраць паміж аб'яднаннем з Расіяй і ўступленнем у Еўрапейскі саюз, што б вы выбралі?» Уявіце сабе: толькі 29,3% выказаліся за ўваходжанне ў ЕС (якое, заўважце, не вымагае здачы незалежнасці). Разам з тым 56,5% выбралі варыянт вяртання ў імперыю!

Вось ён, вынік татальнага замбавання! Аб'яднаная Еўропа, што грунтуецца на каштоўнасцях дэмакратыі і павагі да правоў чалавека, здаецца многім суайчыннікам злом большым за страту незалежнасці.

Прапаганда здольная на нейкі час падоўжыць панаванне той ці іншай кіроўнай эліты. Але, дэфармуемы масавую свядомасць, яна робіць падкоп пад будучыню нацыі. Сёння міжнародная тэматыка застаецца для айчынных медыяў у вялікай ступені менавіта прапагандысцкім матэрыялам. Аўдыторыю не столькі арыентуюць у навакольным свеце, колькі дэзарыентуюць.

Зрэшты, так ужо драматызаваць праблему, бадай, не варта. Часы «жалезнай заслоны», дзякуй богу, канулі ў Лету. Беларусы ўсё болей ездзяць па свеце і бачаць рэчаіснасць на ўласныя вочы. З іншага боку, вестэрнізацыя адбываецца праз экспансію сучасных замежных тавараў, увогуле стандартаў жыцця. Нарэшце, моладзь пра ўсё ведае з інтэрнета.

Так што ўсіх не перазамбуеш. І рана ці позна беларусы вернуцца ў Еўропу. Ці ж яны такія дурні, каб усё жыццё глядзець на свет праз шчыліну амбразуры?

Юрий ВДОВИН,
«Гражданский контроль»,
Санкт-Петербург

Пропагандистская ориентированность большинства СМИ (за исключением откровенно развлекательных и так называемых «желтых») стала отличительной чертой российской журналистики, в том числе петербургской. А если называть вещи своими именами, то речь идет о готовности с рвением исполнять возлагаемую властью обязанность — формировать общественное мнение в интересах этой самой власти.

Легкость, с которой в медийной среде были сданы все демократические завоевания, просто потрясает. Хотя, конечно, никого нельзя принудить к геройству или просто мужеству, которые потребовались в наше время от журналистов, чтобы сохранить независимость суждений, а значит, профессионализм. Многие добровольно и «с песнями» пошли на службу в контролируемые государством СМИ, а это уже другая профессия — госслужащие. Вот и появились такие сиропные программы, как «Хорошие новости», «Утро в большом городе». В том самом городе, где полно коммуналок, грязь в подъездах и дворах, нищие пенсионеры...

В этом смысле сравнение питерской журналистики с московской абсолютно лишено смысла. Московские госслужащие в СМИ просто более осведомлены, потому что ближе к центральной власти. И недаром в нашу жизнь вошли новые слова «пиарить», «политтехнологии»...

«Есть только плохая и хорошая журналистика»

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат Дэвиду Рэндаллу. В своей работе «Универсальный журналист» он писал: «...Не может быть либеральной журналистики, республиканской, националистической... В том случае, когда журналисты своей работой служат этим или любым другим целям, они — вовсе не журналисты, а пропагандисты. Есть только плохая и хорошая журналистика».

Казалось бы, не мне объяснить, какой должна быть журналистика. Не журналист я, хоть иногда и публикуюсь. Но уж точно я читатель, слушатель, телезритель, и у меня есть определенные ожидания от общения со СМИ.

Петербургская власть (об этом не раз заявляла г-жа губернатор) хочет, чтобы городское телевидение стало общероссийским. Но ведь это право должна заслужить телекомпания своими программами, которые могли бы заинтересовать телезрителя и в Москве, и в Казани, и в Иркутске, и на Камчатке. Времена нынче не советские — вот вам программа, и смотрите, что дают. Никакой административный ресурс и благословение вышестоящего начальства не обеспечат рейтинг. Времена, повторяю, не те. Программ теперь много. Есть спутниковое и кабельное телевидение, есть интернет, а повторить прорыв ленинградского телевидения на общесоюзную аудиторию на стыке 80-х и 90-х годов вряд ли удастся при нынешнем уровне 5-го канала. Тогда ведь в Москве чего только не делали, чтобы поймать сигнал со слабенького дециметрового передатчика, ретранслировавшего в столице ленинградские передачи. Это,

видимо, безвозвратно ушло. Я при этом не имею в виду художественное вещание — здесь Петербург обладает определенным потенциалом, который, к сожалению, и не востребован в полной мере, и не использован.

Иногда опрашиваю журналистов, зачем нужны СМИ? Разве не для реализации права граждан на информацию? Соглашаются. А каково (в идеале) должно быть отношение власти к СМИ? Разве она не источник информации для граждан?

В демократических государствах именно таковы взаимоотношения между властью и СМИ.

Всякие попытки со стороны власти влиять на информацию, всякие политтехнологии, направленные на решение пропагандистских задач, на формирование общественного мнения в интересах власти — это преступление против демократии. Власть и СМИ должны существовать абсолютно автономно друг от друга. Их объединяет только одно: и власть, и СМИ существуют.

Мы, общество, платим за все. Не бывает никаких других денег, кроме денег граждан. И не бывает никакой другой журналистики, кроме плохой и хорошей.

Законодательство ряда стран СНГ направлено на ограничение свободы слова и печати

Одной из самых нестабильных сторон жизни постсоветских государств является законодательство, в том числе и масс-медийное. Если в одних странах СНГ права журналистов, издателей и владельцев СМИ год от года расширяются, то в других происходят обратные процессы: под государственным прессом свободное информационное поле сжимается, как шагреновая кожа.

Какую же модель развития выберет для себя Беларусь: восточную, ориентированную на Россию, Казахстан etc., или все-таки западную, которую предпочли Литва, Польша и другие наши бывшие собратья по соцлагерю? От этого во многом будет зависеть судьба каждого журналиста, гражданина и страны в целом.

**Михаил Пастухов,
Юрий Топорашев,**

*эксперты Центра правовой защиты
СМИ при ОО «Белорусская ассоциация
журналистов»*

Рассмотрим некоторые последние законодательные инициативы в сфере масс-медиа России, Казахстана, Беларуси и Литвы.

За ширмой борьбы с экстремизмом

Перед уходом на летние каникулы депутаты российской Государственной думы приняли ряд поправок в федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности», а уже 28 июля с. г. Президент РФ Владимир Путин утвердил эти поправки.

Отныне к формам экстремистской деятельности в России будут относиться воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти и избирательных комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения; клеве-

та в отношении высших должностных лиц Российской Федерации и ее субъектов при исполнении ими своих должностных обязанностей, а также насилие в отношении представителя государственной власти либо угроза такого насилия в отношении чиновника или его близких в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей.

На первый взгляд может показаться, что в условиях обострения терроризма и экстремизма подобные законодательные инициативы вполне оправданны, поскольку государство обязано защищать своих граждан от противоправных посягательств на их жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество и т. д.

С другой стороны, в принятых поправках указанная конституционная обязанность государ-

ственность. И это будет не та «легкая» ответственность, которая предусмотрена обычными статьями Уголовного кодекса за клевету и оскорбление, и тем более не гражданско-правовая, всего лишь с возмещением имущественного или морального ущерба.

Очевидно одно: эти нововведения ударят в первую очередь по тем, кто добывает, готовит и распространяет массовую (общественную) информацию — по журналистам и издателям. Не случайно уже с началом первого обсуждения предполагаемых поправок в Государственной думе наши российские коллеги не на шутку встревожились. Их обеспокоенность выразил в своей статье «С экстремистским приветом» (газета «Новые Известия», 3 июля

строая, носить майку с нацистской символикой или разжигать межнациональную рознь. Короче, я не собираюсь делать ничего из того, что подпадает под установленное законом определение экстремистской деятельности. Но если человек не нарушает действующий закон, то это еще не повод считать его

В течение последних шести лет против российских журналистов было возбуждено более 300 уголовных дел. Наиболее часто фигурировали такие статьи Уголовного кодекса РФ, как «Клевета» (ст. 129), «Оскорбление» (ст. 130) и «Оскорбление представителя власти» (ст. 319).

законопослушным гражданином. Ведь закон можно подправить, перенеся границу недопозволенного далеко в глубь пространства естественной человеческой природы. И тогда поглядим, какие кренделя

ства почему-то сведена лишь к защите органов госвласти, чиновников и их близких. Причем задолго до возникновения реальной опасности: любая неблагоприятная для госорганов и их сотрудников информация может быть расценена как клеветническая, и, следовательно, ее обнаружение будет отнесено к разряду экстремистских действий, влекущих за собой ответ-

2006 г.) секретарь Союза журналистов России, бывший министр печати (1992–1993 гг.) Михаил Федотов.

Публикация направлена против предложенных администрацией Президента РФ поправок. Приведем только один фрагмент: «Скоро я сделаю экстремистом. Нет, я не собираюсь насильственно менять основы конституционного

будет выписывать этот законопослушник, чтобы не угодить в нашу правоохранительную машину, куда, по меткому замечанию классика, человек попадает молочным поросенком, а выходит готовой колбасой».

Факт появления подобной статьи, ее содержание и стиль говорят о том, насколько далеко «союзная» Россия ушла от нас

по дороге развития СМИ и общественной мысли в целом. И насколько тяжело сегодня нашим российским коллегам осознавать то, что у них отнимают свободу прессы, которая была установлена в 90-х годах, в период президентства Бориса Ельцина.

Напомним, что тогда корпоративные чиновничьи структуры пытались обуздать говорящую во весь голос российскую прессу. К чести Б. Н. Ельцина, почти все эти попытки были подавлены. Аргументы первого президента России сводились к следующему: свобода слова — наше главное завоевание, и никому не позволено отнимать его у общества.

С тех пор в российском государстве многое изменилось.

В течение последних шести лет против российских журналистов было возбуждено более 300 уголовных дел. Наиболее часто фигурировали такие статьи Уголовного кодекса РФ, как «Клевета» (ст. 129), «Оскорбление» (ст. 130) и «Оскорбление представителя власти» (ст. 319). Эти данные приведены в мониторинге Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России (сайт: <http://www.cjes.ru>).

В соответствии с новыми поправками в законодательство РФ преступлением стала публичная клевета в отношении государственных служащих при исполнении ими должностных обязанностей. Это в принципе означает, что опубликованные в газете критические высказывания в адрес провинившихся чиновников могут обернуться крупными неприятностями для автора и печатного издания. Все будет зависеть от «высоты полета» госслужащего и его возможностей найти управу на «обидчиков». Отныне над российскими журналистами повисен дамоклов меч, который грозит расправой за любое неосторожное слово в адрес высокопоставленных представителей власти.

Не менее интересной является еще одна форма экстремистской деятельности, оговоренная

в поправках, — «совершение действий, направленных на нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями».

Непонятная формулировка дает широкий простор для ее произвольного толкования. Все зависит от того, кто, в каких целях и против кого собирается использовать этот острый правовой инструмент. И едва ли приходится сомневаться, что в первую очередь он будет применяться против пишущей братии.

«Экстремистский» закон вступил в силу, и теперь наших российских коллег ждут не лучшие времена.

Некоторые белорусские аналитики в области масс-медиа склонны видеть в подобной законодательной практике России как бы рецидивы белорусских инициатив, направленных на искоренение института независимой прессы. На наш взгляд, едва ли можно согласиться с такими рассуждениями. Скорее всего, в белорусском информационном пространстве обкатываются идеи, которые рождаются в аналитических центрах российского государства. Ведь недаром бытует мнение, что сегодняшняя Россия — это «вторая Византия». Напомним, что Византийская империя проводила политику, одним из основных элементов которой было пресловутое правило: «разделяй и властвуй».

Законодательство, которое создает комфортную обстановку для деятельности одних субъектов и крайне неблагоприятные условия для существования других, как раз и есть проявление политики разделения граждан страны по «сортности».

Паника в Астане: было бы с чего...

Перед искушением «поправить» законодательство в сфере СМИ не устоял и бесценный Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, подписавший Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законо-

дательные акты Республики Казахстан по вопросам средств массовой информации».

В соответствии с поправками, разработанными Министерством культуры и информации, расширен перечень лиц, которые не имеют права назначаться главными редакторами. Это касается граждан, которые ранее занимали должность главного редактора и по вине которых выпуск (выход в эфир) СМИ был прекращен по решению суда. Данный запрет ограничивает права в течение трех лет. Кроме того, в действующее законодательство включены нормы, предусматривающие взимание сбора за постановку на учет средства массовой информации.

Указанные нововведения в журналистском сообществе Казахстана назвали «драконовскими». Например, в первоначальном проекте содержались явно одиозные нормы, в частности, об обязательном резер-

По литовскому законодательству государственные органы не вправе учреждать и иметь в собственности средства массовой информации.

ве (эквивалентном сорока тысячам долларов), который должен быть у собственника СМИ на случай исполнения судебных решений. Или положение о лицензировании типографско-полиграфической деятельности. Казахские журналисты направили обращение депутатам парламента с просьбой отклонить этот законопроект. В результате дискуссий в парламенте некоторые из положений, в том числе вышеназванные, были из законопроекта исключены.

Скандал по поводу этих поправок приобрел особую остроту еще и по той причине, что в него вмешалась старшая дочь Президента Назарбаева — Дарига, возглавляющая партию «Асар» («Всемирным народом») и являющаяся депутатом Мажилиса (нижней палаты парламента). В своем выступлении она подвергла законопроект резкой критике и отметила, что его принятие ухудшит положение

СМИ и негативно скажется при рассмотрении кандидатуры Казахстана на предмет председательства в ОБСЕ в 2009 году. Представлявший законопроект министр культуры и информации, в прошлом советник Президента по политическим вопросам, вступил в полемику с Даригой Назарбаевой. В результате основную часть законопроекта депутаты парламента приняли.

Конечно, по белорусским меркам, изменения в казахском масс-медийном законодательстве довольно-таки безобидные и не дают повода для такой шумихи. Тем не менее казахские журналисты посчитали необходимым высказать консолидированный протест против наступления на их права. Их голос был услышан далеко за пределами Казахстана. Европейский союз высказал обеспокоенность по поводу возможных негативных последствий, связанных с принятыми поправками.

Пойдем ли мы по пути «старшего брата»?

Если сравнивать ситуацию с ущемлением свободы слова и самовыражения в Беларуси, России и Казахстане, то, конечно же, мы далеко обогнали наших собратьев по евразийскому союзу и уверенно держим первенство в этом деле.

В России только-только начинают сооружать «правовые редуты», призванные защитить чиновников от «нападков» независимых журналистов. Тамошние законодатели еще не додумались до такого шедевра юриспруденции, как статья 369-1 УК «Дискредитация Республики Беларусь». По сравнению с этой статьей и российские, и казахские нововведения, призванные ограничить право граждан на получение и рас-

пространение информации, кажутся поистине рождественской сказочкой.

Для начала ознакомим чи-

суальную темы. Поразительно, но подходили буквально все заголовки, даже если речь шла о партийных пленумах или съездах.

Теперь внимательно рассмотрим к признакам «дискредитации Республики Беларусь». Получается, что любое минимально критическое высказывание о нашей действительности может оказаться этой самой дискредитацией.

Поистине удивительным является такой пункт, как предоставление заведомо ложных сведений о «...правовом положении граждан в Республике Беларусь». Для того чтобы избежать риска быть привлеченным к ответственности за «дискредитацию» по этому признаку, надо либо знать все законодательство Беларуси, либо вообще молчать. Все иное — прямой путь за решетку.

Как обычно, первыми в этой очереди стоят независимые журналисты, долг которых — давать обществу правдивую информацию о всех сторонах жизни страны и ее граждан. Представим себе, что журналист посмел усомниться в том, что белорусское государство в полной мере выполняет свои обязательства, закрепленные в части второй статьи 21 Конституции: «Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий». В своем материале «на зарубеж» он сообщил о том, что дети в наших школах получают мизерные завтраки и поэтому недоедают; что молодые долгие годы не могут обзавестись своим жильем и поэтому многие браки распадаются; что пожилые люди на свою жалкую пенсию не могут приобрести пристойную одежду и поэтому ходят почти оборванцами.

тателей с текстом статьи 369-1 Уголовного кодекса:

«Предоставление иностранному государству, иностранной или международной организации заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, дискредитирующих Республику Беларусь или ее органы власти (дискредитация Республики Беларусь), — наказывается арестом на срок до шести месяцев или лишением свободы на срок до двух лет».

В контексте признаков этого одиозного состава преступления вспоминается старая игра бывалых журналистов. Бралась любая газета (очень подходила для этого «Правда»), читались заголовки статей и выяснялось, насколько они подходят для материалов на эротическую и сек-

Из этого логично вытекает, что статья Основного закона страны по вине властей не выполняется, а граждане не могут воспользоваться теми благами, которые должны получить от государства. В то же время официальные СМИ настойчиво внуша-

Особо следует сказать о тех гражданах, которые выезжают за границу и встречаются с представителями других государств. Перед ними стоит альтернатива: либо говорить правду и оставаться там, где ее говоришь, либо молчать — и тогда можно вернуться в родные края, где тоже, кстати, следует помалкивать.

ют, что жить белорусским гражданам с каждым днем становится лучше и веселее.

Вопрос: какие из указанных СМИ распространяют ложную информацию о правовом положении граждан?..

Ответ на этот вопрос даст суд, который рассмотрит подго-

Мы не случайно привели пример, используя для этого статью 21 Конституции. Подобных статей нет в конституционном законодательстве ни одной страны мира. Да и в нынешней Конституции Беларуси она появилась как поправка после злополучного ноябрьского референдума 1996 года. По единодушному мнению независимых юристов, она носит сугубо декларативный характер.

Это лишь одно из возможных последствий применения статьи 369-1 УК. Если же мы обратимся к таким признакам, как «предоставление иностранному государству, иностранной или международной организации заведомо ложных сведений о политическом, экономическом,

что пишут на страницах независимых газет о белорусском государстве и его политике, то по сути всю такую прессу придется закрывать.

Особо следует сказать о тех гражданах, которые выезжают за границу, встречаются с представителями других государств и имеют смелость рассказывать о нашем житье-бытье. Перед ними стоит альтернатива: либо говорить правду и оставаться там, где ее говоришь, либо молчать — и тогда можно вернуться в родные края, где тоже, кстати, следует помалкивать...

Вот такая замечательная статья появилась у нас, напомнив об уже подзабытом советском прошлом. Тогда в уголовном законодательстве действовали такие статьи, как «Антисоветская пропаганда и

товленные органами расследования и прокурором материалы. А они знают, кого надо привлекать к ответственности, в том числе и за «дискредитацию Республики Беларусь».

социальном, военном или международном положении Республики Беларусь...», то здесь последствия будут более тяжкими. Если соответствующие органы начнут въедливо отслежи-

агитация», «Клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй». И наказания за чуждую советскому обществу «ересь» были построже, чем за

«дискредитацию Республики Беларусь».

Заметим, что статья 369-1 УК стала логическим продолжением в ряду других, не менее примечательных уголовных статей: 367 — «Клевета в отношении Президента Республики Беларусь», 368 — «Оскорбление Президента Республики Беларусь», 369 — «Оскорбление представителя власти».

В отличие от статьи «Дискредитация Республики Беларусь», поименованные статьи уже прошли основательную апробацию: ряд журналистов и других активных граждан подверглись по ним уголовному наказанию.

Не стоит сомневаться, что и «дискредитационная» статья недолго будет «безработной». Кстати, первые прецеденты уже обозначились: прокуратура вынесла предупреждения о недопустимости соответствующих действий одному из белорусских журналистов и известному общественному деятелю.

Выше мы вели речь о влиянии так называемого смежного законодательства на деятельность СМИ и журналистов. Напрямую оно как бы эту деятельность не регламентирует. Для этого имеется специальное законодательство — Закон «О печати и других средствах массовой информации», принятый еще в 1995 году и не единожды подправленный нынешней белорусской властью. Тем не менее воздействие смежного законодательства на масс-медиа чрезвычайно активно, а порой и достаточно трагично как для отдельных журналистов, так и в целом для независимых изданий.

На протяжении последних четырех лет где-то во властных белорусских кабинетах идет напряженная и практически секретная работа над проектом нового закона о СМИ. Есть сведения, что этот законопроект будет представлен в парламент уже на осенней сессии.

Знакомство с четырьмя предыдущими вариантами этого законопроекта дает нам основание утверждать: ничего

хорошего для независимой прессы он не обещает. А что касается такого коммуникационного средства как интернет, который приобретает все большую популярность, то здесь новый закон может нанести ощутимый удар. Судя по законопроекту, власть намерена поставить интернет и его постоянных пользователей под глобальный и неусыпный контроль. Как и насколько ей удастся это сделать — вопрос второстепенный.

В Литве такие «штучки» не проходят

В то время, как в Беларуси все туже закручиваются гайки на истерзанном поле независимой прессы, а само понятие «свобода слова» последовательно загоняется в резервацию, у наших ближайших соседей — литовцев происходит нечто принципиально иное и не совсем понятное для наших законодотворцев.

Начиная с 2004 г. в Литве шла работа над новой редакцией Закона «Об общественной информации» (аналог нашего Закона о печати). Этот закон принят литовским сеймом и вступил в силу 1 сентября 2006 г.

Совершенно необычное для нас явление: в группу разработчиков законопроекта входили не только парламентарии, но и члены Союза журналистов, представители ряда иных общественных организаций, издатели и др.

После передачи законопроекта в парламентские комитеты для предварительного изучения в него планировалось внести некоторые поправки. Однако не со всеми предложениями депутатов согласились журналисты. По этому поводу в парламенте при широком участии сотрудников СМИ и по их инициативе состоялось публичное обсуждение предложений депутатов сейма.

Что же вызвало беспокойство у литовских коллег? К примеру, в раздел, посвященный защите частной жизни, депутаты хотели внести норму, которая ограничивала бы право журналиста

фотографировать или производить видеосъемку не только на приватной территории, но и на территории, которая используется для хозяйственной, профессиональной и коммерческой деятельности. После бурного обсуждения под натиском журналистов эта поправка была отклонена и исключена из законопроекта.

Дискуссия разгорелась и вокруг такого понятия, как «мнение». В законопроект предлагалось внести норму, которая требовала бы от журналиста аргументировать свое мнение фактами. Однако литовские коллеги настояли, чтобы эта поправка была снята, поскольку она противоречит общепризнанным стандартам в области свободы слова.

В новом законе специальный раздел посвящен интернету. Единственное ограничение, которое предусматривает закон, касается... органов государственной власти.

Здесь следует пояснить, что по литовскому законодательству государственные органы не вправе учреждать и иметь в собственности средства массовой информации. В отношении интернет-изданий для них сделано исключение: они могут иметь свои сайты, которые, однако, не должны содержать признаков интернет-газеты, а также использоваться для агитации и пропаганды.

* * *

Беларусь, находясь на пересечении географических путей и информационных потоков, продолжает метаться в поисках своей особой информационной модели. Что, безусловно, находит свое отражение и в законодательных инициативах, касающихся деятельности СМИ. У нас, как и в некоторых других постсоветских странах, доминирует ограничительная направленность законодательства. А заявления о стремлении к общепринятым демократическим ценностям носят чисто декларативный характер.

МРАК

Нынешней весной меня в очередной раз пообещали застрелить. Впервые такое случилось три года назад. А вообще угрозы расправы приходилось слышать неоднократно — как от уличной шпаны, так и от сотрудников правоохранительных органов. Хочется верить, что уже бывших.

В последнее время на меня все чаще накатывается ощущение безысходности и тревоги. Хотя я чувствую себя

относительно свободным в нашей «стабильной» стране. Относительно потому, что не безопасно. Мне мешают жить

По определению белорусы не горячие. Но часто «подогреты»

Владимир ДЗЮБА

публичное хамство, жлобство и сквернословие, которые встречаются на каждом шагу. При этом я испытываю глубокий стыд за сограждан, которые воспринимают всю эту мерзость как некую данность и молчат. Порой кажется, что мат в нашей стране становится (или уже стал?) третьим государственным языком. А звериный инстинкт вытесняет доброту, чувство долга и человечность.

«Табельник»

В конце августа 2003 г. я на несколько дней приехал в Борисов, чтобы навестить престарелую мать, а заодно навести порядок в родном «имении». По увядающему саду, радостно виляя хвостом, бегал черный лохматый пес по кличке Макс. Он то и дело помечал вверенную ему недвижимость — углы большого деревянного дома и стволы плодовых деревьев. Я же, вооружившись метлой, прибирал во дворе.

Солнце ласкало этот зеленый оазис, небольшой частный сектор из нескольких домов, которые приютились на Зеленом переулке. Рядом роддом, школа, дом грудного ребенка, где государственные няни воспитывают брошенных детей, напротив — городской водоканал. Наверное, с целью сохранения санитарной зоны строители до сих пор не снесли этот островок.

Ближе к вечеру в огороде залаял Макс. Потом послышался глухой удар в забор и брань. Пес подчинился команде и прибежал ко мне.

— В чем дело, приятель?!

Макс виновато посмотрел и, повернув морду в сторону улицы, злобно заворчал. Кто-то опять ударил в ворота, да с такой силой, что доска отлетела. Ничего себе, думаю, номер, никак на переулке Брюс Ли завелся.

Вышел на улицу и оторопел. Передо мной стояла симпатичная молодая женщина. Было от чего смутиться — работал я босиком и в плавках, весь покрыт пылью. В таком виде предстать перед женщиной!..

Но рядом с ней красовался высокий блондин в белой рубашке. На первый взгляд — студент-стажер или вчерашний выпускник. Извинившись перед дамой за свой неприглядный вид, я спросил:

— Молодой человек, вы что себе позволяете?

— Ты, бл... Моя жена беременная, твоя собака ее напуга-

Государство, возможно, и процветает, но общество — нет. Потому что государство плохо защищает наши с вами права. И, мягко говоря, лукавит, нагло перекладывая решение сложных и опасных проблем на плечи законопослушных граждан.

ла. Сейчас достану табельник, уложу обоих. Если что случится, бл...

Парень был здорово выпивший, глаза его горели злобой.

В годы журналистской юности мне не однажды доводилось работать с операми, на их жаргоне «табельник» — это табельное оружие, т. е. пистолет Макарова.

— Приношу извинения вам и вашей жене, — как можно более спокойно сказал я. — Но вы ведете себя непристойно. Тыкаете мне, хотя я в два раза старше вас, угрожаете...

Закончить мысль я не успел.

— Ты, наверное, чего-то не понимаешь, — снова взорвался он. — Сейчас я тебя...

Рука «студента» потянулась к черной кожаной папке, которую он держал под мышкой.

На этот раз уже не успел договорить белобрысый. Я быстро вырвал у него папку, которая оказалась весьма увесистой, прихватил за локоть и сказал, что сейчас скручу и передам его по месту его же службы. В мой адрес сыпались оскорбления, но вырваться белобрысому не удавалось. Его спутница заплакала:

— Мужчина, прошу вас, не надо! Ян, прекрати, пошли домой... Что ты делаешь...

Стало жалко эту милостивую женщину. Я отпустил ее белобрысое «счастье» и передал папку ей:

— Извините еще раз. Держите оружие от этого дурака подальше.

Развернулся и пошел к калитке. Ян выкрикивал мне в спину угрозы и пообещал, что скоро вернется. Но жена, крепко уцепившись в суженого, пыталась увести его от греха подалее.

На душе было муторно. Присел, закурил. Рядом, положив морду на передние лапы, улегся Макс. Умный, преданный пес. Нелегкой была его собачья судьба. Мне рассказали, что когда-то его жестоко избил бывший хозяин. Бил до тех пор, пока черенок лопаты о холку не поломал. С того момента собака пьяных мужиков на дух не переносит. Потом Макса на полгода заперли в гараж и держали впроголодь. Доброты людской он практически не видел. А когда попал в наш дом, то к новой хозяйке очень привязался. И на женщин никогда не лалял.

Вскоре мама умерла, а пес еще очень долго ее ждал. При каждом удобном случае проскользнет в дом и уляжется на полу у опустевшей маминной кровати...

Не успеваю докурить сигарету, как снова стучат в ворота. Вот и «табельник» с друзьями на разборку пришел. Прихватив с собой лопату, направляюсь к калитке. Из-за забора

выглядывают двое незнакомцев — седой и совсем молодой. Заметно, что оба под хмельком.

— Добрый вечер, хозяин! Только что жена сына родила, хотим купить у вас цветы, — говорит тот, что помоложе. — Больше негде.

— Да вы что, мужики, не видите? Все клумбы голые, дело к осени идет...

Что бы ни говорили штатные пропагандисты о нашем райском житье, но жить во лжи опасно. Если дальше так пойдет, то мы просто утонем как этнос, как народ в трясине лжи и беззакония.

— А во-он те, — мне указали на кусты алой и белой флоксы.

— Нет проблем, если вас устраивают эти веники, заходите.

Нарезал большой букет. Стали предлагать деньги, но я отказался: грех, ведь у людей такая радость.

— Мужики, пусть ваш малыш растет мудрым и здоровым. Удачи!

Пожали друг другу руки. Счастливые дед и отец направились к роддому.

На душе отлегло. Вот, человек родился. Даст Бог, вырастет настоящим мужиком. Может, его поколению удастся очистить нашу жизнь от мерзости и мрази.

Но что делать с психованным «табельником»? Все же крепко плюнул в душу. Пойти с утра в Борисовский горотдел милиции и написать заявление? В лучшем случае его пожурят. В худшем — меня самого обвинят в хулиганстве. Ведь свидетелей инцидента, как назло, в тот момент поблизости не оказалось...

Как бы там ни было, но работать таким людям в органах нельзя. Уж слишком нагло и самоуверенно он себя вел, безнаказанностью козырял вызывающе. Скорее всего, у белобрысого Яна папа или дядя — «шишки» местного масштаба, поэтому и нет у парня тормозов. Такой не задумываясь приставит «табельник» к виску —

Такое можно увидеть почти в каждом школьном дворе

и выбьет из тебя «нужные» показания. Какая там презумпция невинности, забудьте!

Чувство безнаказанности — это вирус, поразивший сознание не только представителей силовых структур, но и обычных граждан, которые со временем становятся преступниками. Это чувство ведет к вседозволенности, вседозволенность — к произволу. Произвол — к унижению человеческого достоинства и официальной лжи о том, что в «нашем Багдаде» все спокойно.

В период президентской кампании (до выборов и после) в Минске и областных центрах задержали 45 сотрудников белорусских и зарубежных СМИ. Только одного из них суд оправдал, несколько отделались штрафом, остальные подверглись административному аресту. За «нецензурную брань», «неподчинение сотрудникам милиции» и т. д. Набор стандарт-

ный, как и 10 лет назад. Короче — хулиганы, причем — все!

Понятно, что это ложь, о которой говорят не только отсидевшие коллеги-журналисты и правозащитники, но и («по дружбе») некоторые блюстители правопорядка. Однако попробуй, докажи обратное! Протоколы об административных правонарушениях составили сотрудники милиции, они же — основные свидетели в суде.

Что бы ни говорили штатные пропагандисты о нашем райском житье, но жить во лжи опасно. Ведь давно известно, что не происки Запада, а очковтирательство и «умиротворяющая» ложь, которую возвели в ранг государственной политики, погубили некогда великую империю. СССР развалился на куски, которые до сих пор между собой враждуют. Нашей же гордой, синевой, но маленькой Беларуси

даже развал не грозит. Если дальше так пойдет, то мы просто утонем как этнос, как народ в трясине лжи и беззакония.

...Мои невеселые мысли прервало деликатное мяуканье. Это бездомный кот пожаловал в гости. Он всегда приходит, когда я приезжаю. Мне нравится, что он никогда не орет и не требует сиюминутного внимания, какой бы голодный ни был. Терпеливый. Настоящий, я бы даже сказал, толерантный белорус. Придется накормить. На сегодня это будет еще одно приятное и доброе дело.

«Формальный» патруль

Микрорайон «Уручье-2», СШ N 184. Здесь учится мой сын. Эта школа мне нравится — чистая, ухоженная. Рядом прекрасный стадион, где несколько

игровых площадок и футбольное поле, трибуны для зрителей, разные гимнастические приспособления.

Захожу в просторный вестибюль, беру у консьержки журнал, расписываюсь. Сегодня моя очередь дежурить в родительском патруле. Что это такое — не знаю, пришел в первый раз. Спрашиваю у дамы пенсионного возраста:

— Какие мои обязанности, права?

Та удивленно посмотрела — наверное, непривычный для нее вопрос. Немного подумала.

— Смотреть за порядком на территории, чтобы ничего не ломали. Ходить надо вокруг школы.

— Понятно. А если какой-нибудь хулиган начнет мне ха-

«Мат — это язык раба. Перегар — это протест раба». Выходит, до свободного и стабильного общества нам еще шагать и шагать...

мить, да еще нож достанет. А я ему руку сломаю. Меня ж и посадят. Есть у вас хоть какой-то документ, на основании которого я могу «патрулировать» прилегающую к школе территорию?

— Ой, какой документ, какие хулиганы? Никто вас не посадит.

Все ясно. Пойду смотреть, «чтобы ничего не ломали». Вскоре я понял, что накаркал на свою голову.

Выхожу, за ближайшим углом старшеклассницы курят и что-то обсуждают. Подошел, поздоровался.

— Девчонки, вы что, замуж не хотите?

—?

— Подрастете, влюбитесь. Как же вы детей будете рожать, ведь организм травите.

Засмеялись:

— Вот когда будем рожать, тогда и бросим.

Они неспешно пошли по своим делам.

По лестнице спустился к стадиону. Сколько здесь ребятни! Кажется, теплый майский вечер всех выманил на улицу. На одной баскетбольной площадке соревнуются малыши, на второй — ребята постарше. Две команды гоняют футболь-

ный мяч, вместе с ребятами играют и девчонки. Шумно, весело. На зрительских трибунах небольшими стайками сидят пассивные наблюдатели. Кое-кто покуривает. На толстого и седого дядю — ноль внимания. Иду дальше и натываюсь на троицу, которая распивает спиртное. Набор стандартный: бутылка водки, полуторалитровка пива, чипсы. Двое, похоже, старшеклассники. Третьему, по всему видно, предводителю — года двадцать четыре. После приветствия говорю:

— Мужики, вы что, другого места не нашли? Здесь же дети играют. Прекрасная погода, рядом лесок, роща. Ведь там можно распить.

— Мы здесь отдыхаем. А вы кто такой? — спрашивает «предводитель».

— Я здесь дежурю и смотрю за порядком. А вы, вероятно, перепутали стадион с забегаловкой. Пожалуй-ста, уходите.

Здесь старший троицы нервно встрепенулся, соскочил с трибуны и ко мне:

— Отойдем, поговорим!

Пацаны тоже вскочили и начали его уговаривать. Мол, не связывайся ты с этим мужиком, не надо. И с таким подтекстом, что будто бы моя судьба уже предрешена.

Отошли в сторону. И началось:

— Вы знаете, что такое внедрение? Я работаю, а вы мешаете. Шеймана знаете? А вы кем работаете?

Узнав, что я журналист и просто отец одного из школьников этого учебного заведения, мой собеседник перешел на «ты» и мат. Но я попросил показать документ, подтверждающий его «внедрение», или пройти в опорный пункт милиции, который находится недалеко от школы. Он согласился.

Поднялись по ступенькам, прошли шагов тридцать. Предводитель шпаны внезапно остановился и заявил, что никуда не пойдет.

— Что, сдрейфил, герой? Хватит лапшу на уши вешать, забирай своих малолеток и уходи!

Здесь он подскочил ко мне снова:

— Я решил раз в полгода выпить, а мне не дают. Ну ты, лох, нарвался, да я тебя сейчас застрелю!

— Ну, доставай свой «пу-гач», шенок! Если, конечно, успеешь.

Терпение мое лопнуло. Стоит напротив и дышит в лицо перегаром. Это хорошо, что близко стоит. В голове молниеносно прокрутил, что буду бить дебила локтем в горло или челюсть. Удар короткий, но очень мощный. Хотя в горло — опасно, можно убить. Если в челюсть, то точно сломаю. Лет двадцать назад я еще мог рассчитать силу удара, сейчас — нет. Реакция не та, да и навыки потеряны. Противник же молодой и подвижный. Здесь нужно бить наверняка. Черт с ним, сломаю челюсть, он того заслуживает...

Но мой оппонент неожиданно сменил тон и перешел на «вы». Через минуту он извинился и пообещал уйти со стадиона. Но не это его спасло от увечья, а меня, возможно, от тюрьмы за нанесение «тяжких телесных». Рядом снова никого не было, кто бы мог подтвердить, что мне угрожали расправой. В тот вечер мы должны были дежурить вдвоем, но мама одного из учеников почему-то не пришла. Возможно, и хорошо, что так получилось...

Это сегодня я так рассуждаю. Но тогда... Тогда в душе все кипело, и я был готов растерзать отморозка.

Продолжаю обход вверенного мне объекта. Натыкаюсь на компанию из четырех человек, которая расположилась на ступеньках запасного выхода. Стоят: опираясь на костыль, ветеран-пенсионер, мужчина лет сорока при галстукке и в приличном костюме, рядом с ним аккуратно одетая дама. На ступеньках сидит женщина,

возраст которой определить сложно, но ее замусоленная одежда и опухшее от чрезмерного употребления лицо свидетельствуют о полной деградации. На «столе» из газеты бутылка водки, пластмассовые стаканчики и какая-то незамысловатая закуска.

этой школе мой внук учится. Сейчас быстренько допьем и уйдем...

Отдежурил я положенное время. Снова зашел в школу и расписался, что «пост» сдал. Ничего больше не случилось. Но и того, что произошло, хва-

воспитании «достойной смены». Согласен, что это важно. Но учителям и так забот хватает: кроме уроков и проверки тетрадей дома, они водят наших детей на экскурсии, в музеи и кино, организуют спортивные соревнования, поочередно дежурят по выход-

Средь бела дня и не на глухой окраине...

— Люди добрые, что же вы делаете? Здесь же школа, дети...

— А что, мы никому не мешаем, спокойно сидим, — объяснило, поправляя скомканную юбку, синюшное лицо.

— На вас же смотрит молодежь, какой вы пример подаете, — ничего более умного, кроме этого штампа, мне в голову не пришло.

— Все правильно, извините, — отвечает ветеран. — В

тило, чтобы до глубокой ночи ворочаться в раздумьях: что же это происходит в нашем процветающем государстве? Государство, возможно, и процветает, но общество — нет. Потому что государство плохо защищает наши с вами права. И, мягко говоря, лукавит, нагло перекладывая решение сложных и опасных проблем на плечи законопослушных граждан.

Только не надо мне напоминать о роли семьи и школы в

ним в спортзалах, по указу «сверху» обеспечивают показушную массовость на различных городских мероприятиях, три раза в неделю проводят классные часы, профилактическую работу с проблемными детьми и их родителями, вместе со своими воспитанниками убирают прилегающую к школе территорию, в летний период красят и чистят классы и т. д. А тут еще — родительский патруль, за организацию

которого они тоже должны отвечать.

А если во время этого самого «патрулирования» подворотная шпана изувечит кого-либо из родителей или того хуже... Кто ответит? Чиновник из управления образования, который все это придумал? Никогда!

В микрорайоне «Уручье», как, впрочем, и в других спальных районах Минска криминальная обстановка непростая. Недели две назад в доме напротив в собственной квартире убили женщину. Месяцем раньше в этом же доме среди бела дня обворовали квартиру. В нашем подъезде лет десять назад нашли окровавленный труп мужчины. Спустя некоторое время взломали и очистили одновременно две квартиры. Я уж не говорю про уворованные (со всех лестничных площадок) оконные рамы, неодно-

Наши люди привыкают ко всему. Это хорошо и плохо. Отрицательный фактор заключается в том, что за житейскими заботами и суетой мы не замечаем, как привыкаем к мерзости и грязи.

кратно сожженные почтовые ящики, кнопки квартирных звонков и лифта. Согласитесь, довольно плотная статистика для территории радиусом в сто метров.

Несколько лет назад наш район по ночам контролировал милицейский патруль на мотоцикле с коляской. И, поверьте, рев тяжелого мотоцикла было слышать намного приятнее, чем пьяный мат и шум постоянных драк во дворе.

Короче, в темное время суток за порядком на улицах должна смотреть милиция, а не учителя и родители. А если уж придумали родительский «патруль», то договоритесь с сотрудниками правоохранительных органов, чтобы помогали. Будет хоть какая-то гарантия безопасности и толк от этого дела.

Недавно мне позвонили и снова обратились с просьбой принять участие в родительском «патруле». В двух словах я рассказал своей собеседнице о перипетиях прежнего

дежурства. В ответ приятный бархатный голос просветил:

— А вы никуда не вязывайтесь. Придите, распишитесь в журнале и подежурьте чисто формально. А то нашу классику будут ругать.

Кажется, мы снова вернулись в застойные советские времена. Как быстро люди забыли про унижительные талоны на крупу, сахар и макароны, на нижнее белье, одежду и обувь! Неужели история не научила, что ничего формально делать нельзя? Ни работать, ни отдыхать, ни любить, ни воспитывать детей. Ни, тем более, бороться с уличной преступностью.

Формализм — это та же ложь. Но думать о решении наиболее проблем по призванию и долгу должны «генералы» соответствующих ведомств вкупе с огромной армией чиновников, а не мамы из родительского комитета. Впрочем, госучреждения, где они работают, коттеджи, где живут, их имущество и семьи охраняет на наши с вами налоги еще более многочисленная армия бойцов самых различных спецподразделений. Поэтому им, прячущим свои холеные (простите) задницы в бронированных лимузинах, «рядовой электорат» не понять.

«Сердобольные» убогие

Наши люди привыкают ко всему. Мнение, давно ставшее крылатой фразой. Это хорошо и плохо. Хорошо потому, что белорусов не однажды выручало умение приспособиться к неимоверно трудным условиям, чтобы выжить. Отрицательный фактор заключается в том, что за житейскими заботами и суетой мы не замечаем, как привыкаем к мерзости и грязи. Говоря языком наших депутатов и блюстителей порядка, к антисоциальным явлениям: повальному пьянству во время «народных» гуляний,

площадной брани на улицах и в общественном транспорте, когда разнузданные подонки не обращают внимания ни на женщин, ни на детей, ни на людей преклонного возраста. Ни даже на милицию, которая относится к этому более чем лояльно. Сегодня ругаются практически все. Если провести эксперимент и пометить с помощью театрального грима синяками тех, кто публично сквернословит, то картина получится весьма живописная. С фингалами будет ходить половина школьников, студентов, сотрудников милиции, военнослужащих, более 90% пэтэушников и представителей рабочего класса. Редкое исключение составят люди интеллигентные и воспитанные, т. е. альбиносы нашего стабильного общества.

Пока же массовым измывательствам, с настоящими увечьями и синяками, вы можете подвергнуться в самых спокойных, казалось бы, местах. Как это было в ночь с 10 на 11 сентября в электричке «Минск—Пуховичи», в которой после праздника города возвращалась домой разогретая спиртным молодежь. Все бы ничего, уличной дракой в наше время никого не удивишь. Но в заложниках у пьяных дебилов в течение трех часов (!) были пассажиры, которых из вагонов не выпускали. Бойню между собой устроили жители Мачулищ, Руденска и Марьиной Горки. Дрались во время движения и, срывая стоп-кран, на остановочных пунктах. В окна вагонов летели камни. «Сначала мелкие, а затем и крупные булыжники... Один из мужчин, прикрывая собой сидящую рядом девушку, бросается на пол, через мгновение с треском обваливается стекло и падает ему на спину. Сквозь разбитые окна сыплется град камней... Пассажиры прячутся под лавки». После того, как в вагоне появился один (!) милиционер и объявил, что всем наконец-то можно встать, пи-

шет автор статьи «Осторожно, дети!» («Белорусы и рынок» № 36, от 18.09.2006), открылась вся картина происходящего. «Окровавленные от побоев мужчины, разбитое стекло на сиденьях и полу, ветер, бьющийся в истерике девушки. До этого одной из них камень угодил прямо в лицо, в результате чего у нее была сильно повреждена губа, а выбитые зубы валялись на полу в луже крови... Ее удалось привести в сознание только благодаря нашатырю, отыскавшемуся у одной из пассажирок. На последней станции наиболее пострадавших увезли кареты «скорой помощи».

Но беспомощные пассажиры, как спасения, ждали еще появления если не «автозаков» для задержания отморожков, то хотя бы нескольких «Уралов» с бойцами спецназа. Не дождались. На одну из станций прибыл милицейский УАЗик, который ничего не смог сделать, как и двое милиционеров, которые несли службу в той злополучной электричке.

А где же оперативность, т. е. один из главных критериев деятельности силовых структур?

Вопрос повисает в воздухе.

Хотя — нет. Завидную прозорливость «силовики» проявляют во время мирных гражданских акций: пикетов, митингов, молодежных флэшмобов, к месту проведения которых загодя стягивают целые батальоны. А сотрудников независимых СМИ вообще умудряются «изолировать» если не до, то в процессе действия. Как, например, 31 августа в Бобруйске, где «повязали» 11 журналистов. И не важно, что они выполняли свои профессиональные обязанности согласно Закону о печати и Конституции.

На вопрос, за что их задерживают, милиционеры с циничной ухмылкой ответили: «Например, за то, что вы в нетрезвом состоянии и сквернословите».

Нет, это уже не ухмылка, а порочная, дерзкая, самодовольная гримаса системы, которую с удовольствием копируют малообразованные, одичавшие и люмпинизированные слои общества.

...Поздним вечером возвращаюсь с работы. Пассажиров в троллейбусе немного. Наблюдаю за людьми, это чисто профессиональная привычка, своего рода игра: пробую с первого взгляда угадать профессию человека, его социальный статус, пристрастия, увлечения... На задней площадке у двери стоит яркий представитель моего района. В стоптанной, нечищенной обуви и брюках с пузырями на коленях. Из-под свитера выглядывает зашмальцованный ворот сорочки.

Работяга, самодовольно ухмыляясь, как удав на кролика, смотрит на худощавого интеллигента в «умных»

очках, который стоит напротив. Потом, ни с того ни с сего, проводит грязной ладонью по его лицу. Тот, ошарашенный, пятится назад. Люмпен, получив явное удовольствие, расплывается в улыбку. Кто-то из бабушек бросает реплику: «Ужас! Что это делается?». Да ничего, бабульки, ужасного не происходит, просто подвыпивший люмпен в присущей ему манере развлекается.

Интеллигент, прижав к животу бесценный кейс с научными трудами, собирается выйти. Но самодовольное мурло хватается за галстук и держит. Пришлось вмешаться. Заломив руку, я вытолкнул мурло на улицу. Выхожу, а на меня бросается уже не человек, а разъяренный бык. Через секунду он упал на асфальт и, крепко обхватив мои ноги, то ли завыл, то ли замычал. Как колобки, выкатились из троллейбуса бабушки — и ко мне:

— Адпусці яго, не трэба біць чалавека...

— Слышишь, урод, отдай ботинки, — говорю я ему. Но он

не отпускает до тех пор, пока не получает оплеуху.

Осмотрелся — вокруг никого. Только сердобольные старушки помогают подонку встать на ноги. Интеллигент куда-то испарился. Мужички в троллейбусе поехали дальше, хотя на этой остановке транспорт обычно тұстее.

Иду и размышляю: милые мои бабушки, вы же войну пережили, голод и холод, столько мерзости повидали на своем веку, а отморозка жалеете. Еще минуту назад вы возмущались тем, как на ваших глазах унижают человека. Правда, глаза в пол, как сидящие рядом мужички, не прятали.

Чувство безнаказанности — это вирус, поразивший сознание не только представителей силовых структур, но и обычных граждан. Это чувство ведет к вседозволенности. Вседозволенность — к произволу. Произвол — к унижению человеческого достоинства.

...Возможно, это вовсе и не жалость, а генетическое стремление приспособиться к окружающей нас действительности — полной беспредела, жестокости и ненависти. Атмосфера, именуемая место как в «верхах», так и в «низах». Но это далеко не та классическая ситуация, когда «низы не хотят», а «верхи не могут». Это обычное разложение нравственных устоев общества. Но бабушки об этом не хотят думать. Как и о том, смогут ли в этом мире избежать унижения, остаться целыми и невредимыми их дети и внуки...

Михаил Жванецкий как-то заметил: «Мат — это язык раба. Перегар — это протест раба». Выходит, до свободного, процветающего и стабильного общества нам еще шагать и шагать.

Пока же на мой спальный район «в самом центре Европы» опускается даже не ночная мгла, а беспросветный мрак. Пьяный, тревожный и опасный.

Вакацыі паводле прысуду

Павал СЕВЯРЫНЕЦ,
в. Малое Сітна Віцебскай вобл.

Лета. Вёска. Вакол — толькі лес ды цудоўныя беларускія азёры. Самы пачатак сэзону грыбоў-ягадаў. Рыба. Птушкі. Фізычная праца на чыстым паветры. Чаго яшчэ застаецца жадаць?..

Хіба толькі свабоды. Бо жывеш у інтэрнаце са «спэцкантынгентам» — асуджанымі да абмежавання волі; штورانку а 7-й адзначаецца ў начальніка леспрамгасу, пасьля 22.00 — адбой, а выезд за межы населенага пункту забаронены пад пагрозай пераводу ў «зону».

Гэткім жа сьпякотным летам год таму судзьдзя Цэнтральнага раёну Менску Ясяновіч, які зараз аформіў вырак «вярхоў» у справе «Партнэрства», адправіў мяне на два гады на «хімію» ў Малое Сітна.

Малое Сітна — занябная вёска на мяжы з Расеяй, самае дно сучаснае Беларусі, дзе, як у глыбіні душы ўсяе нацыі, стаіліся ўсё расчараваньне, адчай, зьнявераньне падманутай і згалелай за 12 гадоў краіны. Апошнія калгасы тут разваліліся, фэрмеры задуша-

Калі паставіць сабе за мэту, нават без падпісных каталёгаў можна выйграць інфармацыйную бітву ў рэжыму «знізу», маючы пэўныя грошы й аднаго-двух актывістаў у кожным сельсавеце ці гарадзкім квартале.

ня падаткамі, падсобныя гаспадаркі наваполацкіх прамысловых гігантаў збанкрутавалі, турбазы, збудаваныя за савецкім часам, разбураныя ды раскрадзеныя мясцовым насель-

ніцтвам на цэглу. Адзінае месца, дзе яшчэ можна зарабіць грошы (100–200 тысячаў беларускіх рублёў), — леспрамгас, што ледзь ліпіць на абсталёваньні 1961 г., злачынна высыкае няспелы лес і вывозіць сырую драўніну (чаго даўно ня робяць у цывілізаваным сьвеце)

на экспарт. Каб неяк выжыць, вёска ўвесну масава зьбірае й здае шышкі, улётку — грыбы ды ягады. Тут часта цэлымі сем'ямі езьдзяць у горад здаваць кроў — бо за 400 мл плоцяць 60 тысячаў, ды нараджаюць паболей дзяцей, каб атрымаць «сацыялку»... Калі ў Малое Сітна прывозяць малако,

гародніну, бульбу — у сельпо выстройваюцца чэргі. Ад безнадзёгі люд сьпіваецца, прычым п'е ўсё больш тэхнічны сьпірт — шклоачышчальнік, які завозяць сюды з Расеі, «максімку». Вяскоўцы трыцяцца, шалеюць, набываюць эпілепсію — але п'юць. І для крыміналу, і для сілавых структураў Малое Сітна — чорная дзірка на фактычна няіснай, але эканамічна і юрыдычна рэальнай мяжы з Расеяй. Кантрабанда, «левы» лес, міграцыя нелегальшчыны ідзе празь Сітна.

Вёска, якая магла б стаць цэнтрам азэрнага й ляснага турызму, зарабляць грошы на мытным кантролі, транзыце, камэрцыйным паляваньні, дрэваапрацоўных майстэрнях і ягадна-грыбным бізнэсе, на экскурсіях па мясцінах «Шляхціца Завальні», вёска, якую маглі б упрыгожваць ня дымныя кацельні, а экалягічна чыстыя ветракі, вымірае, разьяджаецца, сьпіваецца.

Але нават Малое Сітна ў гэтую гарачую вясну пачало ствараць мясцовай вэртыкалі вялікія праблемы. На выбарчым участку, куды не дапусьцілі назіральнікаў, камісія налічыла 22 бюлетэні за Мілінкевіча, хаця ў вёсцы (дзе ведаюць адзін аднаго як аблупленых) гавораць пра 120–125 галасоў. Вяскоўцы адкрыта распавядаюць, што палова Сітна галасавала суп-

раць Лукашэнкі — і што іх галасы кудысьці зьніклі. Таму пасля «выбараў» многія пачалі насіць значкі «За свабоду». Трое сіценцаў выпісалі на чэрвень «Народную Волю», яшчэ двое далучыліся да іх у ліпені. Незалежную прэсу чытаюць усёй брыгадай. У вёсцы зьявіліся суполка ТБМ і два ма-

Не сумняся: сіценскую газету ў дэмакратычнай Беларусі насельніцтва акругі будзе чытаць ад «а» да «я».

ладафронтаўцы. Рабочыя, якіх раней начальства прымушала працаваць у выходныя (уключна зь нядзелямі й сьвятамі), ужо ў красавіку пісьмова ў поўным складзе адмовіліся выходзіць на працу нават у суботу.

Жывучы жыцьцём звычайнага рабцягі, шмат чаму вучыцца. За без малога год мне ўдалося папрацаваць тут штабэлёўшчыкам (перакладаньне штабэляў дрэва ўручную), грузчыкам (пагрузка дроваў ды дошак), рознарабочым (уборка сьмецьця, чыстка мэханізмаў, падсыпка трасаў), сукарубам (абсяканьне ды ўладкаваньне ў волак сукоў на лесапавале), стропальшчыкам (чапляньне ды страхоўка грузаў пад кранам). Заробак — ад 40 да 100 далараў у эквіваленце, мінус харчаваньне ў сталюцы, пражываньне ў інтэрнаце, падаткі, прафсаюзныя складкі — і, як той казаў, ні ў чым сабе не адмаўляйце.

Жытло — пакой у вясковым інтэрнаце, які дзеліць звычайна яшчэ з двума «хімікамі». Выгоды, натуральна, на вуліцы, мыесься ўлетку на рэчцы, узімку трэба дамаўляцца з суседзьмі на лазню. Тазік, вядро, электраплітка — вось і ўвесь быт.

Пад'ём пасья 6-й ранку, у 7.30 — выезд на працу на чыгуначную станцыю Алешча ў 5 кілямэтрах ад вёскі, працоўны дзень з 8-мі да 17-ці. Вольнага часу (некалькіх гадзінаў да адбою) ледзьве хапае на працу над кнігамі, адпісаньне лістоў, малітву ды Біблію. Рыхтую да друку зборнік апавяданьняў ды артыкулаў, перавыданьне

па-расейску «Нацыянальнае ідэі», нататкі ў «Нашу Ніву», распрацоўваю дакумэнты для Беларускай Хрысьціянскай Дэмакратыі. На волі мяне прэзэнтую персанальны сайт, падараваны на дзень народзінаў маладафронтаўцамі, — www.seviarynets.net, таму падбіраю тэксты і для інтэрнэту. Колькасьць лістоў, на кожны зь якіх пастанавіў адказаць, на 25 чэрвеня складала 397. 43% пішуць зь

Менску, 17% — зь Віцебшчыны, 25% — зь іншых рэгіёнаў, 15% — з замежжа (14 краінаў, у асноўным прадстаўнікі дыяспары). 42% адрасатаў — мужчыны 30–55 гадоў, 16% — мужчыны, старэйшыя за 55, 15% — дзяўчаты да 30-ці, 12% — жанчыны пэнсійнага ўзросту. Хто сказаў, што ў беларусаў няма салідарнасьці? За 11 месяцаў у Малым Сітне пабывала 238 наведнікаў. Часьцей за ўсё прыяжджалі хрысьціяне, маладафронтаўцы ды журналісты. На дэлегацыю БАЖ у Алешчы зьбеглася глядзець уся брыгада: рабочыя яшчэ доўга прыгадвалі добрым словам Аляксандра Старыкевіча, які прывёз цэлы стос незалежных газэтаў, і Тацяну Мельнічук з дыктафонам (пры сварках з начальствам дагэтуль раз-пораз згадваюць: «Вось пачакайце, зараз Паша галоўнай беларускай журналістыцы пазвоніць!»).

Сіценцы ўвогуле людзі цікаўныя. Недзяржаўную прэсу, якую мне прывозяць наведнікі ці дасылаюць бацькі, разьмятаюць імгненна. Праўда, заўважаецца характэрная акалічнасьць: «цэнтральныя» выданьні толькі праглядаюць, а вось нешта бліжэйшае, як прыкладам, полацкую газету незалежнага прафсаюзу «Скляшча», перадаюць з рук у рукі й зачытваюць да дзірака. Не сумняюся: сіценскую газету ў дэмакратычнай Беларусі насельніцтва акругі будзе чытаць ад «а» да «я». У паштовым аддзяленьні Малога Сітна, якое

абслугоўвае ўсё наваколле (каля 500 чалавек), выпісваюць усяго газэтаў 20, у асноўным «СБ», «раёнку» ды колькі «садоў-гародаў» з «крыжаванкамі». Тым часам колькасьць незалежнай прэсы, якая распаўсюджваецца ў Сітне штотыдня праз пошту й ходзіць па руках (асобнікаў 25–30 зь дзясятка найменняў), параўнальная. Такім чынам, калі паставіць сабе за мэту, нават без падпісных каталёгаў можна выйграць інфармацыйную бітву ў рэжыму «знізу», маючы пэўныя грошы й аднаго-двух актывістаў у кожным сельсавеце ці гарадзкім квартале.

Пасья «выбараў» вяскоўцы рэгулярна цікавяцца лёсам Мілінкевіча ды Казуліна й раз-пораз запытваюць мяне, калі ўжо зьявіцца беларуская спадарожнікая тэлевізія (у Сітне на 8 хатах стаяць «талеркі»). Некалькі тыдняў галоўнай палітычнай тэмай была маладафронтаўская галадоўка. Тыя, хто раней казаў: «Вы ўсё за грошы робіце!» — былі проста ўражаныя ахвярнасьцю моладзі ды змоўклі; тыя, хто падтрымлівае Мілінкевіча, хорам спачувалі й перажывалі.

Галоўнае пытаньне, якое зараз задаюць у Малым Сітне: «Колькі яшчэ?»

Да прэзыдэнцкай кампаніі такое пытаньне з пытаньняў гучала цалкам рытарычна й суправаджалася безнадзейным уздыхам: «Ну колькі ж яшчэ...»

Пасья сакавіцкіх падзеяў пытаньне пачалі задаваць нават часьцей. Але цяпер пытаюцца патрабавальна, чакаючы канкрэтнага адказу. Маўляў, гэі, хлопцы, калі там ужо?... Колькі яшчэ апазыцыя будзе наступаць на адныя й тыя ж граблі? Колькі яшчэ чакаць ясных і зразумелых дзеяньняў? Каманды кожнаму? Вырашальнага закліку? У рэшце рэшт, перамогі?

Зыходзячы з простага сіценскага пытання, можна сфармуляваць і ўсю стратэгію дзейнасці дэмакратычнага руху. Колькі яшчэ грамадзянаў Беларусі прынялі ўдзел у акцыях салідарнасці? (Увогуле, хто-небудзь лічыў?..) Колькі яшчэ беларусаў пачалі размаўляць па-беларуску і запісаліся ў ТБМ? Колькі вернікаў далучыліся да Нацыянальнага посту і малітвы за Беларусь? Колькі чытачоў пачалі выпісваць незалежную прэсу?

Колькі новых сябраў уступілі ў структуры дэмакратычнага руху?.. Калі мы зможам адказаць на кожнае з гэтых пытанняў у кожным горадзе, раёне, мястэчку штодня, штотыдня, штомесеца — тады ў здолеем з дакладнасцю да дня адказаць на пытаньне N 1: **КОЛЬКІ ЯШЧЭ.**

Сядзіш у Малым Сітне, чытаеш пра трохмесяцовыя дыскусіі: ці трэба назва «За свабоду», ці рух гэта мусіць быць, ці кампанія, ці праводзіць наноў

Кангрэс «За свабоду»... — і такімі дробязямі здаецца гэта адсюль, здалёк!

Калі вельмі прагнеш свабоды, для сварак, пыхі, дзяльбы не застаецца месца. За год «абмежавання волі» самая дакладная, ёмістая і надзённая фармулёўка сучаснага становішча трапілася мне на саколках маладафронтаўскіх галадоўцаў: «Дзе Дух Гасподні — там **СВАБОДА!**» (І да Карынцяннаў 3:17).

Павал Севярынец у сваім цяперашнім «кабінэце» піша ў тым ліку для «Абжура»

Не боги статьи «лепят»...

Более десяти лет я работаю с журналистскими кадрами. Наблюдаю за ними и отбираю их, «просеиваю» и обучаю. Соответственно, накопился некоторый опыт, есть некоторые размышления, которыми я и хочу поделиться.

Анатолий САНОТЕНКО,
издатель газеты «Бобруйский курьер»

Кадры решают все? Практически

Каким бы «гениальным» ни был редактор, сколько бы газетных специализаций он на себя ни «навесил», без хороших журналистов качественное издание не сделаешь. И чем объемистее га-

вестны многочисленные случаи, когда дипломированные журналисты (среди них был даже выпускник журфака МГУ) не могли, образно говоря, двух слов связать на письме, через раз путая их значение, и совсем не чувствовали форму и жанр создаваемой ими публикации. Этот случай не «клинический», а дос-

симой же такое невозможно по определению. Здесь конкуренция, рынок, и за свой статус, за «связи» не спрячешься. Поэтому при отборе журналистских кадров меня как нанимателя более всего интересует работоспособность, обязательность и литературный талант, а не диплом журналиста. Пресловутый стаж

зета, чем чаще она выходит, тем больше журналистских (как, впрочем, и других) кадров требуется. Какими критериями как наниматель я руководствуюсь при выборе молодых сотрудников? Меньше всего меня интересует наличие у претендента соответствующих «корочек». Опять же, исхожу из своего опыта: мне из-

таточно распространенный. И это настоящее мучение для редактора. С одной стороны — у его сотрудника официальный статус журналиста, с другой — медведь, как говорится, на ухе... По счастью, приведенный выше случай относится к государственной прессе, где мне тоже довелось поработать. В незави-

работы важен, но его отсутствие не является препятствием для проб и попыток. Начинающему журналисту нужно дать возможность проявить себя, поработать некоторое время в газете внешне. И если его способности и, разумеется, личные качества удовлетворяют, то через некоторое время он может быть принят

в штат. В такой подготовке кадров есть множество преимуществ. Во-первых, недипломированный журналист, как правило, с благодарностью выслушает совет редактора и не будет затевать скандалов из-за, образно говоря, перестановки слов в его материале. Во-вторых, начинающего журналиста можно «заточить» под нужный угол, под конкретные задачи, при этом не приходится преодолевать заложенные в него в «универсе» комплексы и стереотипы. В-третьих, талантливый человек (как уже отмечалось выше, неспособные в независимую прессу не попадают) обычно талантлив во всем. И его можно использовать (нехорошее слово) на других направлениях газетной работы. А быть может, со временем вырастить из него менеджера. Ведь дело можно считать хорошо поставленным лишь тогда, когда редактору не требуется постоянно хвататься то за то, то за это, как нынешнему первому лицу государства. Все должно быть отлажено и способно работать самостоятельно, без дополнительных напоминаний и окриков. Для этого и нужны подготовленные газетные менеджеры. Ну и, в-четвертых, осознанно пришедший в журналистику человек будет предан профессии и достоин ее. Ведь журналист — это звучит гордо.

Нужно ли журналисту специальное образование?

Образование, конечно, нужно. Но не обязательно журналистское. Известно, что в западных странах наибольшим спросом пользуются те, кто приходит в журналистику из других профессий, — юристы, финансисты, экономисты и т. д. Ведь им можно поручить вести в газете определенную тематику, а если у них есть и некоторые организаторские способности, — целый отдел. Журналисты без, так сказать, специализации, репортеры пользуются на Западе меньшим спросом и зарабатывают тоже меньше, чем их коллеги с «другим» образованием.

Как все это можно применить в наших условиях? Со временем,

конечно, мы к этому придем. Но за редким исключением (скажем, специализированных изданий) у нас все-таки большим спросом пользуются просто хорошие репортеры, т. е. журналисты, умеющие работать с информацией, с новостями. Однако если у репортера юридическое или экономическое образование, он будет более информирован, с более широким кругозором, сможет увидеть не просто события, а тенденции, что в журналистике — одно из самых ценных качеств. Если же у человека нет ни журналистского, ни специального диплома, он может «добрать» недостаток информации с помощью самообразования и опыта работы.

Чего не хватает выпускникам журфака?

Как правило, того же, чего и не выпускникам, — опыта. Но еще — что нередко — способностей. На факультет журналистики поступают или чтобы получить профессию, о которой мало что

бованиях профессии. Журналист, как говорят американцы, — это писатель на скорую руку. Я могу рассказать вам о принципах работы, о форме, о жанрах, но не научить вас писать. Здесь, как в любой творческой профессии, или дано, или — нет.

Чтобы создавать журналистские произведения, необходимы литературные способности. Поэтому многие выпускники журфака, поступившие на него со школьной скамьи, «попробовав» этого ремесла, вскоре понимают: оно не для них. И, помыкавшись в редакции, уходят в другие профессии.

В «багаже» выпускников журфака ощущается также недостаток юридических знаний. Что, впрочем, отмечают и сами выпускники или студенты-заочники, уже вкусившие журналистского хлеба. Действительно, белорусская юриспруденция — дама капризная: сегодня — то, завтра — это. За ней нужен глаз да глаз. Чтоб не подставиться самому и не подставить свое родное издание.

известно (выпускники школ), или чтобы «легализоваться» в этой профессии (действующие сотрудники СМИ). Последнее относится в основном к работникам государственных масс-медиа. Там с этим делом строго, во всем должен быть «парадак».

Три года я руководил созданной мною же Школой молодого журналиста. Первое занятие нового учебного года я всегда начинал с рассказа о трудностях и тре-

И — что немаловажно — по моим наблюдениям, нынешние выпускники журфака, особенно «очники», как правило, напрочь лишены «рефлекса свободы». Они все понимают, «входят в положение» и готовы к подцензурной работе на благо... чего? Да уж не журналистики, не ее коренных, основополагающих принципов, не говоря уж о демократическом государстве и прочих «высоких материях».

Дарога лягчэй, калі побач надзейныя спадарожнікі...

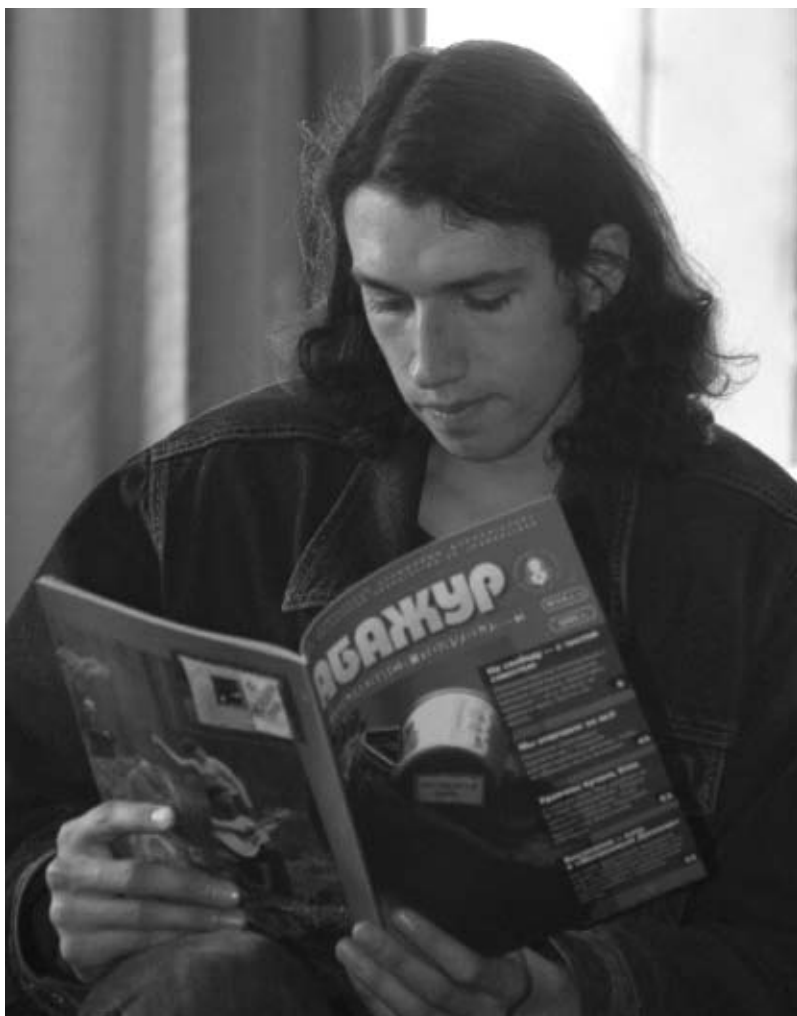
У Маніфэсце, прынятым на нашым апошнім (пастукаем па дрэве) зьездзе, зазначана, што журналістыка — прафэсія сумленных і адказных. Тэма гэтая не аднойчы ўздымалася і працягвае абмяркоўвацца на сэмінарах і канфэрэнцыях, у брашурах і кніжках, у кулюарах жаўскіх імпрэзаў. Але, як пра гэта сьведчыць стан грамадства і, адпаведна, журналістыкі, з часоў абвешчання сувэрэнітэту дзяржавы адказнасьці і сумленьня не набольшала — ані ў грамадстве, ані ў журналістыцы. І гэта пры тым, што ад тых часоў у краіне пасьпела нарадзіцца, вырасьці і ўступіць у самастойнае жыцьцё цэлае пакаленьне. Як, дарэчы, і зьехаць з краіны...

Генадзь СУДНІК

Тыя з маладых, хто застаўся (за выключэньнем пары дзясяткаў юнакоў і дзяўчатаў, чыя прозьвішчы ва ўсіх на слыху), не прасякнуліся і не кіруюцца ў сваім жыцьці ніякімі сьветлымі ідэямі нацыянальна-дэмакратычнага Адраджэньня краіны і яе грамадства.

Прычынаў і апраўданьняў гэтаму адшукаць можна шмат: будзе справядліва спаслацца на сучасную дзяржаўную сыстэму; шмат што магчыма сказаць пра апазыцыю і ейныя памылкі; не варта абмінаць і беларускую гісторыю з геаграфіяй. Адсюль рукой падаць да мэнтальнасьці... А ўсё разам гэта сканцэнтравана ў выглядзе нашай сёньняшняй улады, якая ўсё мацнее і мацнее. Ёй, безумоўна, шанцуе. Яна навучылася апарэджваць праціўнікаў — і тутэйшых, і замежных. На гэта ў разгубленасьці паглядае Эўропа, у захапленьні — Вэнэсуэла, з зайздасьцю — Расея. І, карыстаючыся тым, што дэмакратычны сьвет лічыць Расею (абсалютна беспадстаўна!) ратаўніком Беларусі і ейным першым спадарожнікам на шляху да цывілізацыі, усходняя суседка ахвотна шмат чаго пераймае з паводзінаў беларускай адміністрацыі, тым самым яшчэ больш мацуючы ўладу і

забіраючы ў Беларусі ці не апошнюю надзею на выздараўленне.

І аднак жа, зазначым (паводле нашай ментальнай звычкі), што ня ўсё безнадзейна. Тым больш, што на гэтка высновы настройваюць і сёлетнія вясновыя падзеі. Іншым разам нават здавалася, што яшчэ крыху — і перамога! Але ж нечага ўсё ж не хапіла. Чаго ж? Тых самых сумленьня і адказнасці. Іх жахліва бракуе як усяму грамадзтву, так і пэўным вельмі важкім складнікам, якія вызначаюць існасць і перспэктыву, сутнасць і напрамак, зьмест і нават самы сэнс жыцця краіны і яе насельніцтва.

Пагаворым пра наш складнік — журналістыку. На тым баку, дзяржаўным, яна, журналістыка, перастала такой быць увогуле — гэта ідэалігічны сродак, прапагандысцкі механізм, а апошнім часам — яшчэ й інфармацыйны інструмент спэцслужбаў. На нашым, дзе журналістыка захоўваецца як «чыстая» прафэсія, гэта канал (які ўсё больш перасыхае, аднак пакуль што жывы!) фармулявання і перадачы грамадзтву інфармацыйнага сыгнала аб тым, што вартае ўвагі.

Відавочна, што на тым баку ніякія этычныя праблемы не існуюць. Бо там усё вызначае адзін вядомы нам чалавек, які ці ня першае, што зрабіў, калі прыйшоў да ўлады, — адсунуў грамадзтва ад друку і ад радыё з тэлебачаньнем. Ён учэпіста і ўважліва (іншым разам падаецца, што без дапамогі адпаведных службаў, а сапраўды непасрэдна сам) глядзіць-слухае-чытае тое, пра што сам жа і загадаў, каб было надрукавана, агучана, зьнята-паказана (і ня сумна ж яму!). Журналістам сыстэмы застаецца толькі дэманстраваць стараньне, спрыт, імплэт. Што яны, нашы калегі (а апошнім часам сярод іх усё часцей сустракаюцца і нашыя нядаўнія паплечнікі па вольнай прэсе), і робяць. Ні пра іх талент, ні пра творчыя адкрыцці гаварыць не даводзіцца — іх няма і, зразумела, быць ня можа.

У пераважнай большасці тут ёсць шэрая, руцінная, нецікавая праца, дзе цешыць адзінае — яе высокая аплата. Ёсць спэкуляваньне і жангліраваньне пэўнымі прафэсійнымі формамі. Ёсць улюбёны прыём — замоўчваньне таго, што сапраўды адбываецца навокал. У сталіцы, дарэчы, дзяржаўныя журналісты актыўна выкрываюць ворагаў рэжыму з прэзідэнцкіх тэлеэкранаў і з бачынаў прэзідэнцкага друку. У рэгіёнах жа прэса і эфір непараўнальна больш ціхія і сціплыя. Гэта мэтад такі ў іх — нічога ня ведаць, нічога ня чуць, ні пра што не хвалявацца і, адпаведна, ні пра што недазволенае не паведамляць. Загаварыце зь імі, дык яны хо-

рам загалосыць — якая цэнзура, няма яе ў нас! І праўда — няма, бо ўжо непатрэбная. Яны самі лепш за цэнзуру ведаюць, што іх чытачам-гледачам-слухачам цікава, а што — не, што ім трэба ведаць, а што неабавязкова.

Як ні называй газэту ці тэлебачаньне — прэзідэнцкімі, выканкамаўскімі, галіновымі, рэдакцыйна-калектывісцкімі, нават і прыватнымі — уся журналістыка насамрэч грамадзкая. Бо за кошт грамадзтва жыве, на грамадзтва працуе. Грамадзтва ж самое і разьбяраецца, як быць з тым ці іншым фактам. Аднак, калі ты журналіст, дазнайся пра яго і паведамі! Нават калі сам (з уласных палітычных, грамадзянскіх ці

інных меркаваньняў) і не вітаеш той падзеі, таго здарэння, таго мерапрыемства. Тым больш — паведамі, бо ўтойваньне ад грамадства таго, што ёсць, — найпершая яму здрада і найпершая здрада самой сутнасці журналісцкай прафэсіі. А гэтая сутнасць — зусім ня ў тым, каб умець правільна расставіць на паперы словы, спрытна карыстацца Microsoft Word альбо націскаць на гашэтку сучаснай відэакамеры, якая ледзь не выдае гатовы сюжэт яшчэ да таго, як апэратар навіў яе на аб'ект. Грамадства, як можна меркаваць па нефармальнай і незарэгістраванай малой прэсе, што ізноў пачала адраджацца ў рэгіёнах высілкамі ня надта пісьменных у журналісцкім рамястве людзей, даруе прафэсійныя недарэчнасці, калі змест выдання сапраўды актуальны.

Ты, калега мой дзяржаўны, паведамі пра тое, што ў Магілёўскую папраўчую ўстанову прыбыў асуджаны «на хімію» за патрыятычныя графіці Артур Фінькевіч і што яго штовечар наведваюць мясцовыя папличнікі і грамадзкія актывісты. Наведваюць, каб падтрымаць юнака, які на два з паловай гады адарваны ад дому, сям'і, сяброў за тое, што ня любіць цяперашніх беларускіх парадкаў. Ты можаш пры гэтым дадаць, што сам любіш гэтыя парадкі і нават ганарыцца імі, але пра існаванне Артура Фінькевіча — тым больш, што палітычны вязень у Магілёве ўтрымліваецца ўпершыню за ўсе гады найноўшай гісторыі, — паведамі! Ты можаш непрыхільна паставіцца да настэрнасці пярвічнай магілёўскай арганізацыі Вольнага прафсаюзу, якая больш за год безвынікова дамагаецца дазволу на рэгістрацыю, і спачувальна падтрымаць прынцыповасць гарвыканкаму, які ў гэтым ёй упарта адмаўляе, але — паведамі! Ты можаш таксама, як Круглянскі выканкам і райсавет, не любіць актыўную мясцовую дэпутатку Зінаіду Мілешчанка, якой ужо некалькі гадоў перашкаджаюць

уладкавацца на працу, але паведамі пра гэта! Ты можаш не падзяляць мэтай магілёўскай моладзевай інфармацыйна-віншавальнай акцыі, якая адбылася 27 ліпеня, у чарговую гадавіну з Дня прыняцця Дэкларацыі аб дзяржаўным сувэрэнітэце, і якая скончылася затрыманнем некалькіх актывістаў, але паведамі аб ёй!.. Вось тады, калега, і пагаворым пра журналістыку.

На жаль, сумленнай, шчырай і праўдзівай наша журналістыка была ў найноўшай гісторыі зусім кароткі час. І трэба сказаць, што шмат у чым тут сваю адмоўную ролю адыгралі модныя тэорыі, якія былі ў навінку для маладой незалежнай прэсы, — «бізнэс-пляны», «арыентацыя на акрэсленыя групы чытачоў», «адмаўленьне ад публіцыстыкі на карысць факталёгіі»... Яно і праўда, такой павінна быць журналістыка ў краінах дэмакратычных (дзе няма дзяржаўных СМІ), у дзяржавах з рынкавай эканомікай (дзе канкурэнцыя пабудаваная на пэўных правілах, абавязковых для ўсіх), у развітых грамадствах (дзе ўмеюць адрозніваць журналістыку ад прапаганды і камэрцыі). Калі ж гэтага няма, то не ўдаецца беспакarana для прафэсійнай і грамадзкай маралі пераскочыць праз час, не чакаючы вынікаў настойлівага і упартага выхавання насельніцтва. Трэба, каб спачатку людзі з дапамогаю СМІ зразумелі сваю ролю і сваю адказнасць за стан рэчаў у краіне. Ранавата, здаецца, пабегла наша незалежная журналістыка ў напрамку «высокай прафэсійнай цывілізаванасці», не давёўшы да канца чарнавую працу па загартоўцы грамадства ад ілжы і прапаганды, ад нявер'я ў сілу і правільнасць згуртавання на нацыянальна-патрыятычных прынцыпах. Ранавата засаромелася ад самапраўкаў у так званай палітычнай заангажаванасці. Улада ж тым і скарыталася, бесцырымонна і брутальна зруйнаваўшы асобныя выспы вольнай журналістыкі.

Некаторыя выданні імкнуліся выжыць коштам (неацэненым, дарэчы, уладай) саступак у мове, змесце і напрамку сваіх публікацыяў. У выніку гэтыя газеты зрабіліся практычна неадрознымі ад дзяржаўных. Мо таму грамадства і не заступілася за іх, калі ўлада распачала кампанію па пераследу рэдакцыяў і журналістаў. Мо таму без імпэту абараняў іх беларускі палітычны бамонд, бо ня бачыў у незалежнай рэгіянальнай прэсе папличнікаў у дасягненні агульных мэтай. Мо таму заходнія сябры і спонсары абмежаваліся выказваньнем «занапакоенасці», бо з такой нашай журналістыкай, відаць, страцілі веру ў хуткія перамены ў Беларусі. Ну, а тыя з журналістаў, пазбаўленых працы ў вольнай прэсе, хто вярнуўся ў дзяржаўныя газеты, на тэлебачанне і радыё, схавалі свае прафэсійныя навыкі. Здаецца, кола замкнулася...

Але ж заўсёды можна выправіць сытуацыю, калі распачаць зноў казаць праўду. Пра гэта БАЖаўскі з'езд і нагадаў усім калегам, не падзяляючы іх паводле месцаў працы і палітычных сымпатыяў. Пра тое, што журналістыкі без сумлення і адказнасці не бывае. Пра тое, што не бывае краіны без незалежнасці. Што не бывае грамадства без нацыянальнага Адраджэння... І што журналістыка абавязаная па факце самога свайго існавання служыць такой краіне і такому грамадству. Нават калі іх яшчэ і няма ў клясычным выглядзе. Яна абавязаная і апарэджаць рэальны час, і ламаць распаўсюджаня ў канкрэтны момант стэрэатыпы грамадзкай свядомасці. Бяз гэтага час ніколі ня зьменіцца на лепшы, і свядомасць грамадства ня зрушыцца ў патрыятычным напрамку. Як толькі дазваляць момант і сытуацыя, трэба абавязкова працягваць сваю прафэсійную справу. Кіруючыся менавіта сумленьнем і адказнасцю — нашымі адзінымі вартымі даверу дарадцамі.

«Срэбра» за футбол і «бронза» за валейбол

Даволі паспяхова выступілі беларускія журналісты на спартыўных саборніцтвах, што прайшлі ў межах міжнароднага злёту «Літоўскія журналісты за мір 2006». Як і мінулы раз, журналісцкі форум праходзіў у Літве на ваеннай базе пад Клайпедай. У спартыўных жа «дыскусіях» удзельнічалі 16 каманд з Літвы, Латвіі, Украіны і Беларусі. БАЖаўцы занялі другое месца ў футбольным турніры і трэцяе — у саборніцтвах па валейболе.

Наша футбольная каманда ў паўфінале з лікам 2:0 абгуляла гаспадароў поля — зборную «Lithuanian Great Duke Butigeidis Dragoon Training battalion». На фінал не хапіла элементарнай свежасці (беларускім журналістам давялося правесці тры гульні запар, у той час як іх сапернікі з Латвіі адпачывалі).

Нашы дамінавалі на полі, але так і не змаглі адгуляць гол, прапушчаны ў першай палове сустрэчы. У выніку перамогу святкавалі латышскія калегі.

У валеібольным турніры беларускія журналісты саступілі ў паўфінале зборнай літоўскіх ваенных (з якімі пазней «разлічыліся» на футбольным полі), але былі адзначаны ганаровым прызам «За самую прыгожую барацьбу».

У традыцыйных спаборніцтвах «Журналісты за мір», арганізатарам якіх выступае Саюз журналістаў Літвы, зборная БАЖа брала ўдзел другі раз. Летась беларускія журналісты ў футбольным турніры былі першымі.

Владимир Довженко: «Спортивный репортаж — это высший пилотаж журналистского мастерства»

Чемпионат мира по футболу в Германии был одним из ярких событий минувшего лета. Я вообще-то не фанат этого вида спорта, но грандиозное зрелище пропустить не смогла и увлеченно болела за своих фаворитов. Победы и поражения моей любимой команды (а это немецкая сборная) в течение месяца дарили мне даже не всплеск, а фонтан положительных эмоций. Но при всей позитивности происходящего отрицательные эмоции все же возникали. Ложкой дегтя в этой огромной бочке меда мне показалась работа белорусских комментаторов, освещавших этот чемпионат. Раздражение после их реплик и оценок к концу матча иногда достигало такого уровня, что хотелось чем-нибудь запустить в сторону телевизора.

Первое, что я сделала после завершения чемпионата, купила себе спутниковую тарелку.

И решила поговорить о ситуации в спортивной белорусской журналистике с Владимиром Довженко, родоначальником выпусков спортивных новостей в информационных программах. Мой собеседник почти четверть века проработал на Белорусском телевидении в спортивной редакции. 11 лет он был автором и ведущим телеклуба «Асілак». Сегодня этот известный спортивный журналист работает в издательстве «Гольфстрим».

— Владимир, как и где готовят спортивных комментаторов? Есть ли в белорусских гуманитарных вузах такая специализация?

— Я думаю, что на журфаках нечто подобное есть. Мне даже когда-то предлагали вести курс по спортивной журналистике. Но положение дел в этой области журналистики далеко от иде-

ального, так как нет преподавательского потенциала. Я слышал пару имен, но даже их не запомнил, в силу того что они не имели общественного авторитета. Спортивную журналистику, как и любой другой предмет, должен преподавать опытный и знающий человек, обладающий кандидатским или профессорским интеллектом. Думаю, что в Беларуси спортивной журналистики как предмета и науки не существует, следовательно, нет и профессиональной школы.

Мне кажется, что о спортивной журналистике в «чистом» виде нельзя говорить, потому что она в нашей стране находится в известных ограничительных рамках. Сотрудники государственных СМИ обо всем пишут и вещают одинаково — с точки зрения «правильной» идеологии — будь то спорт, сельское хозяйство, политика или что-то другое.

Я на своем веку повидал очень много репортеров, работающих в обсуждаемой нами области. И, к сожалению, могу констатировать, что сейчас белорусские спортивные комментаторы в своих репортажах практически не говорят о спорте. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, у нас нет профессиональных спортивных журналистов, которые прошли необходимую, в широком смысле этого слова, школу, все они варятся в местном соусе. Во-вторых, по моему твер-

Полноценная спортивная журналистика появится в Беларуси только тогда, когда в нашей стране начнут работать альтернативные электронные СМИ.

дому убеждению, спортивный журналист должен очень хорошо разбираться в том виде спорта, который он освещает. А быть «начетником», и к месту, и не к месту десятки раз упоминать «синеокою» во время трансля-

ции — это говорит о непрофессионализме.

На прошедшем чемпионате по легкой атлетике репортажи вели не спортивные комментаторы, а бывшие спортсмены. Вы знаете, это спортивное действие мне было приятно смотреть. Но когда к микрофону садятся «государевы» журналисты, они больше думают не о спорте, а о том, как кого-нибудь лишний раз похвалить или над чем-то, сокрушаясь, поплакать. Они прекрасно осознают, что работают «под колпаком» и в один прекрасный момент их просто могут выкинуть, как когда-то поступили со мной. Поэтому они делают все только по указке.

Полноценная спортивная журналистика появится в Беларуси только тогда, когда в нашей стране начнут работать альтернативные электронные СМИ. Сегодня у государственного телевидения нет конкуренции, поэтому нет и профессионального роста. Одни и те же «мэтры» десятилетиями вешают по избитому шаблону. Мне не раз доводилось слышать от белорусских телезрителей, что они просто отключают звук своих телевизоров, когда смотрят спортивные репортажи по БТ. А те, у кого есть спутниковое телевидение, с большим удовольствием смотрят прямые трансляции на иностранном языке.

Более того, у наших государственных журналистов слишком много апломба. Только-только придя с улицы, но сев в студию, они начинают чувствовать себя просто великими. При этом страдают телезрители и радиослушатели, потому что «мэтры» порой выдают такую информацию, что любителям спорта хочется выключить не только звук, но и телевизор. К примеру, чемпионат мира по футболу комментировали четыре белорусских журналиста, уровень их подготовки был очень далек от совершенства. Так вот, от репортажей одного из них у меня возникло настоящее чувство страха, я сидел и боялся, что он так и не закончит очередную мысль или фразу. Во время репортажа он вдруг затронул деликатный мусульман-

ский вопрос — и я ужаснулся, что весь мусульманский мир объявит Беларуси войну. Комментатор должен быть нейтральным и, если не интеллектуалом, то широко образованным человеком. Не страшно, когда комментатор путает тугрики с песо, однако недопустимо, когда журналист навязывает свое мнение читателям, зрителям и слушателям.

Газета «Пресс-болл» предложила определить рейтинг спортивных журналистов, которые работали на чемпионате мира по футболу. Читателям предложили два варианта: «Я выключаю телевизор» и «Я предпочитаю смотреть российские каналы». Больше всех баллов набрал Сергей Новиков — журналист газеты «Пресс-болл». Он не зависит от БТ, и это сразу было заметно по высокому качеству его репортажей. И если говорить о спортивной журналистике в Белару-

си в целом, то я бы охарактеризовал ее как зависимую спортивную журналистику.

— В России многие известные спортсмены после завершения своей карьеры становятся комментаторами. Наблюдается ли такое в Беларуси?

— У нас нечто подобное тоже существует, но, по моему мнению, это всего лишь дань моде. Например, Ольга Барабанщикова, бывшая теннисистка, и Евгения Павлина, бывшая гимнастка, ведут на БТ и СТВ цикловые передачи обо всех видах спорта. Евгения, по моему убеждению, еще как-то вписывается в тематику передачи. Но Ольга, пусть она меня простит, — как «иностранное» лицо в телеэкране, который моментально высвечивает все твои недостатки. Она на экране выглядит совершенно неинтересной для зрителя, если оценивать ее

как комментатора. Возможно, потому, что она читает по «доске дураков» — телесуфлеру. Может, из-за того, что она больше занята тем, как быть неотразимой на телеэкране. Чтобы выпустить спортсмена в эфир, одного желания руководства мало, нужно сначала с ним серьезно поработать. Например, как раньше с дикторами работала Зинаида Бондаренко. Спортивный репортаж — это высший пилотаж журналистского мастерства.

Мне кажется, что комментировать спортивную гимнастику мог бы Иван Иванков. Но, к сожалению, гимнастика в Беларуси не в фаворе, у нас популярны «народные» виды спорта — футбол и хоккей.

В России у спортивных журналистов больше возможностей, там больше каналов и жесткая конкуренция, поэтому есть стимул расти. А у нас Владимир Новицкий как начал комментировать в «своем» стиле, так всю жизнь и будет этим заниматься. Впрочем, Николай Озеров тоже был спортивным комментатором до преклонных лет, но он был звездой. Среди

Если взять поколение спортсменов, которые родились после катастрофы на Чернобыльской АЭС, то оно генетически не способно достичь высоких результатов.

белорусских спортивных комментаторов звезд пока нет.

Я слышал, что у нас хотят создать спортивный телеканал. Но кто его будет тематически и творчески разнообразно насыщать? Ведь спорт — это просто картинка, и только комментатор способен придать ей смысл. Непредсказуемость, темп, динамика — главные черты профессионального спортивного комментатора. А когда я смотрю белорусское телевидение, мне кажется, я знаю все, что скажет комментатор дальше. Все они очень предсказуемы — работают по шаблону, сдобренному патриотизмом. Единственное, что нельзя предсказать, так это окончательный результат спортивного поединка. Но его можно узнать и без помощи комментатора.

— В Беларуси спортивные комментаторы-многостаночники: один и тот же человек ведет и гимнастику, и футбол, и «Формулу-1». Насколько это профессионально и оправданно?

— В свое время я работал в газете «Советская армия» в ГСВГ (Группа советских войск в Германии) и написал большой материал «Смежная нужна для боя». О том, как члены экипажа танка замещают друг друга: командир — наводчика, наводчик — водителя и т. д. Но тогда это было продиктовано военной доктриной, да и экипаж танка состоит всего из четырех человек. В спорте же, например, только в легкой атлетике разыгрывается 48 комплектов медалей. А конный спорт, велоспорт... В каждом виде — огромное количество тонкостей и терминов, которые присущи только ему. Василий Уткин не комментирует прыжки в воду или бокс, он комментирует только футбол. Очень высокий уровень образования, чувство юмора — он комментатор от Бога.

Сегодня нужно быть гением, чтобы одному полноценно освещать все олимпийские виды спорта. У нас же несколько комментаторов умудряются это делать, весь свой словарный запас и знания они распыляют на необъятное. Которое, как известно, объять невозможно. Но повторюсь, когда репортаж ведет профессионал, то какая-то изюминка, одна фраза могут вас привести в восторг и заставить запомнить яркий момент надолго. Может, нашему телевидению не по карману иметь комментаторов по всем видам спорта, но можно же почаще приглашать специалистов для помощи в ведении репортажей.

Зрителю нужна сиюминутность, ему нужны переживания и эмоции, объяснения спортивного момента, ему нужен всплеск адреналина, и все это должен сделать комментатор.

Когда этого нет, то уж лучше помолчать. Как в фигурном катании — объявил спортсмена и сиди, молчи до определенного момента, слушай музыку и смотри выступление.

— Что, по вашему мнению, в спортивной отрасли занимает главенствующую позицию — большой спорт или большая политика?

— Большой спорт уже давно стал частью большой политики. Глобализация тоже проникла в спорт. Все чаще темнокожие спортсмены выступают за страны, в которых исторически их никогда не было. Скоро они придут и к нам. Политика диктует — для поднятия престижа страны нужны медали, а своими ресурсами это делать все труднее и труднее, особенно в Беларуси. Если взять поколение спортсменов, которые родились после катастрофы на Чернобыльской АЭС, то оно генетически не способно достичь высоких результатов.

Миром движет политика, прилавочная стоимость и секс. Спорт — это большие деньги, а где большие деньги — там и большая политика. Я думаю, что скоро на Олимпийских играх на стометровку атлетов будут выставлять не только страны, но и крупнейшие корпорации, как это сейчас происходит в «Формуле-1».

Спортивные передачи занимают высшие ступени в рейтингах, потому что люди устали от политики, войн и личных проблем. Поэтому одна золотая медаль на Олимпиаде может значить больше, чем многомиллионные инвестиции и селекционные совещания. Если учесть, что в год проходит около 30 чемпионатов по различным видам спорта, то это дает большие возможности Беларуси заявить о себе во всем мире. Ведь нашу страну пока не очень хорошо знают, а спортивные соревнования европейского и мирового уровня транслируют все ведущие мировые телекомпании.

Спорт — это стратегический запас любой страны.

*Беседовала
Ирина Славникова*

«Делаем» новость

Наш «профликбез», безусловно, полезен для молодых. Коллеги опытные, впрочем, могут найти в предложенных заметках полузабытую «деталь» и понять, отчего вдруг стал «пробуксовывать» как будто раз и навсегда отлаженный профессиональный механизм. Всем нам периодически стоит, отбросив амбиции мэтра, по-школярски изумиться: как много не осмысленного в добром старом мире! И попробовать себя в новой старой роли: первооткрывателя как будто уже постигнутых истин.

Критерии оценки новостей

Объективная значимость новости. Вспомните расхожее выражение: «Факты — упрямая вещь». Чем «упрямее» ваш факт (чем труднее его опровергнуть, переосмыслить), тем выше качество добытой вами информации.

Истина конкретна. В западной журналистике пользуются формулой этой конкретности: 5W + H (Who, What, Where, When, Why + How).

Важность для аудитории, актуальность. То, что может казаться интересным вам или вашим родственникам, вовсе не интересно массовой аудитории. Журналисты — не народ, а только маленькая его часть.

Эдуард МЕЛЬНИКОВ

В песне советских журналистов есть строка, имеющая действительно важное значение: «И о том, что дал рекорд шахтер, Что пилот забрался выше звезд, Раньше всех расскажет репортер, От события к небу строя мост».

«От события к небу строя мост» — в этой формуле содержится необходимое качество почти любой информационной заметки — ее так называемая сверхзначимость. Сверхзначимость — это связь случайного (факт) с закономерным (явление), частного — с общим, личного — с общественным.

И маститый редактор, и начинающий репортер подвластны азарту поиска сенсаций

В Беларуси новости «под контролем»

Опытный журналист формулирует информацию такими словами («вербальное кодирование»), что подтекст, истинный, но скрытый смысл события, будет выступать из самого сообщения. Сверхзначимость может возникать и в результате подбора случайных, казалось бы, фактов. Этим умело пользуются опытные редакторы отделов новостей, выпускающие редакторы телевизионных информационных программ. Срабатывает механизм естественной ассоциации. Смысл одной заметки переносится на содержание другой. Возникает подтекст.

Свежесть, новизна. Чем больше времени проходит со времени события, тем больше оно блекнет. С другой стороны, даже несущественное происшествие может вызвать значительный эффект, если оно произошло только что, да еще где-то рядом с вами.

Оперативность и достоверность — важнейшие принципы деятельности мировых информационных агентств. Кто первый сообщил о событии, тот приобретает монополию на его истолкование, трактовку. Потом уже трудно «отрабатывать»

в другую сторону. Но сведения, имеющие определенный срок давности, могут привлечь внимание, если они не были известны ранее или открылись какие-то новые факты, обстоятельства, меняющие понимание давно происшедших событий. Фактами подобного рода переполнена история советской эпохи, которую изучают сейчас с учетом новых документов, ставших доступными в период гласности. То же самое можно сказать и об истории Беларуси (книга Г. Сагановича «Невядомая вайна»).

Актуальность и новизна — между этими понятиями сложные отношения. Информация может быть актуальной, но доля «новизны» в ней невелика (криминальная хроника, спортивные новости). И, напротив, то, о чем сообщается, произошло только что, но это не актуально, не интересует большинство людей («Путин принял премьера Фрадкова», «Послы африканских стран вручили верительные грамоты Лукашенко»).

Соответствие ожиданиям аудитории. Любую новость надо подавать через призму традиционного, массового восприя-

тия. Важное обстоятельство отмечает наш коллега, белорусский журналист Юрась Карманов, работающий корреспондентом одного из мировых агентств — «Ассошиейтед Пресс»: «...Система письма для американской печати предусматривает невероятную близость к простому человеку. Все время — рассказ, как ситуация отражается на простом человеке». Этого стандарта придерживается большинство серьезных информационных агентств, газет, теле- и радиокompаний.

Исследователи утверждают, что большую часть информационных выпусков должны составлять ожидаемые новости. Новость — это сочетание традиционных представлений и новизны примерно в пропорциях 70% (традиционное) к 30% (новое).

Если сообщается о чем-то, всем известном, то новости нет. Но если сведения настолько непривычные, что становятся непонятными, то аудитория тоже не воспримет их как новость, не свяжет со своим жизненным опытом (например, сообщения из области астрономии, космогонии — грандиозные по важ-

ности, но совершенно недоступные массовой аудитории).

Из этого следует практический вывод: когда пишешь текст, нужно быть обывателем в домашних тапочках. Вот формула для запоминания: «в домашних тапочках».

Близость к аудитории (в буквальном и переносном смысле). То, что ближе к нам в географическом или культурном отношении, вызывает больший интерес. В этом, например, заключается успех местных СМИ: всегда любопытнее то, что произошло в вашем городе или на соседней улице. Или со знакомым человеком. Или в известной вам сфере (профессия, интересы).

Мы не очень верим генералу, когда он заявляет, что в Чечне все спокойно. Мы не доверяем коммерсанту, когда он говорит, что организовал что-то для блага всего человечества. Мы — всегда скептики. Репортер про-

ально задают ему «неудобные» вопросы, о которых заранее договорились. Но эта «игра в поддавки» обусловлена предвыборной ситуацией или необходимостью продать товар, фирму, торговую марку (если сюжет рекламный). Репортер же обязан быть таким всегда и по-честному. Всегда видеть таящиеся в любом явлении, событии противоречия и обозначать их.

Персонафицированность. «Сегодня у тети Моти плохое настроение. С ней расторгают контракт». Далее — о контрактной системе как массовом нарушении прав трудящихся. Но «тетя Мотя» должна быть реальная! Интересные люди, знаменитости — всегда хорошая «приправа» для качественной новости.

Необычность. Человек, укусивший собаку, — хорошая иллюстрация для определения этого качества новостей.

фессионализма — не вернуться с редакционного задания «пустым». Всегда нужно иметь версии происходящего — того, что вам предстоит изучить. При поиске информации это неизбежно. Пусть одна версия потом лопнет — возникнут другие. К тому же люди видят, что вы чего-то хотите, и начинают вам помогать. Но тут важно быть начеку, а то, угадав вашу версию, вам же ее и подтвердят. А настоящая информация останется нераскрытой.

Многие практики говорят, что наилучший источник тем — редакционная «курилка», информированные, начитанные и любознательные сотрудники вашей же редакции. Но это как сказать... Коллеги могут быть и не такими уж начитанными, информированными. Кроме того, у них свои интересы, и они своей «добычей» с вами не поделятся.

В деловом пиджаке на рабочем фоне

сто обязан быть скептиком. Он должен быть в меру доверчивым и в меру консервативным — больше консервативным, пожалуй, как все мы.

Кстати, это хорошо знают пиарщики. Если они стремятся внушить аудитории симпатию к какому-то человеку, то специ-

Увлекательность. Новость должна вызывать интерес у той аудитории, которой она предназначена. Событие, растянувшееся во времени, может поддерживать напряжение и внимание, если оно увлекательно.

Профессиональный поиск новостей. Первый признак про-

Впрочем, все зависит от того, какая атмосфера сложилась в редакции. Интенсивное общение сотрудников не случайно считается одним из важных факторов эффективного внутриредакционного менеджмента.

Вот еще некоторые пути поиска новостей.

Профессиональное чтение репортера. Если вы читаете материалы «с прицелом», то всегда можете найти для себя «пищу». Неважно, что об этом уже написано. Во-первых, об этом еще не знают читатели (зрители) именно вашей газеты (канала). Во-вторых, найдя источник хорошей информации, вы всегда сумеете «вытащить» новые детали, подробности, может, и сенсационные. А то, что новость уже более-менее известна, делает ее «ожидаемой» (см. выше).

Обрастание контактами. Журналисты завязывают деловые связи с политиками, полицейскими, диспетчерами, юристами, бизнесменами, правительственными чиновниками... Хорошими «источниками» являются те, кто сам «сидит» на информационных потоках. Диспетчер, web-мастер сайта, дежурный в больнице, на железной дороге... Секретарши! Если еще и болтливые — это просто кладь информации.

Бывают источники неожиданные: например, городская типография. Она печатает бланки приглашений на разные мероприятия задолго до их проведения. Слухи, сплетни — все может стать источником новостей. Не забудьте только, что информацию из всех источников нужно проверять.

Завоевывайте доверие. Будьте надежны: а) не перевирайте факты; б) не выдавайте источник информации, не «подставляйте» его.

Пресс-службы министерств и ведомств, PR-компании, рекламные агентства, пресс-релизы, пресс-конференции... Одна опасность: в этом случае вас хотят «накормить» информацией, которая выгодна создателям информационного повода. Для оценки таких сведений нужно использовать альтернативные источники.

Досье. Досье нужно иметь в любом случае. Досье — это накопление фактов по определенным проблемам, личностям, явлениям. Это публикации (ваши в том числе, и то, что не вошло в репортаж, но приго-

дится в будущем). Досье важны и для проверки полученных сведений, и для «высекания» нового информационного повода.

Жизнь всегда более сложна и непредсказуема, чем любая концепция. Поэтому видеть и оценивать надо все. Есть то, что есть. Самая распространенная болезнь — навязывать, прикреплять к факту свое представление, бирку. Кстати, чаще всего наличие такой «бирки» свидетельствует о неумении добыть самоценный факт. Оставьте аудиторию наедине с фактом (фактами).

Массив неангажированной информации («жизнь как она есть») порождает гораздо более мощный эффект, чем создаст самый изощренный пиарщик. Правда, направленность этого воздействия не ясна. И прекрасно. Газеты и ТВ для того и созданы, чтобы из них узнавать, что на самом деле происходит. В противном случае мы уподобимся «серому кардиналу» коммунистической пропаганды, секретарю ЦК КПСС Михаилу Андреевичу Сулову, который гневно вопрошал провинившихся редакторов: «Вы что, хотите, чтобы я раскрывал газету, не зная, что в ней написано?»

Методы сбора информации

Признак профессиональной незрелости — недостаточное внимание к тому, какой или какие методы сбора информации избрать для подготовки материала. В основном уповают на интервью, беседу с неким компетентным человеком, который «все расскажет». Некритически воспринимая услышанное, журналисты оказываются в плену версии, предлагаемой собеседником. Более того, снятый с диктофона текст часто попросту переносится на бумагу, а потом заполняет целые полосы газет. Журналистикой это назвать трудно.

Многие будут неприятно удивлены, когда услышат, что устное общение относится к

числу наименее достоверных источников информации. Этому есть свои объяснения. Даже если ваш собеседник не стремится достичь каких-то своих целей при разговоре с вами (а это, как правило, имеет место), есть объективно существующие психологические помехи, которые влияют на достоверность получаемой вами информации. При общении двух людей существует двойная субъективность: и источника, и интервьюера. Специальные исследования показали, что потери информации при устной передаче просто колоссальны.

Допустим, планируется изложить журналисту какое-то количество информации. Примем его за 100%. При изложении в словесной форме воспримут не более 90% запланированного. Будет высказано связно, логически не более 80%. Услышано будет не более 70%. Понято — до 60%. Останется в памяти интервьюера около 25%. Конечно, сейчас есть диктофоны, это повышает вероятность адекватной фиксации услышанного. Однако все остальные помехи сохраняются.

Добавим к этому вопрос: а почему журналист должен удовлетворяться только тем, что задумал сообщить ему собеседник?

Поэтому интервью считается наименее надежным методом получения объективной, достоверной эксклюзивной информации — фактов как таковых.

Конечно, если вы опросите достаточно большое количество людей или проведете анкетирование, вы получите более надежный результат. По сути, вы создадите новую информацию, которую отразите в документе. А документ — это уже более надежный способ предоставления сведений.

В информационно-поисковой деятельности сложилась своеобразная градация методов сбора информации в зависимости от тех целей, которые ставит перед собой журналист. Наблюдение более всего подходит для оценки внешней, зримой сторо-

ны событий и явлений, их эмоционального восприятия. Точные, надежные факты лучше всего добывать, изучая документы самого различного рода. Варианты развития событий, поведения людей в тех или иных ситуациях хорошо раскрывают организованные журналистами эксперименты (разновидностью которых являются провокации).

И лишь на четвертом месте находится интервью. При помощи этого метода хорошо выяснять мнения, суждения, взгляды на ту или иную проблему. Или проверять добытые факты, когда исчерпаны все остальные средства.

Работа с документами

Некоторые особенности этого метода, пожалуй, стоит напомнить и «прожженным» профессионалам. Аксиома: при знакомстве с документами мы имеем дело не с самими явлениями, событиями, а с определенными формами их отражения. Латинское «documentum» означает «поучительный пример, способ доказательства». Журналистский подход возвращает этому слову первоначальный смысл.

Надежность и достоверность документа — понятия близкие, но не тождественные. Надежность — это точность в передаче данных. Достоверность отражает истинность информации, которую содержит документ.

Писатель, автор известных исторических романов Юрий Тынянов писал: «Есть документы парадные, и они врут, как люди. У меня нет никакого пиетета к «документу» вообще... Не верьте, дойдите до границ документа, продырявьте его...» Великий русский историк В. Ключевский заметил: «Торжество исторической критики — из того, что говорят люди извест-

ного времени, подслушать то, о чем они умалчивают». Известный российский журналист-экономист Василий Селюнин советует «при чтении

экономической литературы и деловых документов обращать внимание не столько на цифирь (она устаревает мгновенно), сколько на методы анализа. Не обладая достаточным набором таких инструментов, нельзя выявить потаенный смысл экономических явлений».

При изучении документов важно следовать своей теме, не упускать из виду цель вашей работы. Иначе, выписывая все подряд, можно утонуть в «фактуре», ни на йоту не продвинувшись вперед в понимании явления. Погружаясь в документы, следует на ходу интерпретировать поступающую информацию, обобщать ее.

Вот типичные отклонения от истины в документах:

- почти все авторы воспоминаний склонны преувеличивать свою роль в описываемых событиях;

- авторы официальных документов (любой эпохи) склонны впадать в необоснованный оптимизм, особенно ведомственный;

- даже прямые свидетели склонны лгать (неволью). Это обусловлено объективными свойствами человеческой психики.

Против всех этих бед есть только одно средство: «перекрестный допрос» документов.

Их сличение. Выявление противоречий между ними.

В социологии и источниковедении существуют следующие критерии определения достоверности документа. Документ считается достоверным, если:

- в момент регистрации документа сведения, содержащиеся в нем, были общеизвестными;

- с точки зрения автора, сведения несут ответственность;

- если документ не затрагивает интересы автора;

- наносит определенный ущерб автору;

- автор относит

ся к приводимым сведениям неодобрительно.

В общем, больше можно верить документу, если его автор — ворчун, а не оптимист.

При систематической работе с достаточно большим количеством документов появляется прекрасная возможность создавать досье по той или иной проблеме. При постепенном накоплении материалов в досье вдруг с изумлением обнаруживаешь, что документы «разговаривают». Подтверждают или опровергают друг друга, открывают враждуют или выступают единым фронтом. Досье ценно еще и тем, что мгновенно «погружает» вас в ту или иную тему накануне ответственного интервью, помогает вести журналистское расследование. В молчаливых папках лежат груды сведений, которые при сличении, сопоставлении способны одарить вас сенсационными эксклюзивными сведениями. В истории мировой журналистики осталось имя советского журналиста Эрнста Генри. Этот человек редко выходил из дома. Однако его публикации, основанные на материалах уникального личного досье, производили эффект разорвавшейся бомбы.

Сяргей ЗАКОННИКАЎ

Я хворы табой...

Плыве паабапал дарогі на Вільню
Прастор,
Каб трывожыць ва ўпор і здаля...
Я хворы табой,
І ўрачы тут бяссільны,
Мая непрыкметная ў свеце
Зямля.

А доля між родных палёў дасталася
Такая,
Што кругам ідзе галава.
Дасюль не сабрана радня да стала ўся,
Хоць Крывія кліча,
Гукае Літва.

Па карку дубінкай гумоваю — «Kresy»,
А пелькаю — «Северо-Западный край»...
Цябе,
Прыхаванай хлуслівай завесай,
Мне суджана несці
Ці ў пекла, ці ў рай...

Бялеюць снягі і зара чырванее,
Зліваюцца ў велічны, радасны сцяг.
Акрышца ім хочацца з вечнай надзеяй,
Што будзе ў цябе
Неўміручы працяг.

Мая Беларусь!
Непадзельнай любоўю
Забі, толькі выцісні рабства з крыві.
Адпрэч і чарнобыльскае белакроўе...
Жыві!

Цяжэй

Зялены ад шчадрот прагрэсу,
Атручаны не меней ім,
Я выглядаю, як давесак
Да сумятлівых лет і зім.

Хоць дух мой
Стоме не скарыўся,
Салоўкі чую спеў: «Цёх-цёх...»
Ды ўсё цяжэй знаходзіць рыфмы
Да слова ёмкага —
Жышчэ.

Вечны занятак

Шлях чалавецтва ў нетрах часу
Віхляеца ва ўсе бакі.
Яго рабілі пакручастым
І ўладары, і жабракі.

Але найболей вінаваты
У тым, што долю гвалціць здзек,
Што праўду валакуць за краты, —
Звычайны, просты чалавек.

Ах, гэты чалавек маленькі —
Спрадвечны вораг сам сабе
Заўжды ў яго дрыжаць каленкі,
Як быццам хлеб не свой дзяўбе.

Хоць шмат разоў ён пакараны
За цёмны, непрыстойны страх,
І ўсё ж гадуе зноў тыранаў
На ўласным поце і касцях.

Спіць сіла ў глыбіні мільёнаў,
А кожны паасобку — гном:
Цалуе боты, б'е паклоны
Тым, хто махае бізуном.

Не замарыўся час пракляты
Літаўрамі хлусні грымець.
Лягчэй вяртацца ў рабскі статак,
Чым волю на вякі займець.

Вось і жыве занятак сталы,
Якому скону не відаць, —
Рабіць для монстраў п'едэсталы,
А потым іх адтуль скідаць...
Скідаць... і новых узнімаць.

Вея

Вея шукае
Забытыя сцэжкі,
Кожную з іх не міне...
Словы прыходзяць
жадана і ўсцешна:
«Дзякуй табе за мяне...»

Дзякуй табе
За лясныя азёры,
Дзе заблукала лыжня,
Дзе нашай радасці
Дзіўную змору
Выпіла ўсмак цішыня.

Лёс праз гады
Шмат спазнаў і агораў...
Самай найлепшай з навін
Снег малады
Ты пакідала ў горад.
Дзякуй за ціхі ўспамін.

Снег будзе доўга
Кружыцца,
Сваволіць,
Як і тады — трапяткі
З ім у суладдзі
Вышэйшая воля
Шчодро дыктуе радкі.

І не бяды,
Што настрою лірычнасць
Хутка парушаць няўзнак
Першым сігналам сваім
Электрычка,
Стукам глухім таварняк.

Чуйнаму сэрцу
Снежна, світальна...
Ты страпянулася ў сне.
Вушка падстаў,
мой анёл ратавальны:
«Дзякуй табе за мяне...»

Белая сукеначка

Белая сукеначка мільгнула
На начной сцяжыне ўскрай сяла
І міласцю вольнай ахінула
Сэрца неспакойнае:
«Прышла...»

Быў пасля і гордым, і паніклым,
Быў бядой раструшчаным амаль.
Белая сукеначка не знікла
Ветразем паміж будзённых хваль.

Хутка цела цёмнай глебай стане,
А душа рванецца на святло.
Што было?
Адзінае — каханне,
Рэшта — сумятня і мараў тло.

Адпакутваўся і адкружыўся
Па чужых і па сваіх слядах.
У ажынной квецені сцяжынка
Выведзе мяне на Млечны Шлях.

Позіркам расстайным аббягаю
Свет,
Што адплывае ў забыццё...
Белая сукеначка ля гаю
Прамільгнула,
Як маё жышчэ.

За маім акном шалее вецер,
Рве з галін апошнія лісты...
Як сцюдзёна стала ў гэтым свеце,
Ведаеш пра тое толькі ты.

Ноч даўно скубе сабе надточкі,
Пацьмянеў і карацее дзень,
Ды і я,
нібы сышоў упрочкі,
З крэўнага жыцця...
Застаўся цень.

Што ні год — даўжэй вандроўка тая
Па глухім узмежжу лет і зім.
Толькі ты назад мяне вяртаеш
Ірукой,
і позіркам сваім.

Часу холад
стукаецца ў грудзі,
Як пасыльны вечнай нематы...
Што са мной было,
чаго не будзе —
Ведаеш пра гэта толькі ты.

Вяртанне радасці

Зноў няма настрою з раніцы —
Калатнеча, мітусня.
Так не хочацца параніцца
Аб калючкі злога дня.

Справы,
словы бесталковыя
Сталі ў горле камяком,
І таму не выпадкова я
У акно гляджу цішком.

Мо затурзанага спешкаю,
Сёння лёс не абміне:
Ці каменьчыкам,
ці снежкаю
Стукне ён у шыбу мне.

На імгненне радасць вернецца,
Каб душу сагрэць найперш...
Аблачынкай недаверлівай
Ты пльвеш у гэты верш.

Спачатку — ты,
а потым — я —

Такая прымаўка твая.
Каханая,

даруй за тое,

Што горкіх слоў
нясеш ты крыж,

Што часам крыўды
ў сэрцы тоіш,

Маўчыш,
пакутуеш,
не спіш.

За непрынесеныя кветкі
І занядбаны хатні гуж,

Які за тое,
што ў суседкі
Надзвычай дамавіты муж.

За тое,
што не годзіш модзе,
Што ў іншых больш убораў ёсць,

Што, як дажджы, як снег,
праходзяць

Твае краса і маладосць.
Зрэдчас падумаецца жартам —

Так,
я — і грэшнік і святы,

Ды ўсё ж,
калі чагосьці варты,

То вінавата ў гэтым — ты.
Спачатку — ты,

а потым — я...
А прымаўка ў цябе — мая!

11.01.82 г.
Ноч, 2.15

Нітка жыцця,
што сукалася ў маі,

Туга напятая,
ледзьве ліпіць...

Што на зямлі чалавека трымае?
Тое,

што нельга прадаць і купіць.
Гэта —

схаваная ў памяці сцежка
Між заінелых,
крыштальных бяроз,

Гэта —
твая нечаканая ўсмешка,
Што асвятліла расхрыстаны лёс.

Зорку надзеі
лаўлю на ляту я,

Каб патрымаць
і табе перадаць...

Што нас у свеце падманым ратуе?
Тое,

што нельга купіць і прадаць.

Еду з кірмашу

Памяці У. Караткевіча

Я еду з кірмашу
На ім было
Завозна хмелем,
ласкай незабыўна...
Памалу сэрца хакаць пачало,
Як вёрстамі загнаная кабылка.

Там, дзе ўладараць продаж і гульба,
Я толькі на хвілінку паказаўся.
На кірмашы нічога не прыдбаў
І прапаноўваць нешта не збіраўся.

Няма ў мяне тавару.
Ёсць душа,
Але яна — запас недатыкальны.
І да таго ж не стоіць ні граша
У свеце,
Дзе гандлююць маньякальна.

Міргаюць скрозь прывабныя агні,
А я адводжу вочы нелюдзіма,
Хоць гаварыў:
«Карчмы не праміні!» —
Мой неўміручы сябра Уладзімір.

Як ён
Пачуццям давяраў найперш,
Таму і зараз прадчуванню веру,
Бо пішацца ў душы астатні верш —
Вагомеі тых, што леглі на паперу.

Я еду з кірмашу
На той парог,
Дзе задаюць няпростыя пытанні...
Мацней віна збівае з ног
Касмічны сум
Апошняга расстання.

Из жизни

Первый раз в статусе безработного ваш покорный слуга оказался еще в 1982 году. Да нет, никаким диссидентством тут не пахло — просто не было минской прописки. После второго курса журфака пришлось перевестись на заочное, потом — уйти и оттуда. И искать работу. Кстати, тогда это не было проблемой. Но ровно через 22 года я опять стал безработным в добровольно-принудительном порядке. Это случилось в августе 2004 года. Минуло два года — и я снова работаю. Грузчиком. Голова поседела. Наверное, пришло время подвести промежуточные итоги.

Сергей ШЕВЦОВ

Выпасть из «обоймы»

Бывшим коллегам я теперь не звоню. С ними скучно говорить, да и не о чем. Первый их вопрос — где работаю. Второй — сколько получаю. А разве это так важно? Не краду, не граблю, не убиваю, плачу налоги — этого достаточно. Правда, налоги небольшие, так как зарплата невелика.

Хотя коллег я понимаю, даже сочувствую им. Собственно журналистика, ее проблемы, как и проблемы общес-

Сейчас и обсуждать-то нечего. Любой номер газеты представляется гладким, ровным и блестящим, как стекло.

тва, давно отошли на второй план. Это раньше, бывало, каждый номер газеты обсуждался на редколлегии. Дежурный делал обзор на летучке, отмечал лучшие, на его взгляд, материалы. Сейчас и обсуждать-то нечего. Любой номер газеты представляется гладким, ровным и блестящим, как стекло. Зацепиться не за что.

Поэтому темы обсуждений сильно сузились, стали грубо примитивными. Например: у кого сколько строчек вышло и сколько осталось до вождяленого плана. Выполнил план — что-то получишь, но частями, на протяжении полутора-двух месяцев. Не выполнил — снимут премию, соответственно, получишь меньше, залезешь в долги, с «Монте-Карло» перейдешь на «Корону» или даже «Форт». С водки — на «чернила» и т. д., и т. п.

Весь трудовой коллектив поделен на фракции во главе с «председателем» — кем-то из редакции. Как и положено, фракции грызутся между собой на предмет справедливой доли «пирога». И так далее. Мне теперь даже писать об этом противно.

Ну ладно, еще лет пять назад запах тления ощущался явно. Утром тоскливо было от одной мысли, что опять нужно ехать в это болото... Сейчас, по моим данным, процесс разложения идет куда успешнее,

т. е. стабильно. В следующем августе газета будет отмечать 90-летие. Я бы сказал, существования. Что это будет: праздник или поминки? Трудно сказать...

Еще пять лет назад мне было понятно: я тут не жилец. Почти каждый материал проходил с тяжелым металлическим скрежетом. А многие мне возвращались на «доработку». Это когда вместо правды надо писать полуправду, что еще хуже, чем писать неправду. Потому что полуправда сильно похожа на правду. А однажды, вызвав меня к себе для обсуждения моей статьи, главный редактор сказал ключевую фразу: «Вы ж ведаеце, вас там читаюць з алоўкам...» — и указал пальцем на потолок. Наш редактор всегда был политиком: одной фразой сказать комплимент и объяснить, почему я становлюсь «непечатным», — это нужно уметь.

В общем, я стал вести себя все более «раскованно». Так как терять уже было нечего. Когда меня деликатно попросили написать заявление по собственному, даже испытал

облегчение. Не догадываясь, впрочем, о будущих кошмарах.

В последний год «пилюлю» мне подсластили: пять месяцев подряд мои публикации признавали лучшими. Уже смешно — что, больше некому было

Вместо правды надо писать полуправду, что еще хуже, чем писать неправду. Потому что полуправда сильно похожа на правду.

писать? Или просто не хотели? Скорее, последнее, ибо в «тени» не так печет, риска получить тепловой удар почти нету...

Потом было несколько месяцев выживания. Потом я в газету вернулся, но уже внештатно, на договор. Первое время все было более-менее пристойно, меня печатали. А потом перестали. Опять мое «лыко» оказалось не в их «строку».

Ну что ж, в очередной раз убедился в справедливости выражения классика: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»...

Одним словом, еще один мираж рассеялся. Я ушел окончательно. На прощание редактор мне сказал: «Кожны вырашае сам».

Влезть в новую «обойму»

Что происходило и происходит с гражданами бывшего СССР после распада империи? Многие из них хотят вернуться в прошлое, не желая понимать, что это путь в никуда. Так и я продолжал жить по инерции.

Дело в том, что журналистика давно перестала для меня быть работой, средством для полу-

чения денег. Это уже образ жизни, *modus vivendi*, когда процесс сбора информации, ее анализа и писания (в голове) материала происходит сам собой, помимо воли, во сне, в троллейбусе, на улице — где угодно. Моменты неповторимой эйфории, чувства, что ты все можешь пережить за пишущей машинкой. Плохо это или хорошо, но так было. Наверное, хорошо...

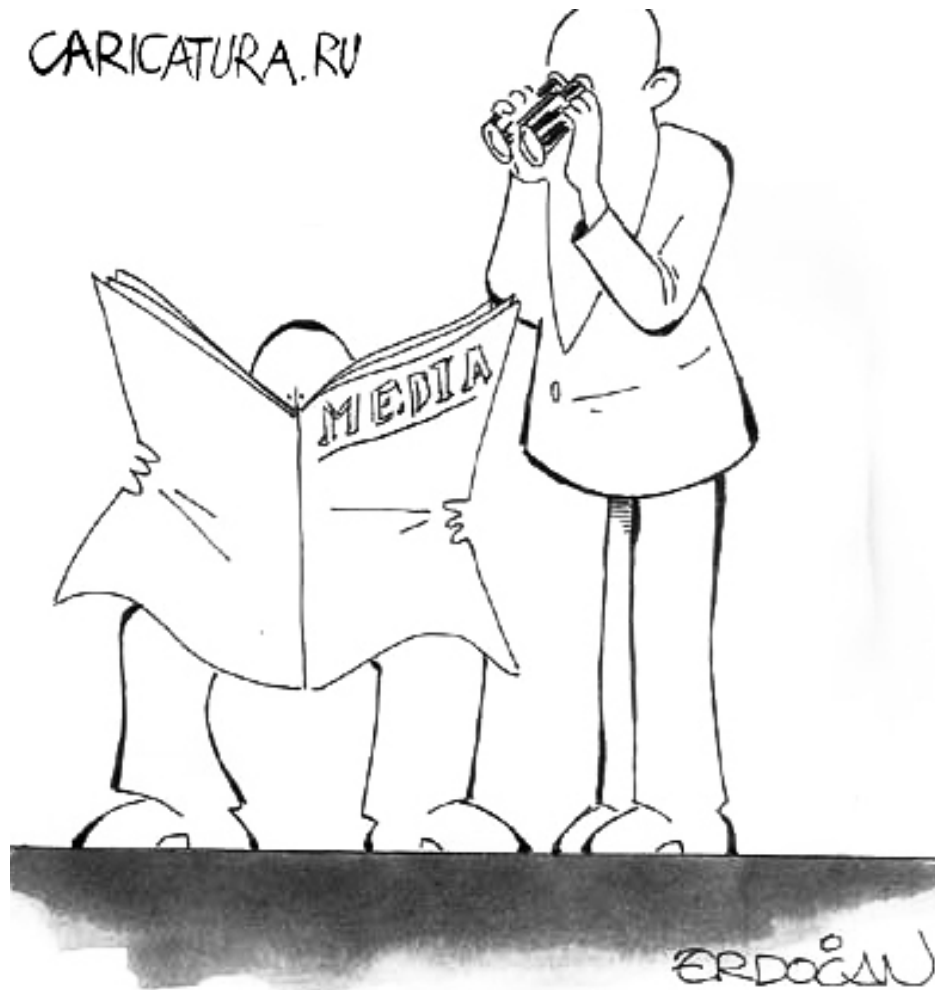
Дальше началась школа выживания, про это даже вспоминать не хочется, но все же.

Было небольшое (две командировки) участие в предвыборной кампании в Палату представителей Национального собрания РБ. Потом наступило глухое затишье. Вы

знаете, что это такое? Не советую узнавать. Когда мысль о том, где достать денег, чтобы прожить следующий день, начинает вас душить в своих плотных объятиях с утра и к вечеру доводит до полусумасшествия. А когда все это продолжается изо дня в день, то совсем логично появляется следующая мысль: а не наложить ли на себя руки?

Однажды, вызвав меня к себе для обсуждения моей статьи, главный редактор сказал ключевую фразу: «Вы ж ведаеце, вас там чытаюць з алоўкам...» — и указал пальцем на потолок.

Она у вас точно появится, когда вы пойдете «стрелять» сигареты на остановку. Или собирать «чинарики» на лестнице, в чем мне абсолютно не стыдно признаться. Вся-

кое бывало — и до, и после. При этом я держу в уме «Москву-Петушки» Венички Ерофееву...

Вдруг позвонил друг-однокурсник, предложил пойти в банковскую сферу. Да нет, не туда, куда вы подумали. У «Беларусбанка» есть своя газета, журнал, а у моего друга — знакомство с заведующим этим хо-

ли ситуацию, сообщили, что знакомы и восхищаются публикациями. Потом отправили с сотрудницей (бывшей журналисткой «Крыніцы» и известной поэтессой) в соседний офис.

Там мне дали анкеты (их было много), предложили заполнить и пообещали организовать встречу с замом председателя «Беларусбанка» по

«Крыніца» в своем старом виде испарилась, но что ж было делать? Жить-то надо.

Надо. Поэтому дома я начал заполнять «самодоносы» — они же анкеты. Когда дошел до пункта: «Есть ли у вас родственники за границей?» — мне стало смешно. А когда — до пункта, предлагающего изложить биогра-

зяйством. Мы созвонились, встретились. Неприятно удивило, что на работу придется

Я даже посетил «биржу труда» — то бишь службу занятости. Там на меня смотрели с испугом и любопытством.

ходить через пост охраны со свинцово-отсутствующими лицами и через турникет, который открывается с помощью магнитной карточки.

Меня там знали. Редактор встретил радушно, но в глазах ясно читалось сомнение. Со мною побеседовали, обрисова-

кадрам. Он должен был решить, взять меня или нет. Слегка напоминает рынок крепостных в России до 1861 года, да? То есть мне сразу указали на мое истинное место в этой системе координат. Уже это обстоятельство зародило серьезные сомнения.

Их усилила короткая, на бегу, исповедь поэтессы. Писать придется очень много, часто не то, а гонорара как такового нету. Она очень сожалела, что

фии родителей с указанием, где и когда родились, — стало горько и печально. Нигде, кроме как в таких документах, не видно так ясно и отчетливо, в какое время мы живем. Короче говоря, анкеты я порвал (с наслаждени-

Я пока подожду стрелять, опять не мое время. Хотя остаюсь «человеком с ружьем».

ем, немного садистским) и начал думать дальше.

А думать было нечего. Нужно было элементарно

зарабатывать на жизнь. Просто на жизнь, безо всяких излишеств.

Я даже посетил «биржу труда» — то бишь службу занятости. Там на меня смотрели с испугом и любопытством: что, мол, за «пассажир» прибыл? Но, впрочем, дали направление.

Скажем, в Торгово-промышленную палату, хорошо знакомую по прошлым временам. Им требовался пресс-секретарь со знанием нескольких компьютерных программ. Такой «мальчик на побегушках».

Тут надо признаться: как человек я родился в 1960 году, как гражданин и все такое — в 1985-м. И здесь ничего не изменишь. То есть мне дали толчок, и все, что было в зародыше, развилось. И меня уже не изме-

За каждый приказ, который выполнен, отвечают также и те, кто его выполнял...

нишь. Разве что можно расстрелять. При этом кричать: «Да здравствует товарищ президент!» — я не буду. Как и тт. Берия, Брежнев, Андропов и все прочие.

Что же дальше? Да ничего. Наконец-то я понял, что в старую-новую обойму не влезть, да и смысла нет. Обойма старая, ржавая, ветхая, я — все время меняюсь и ни для какой обоймы — ни для старой, ни для новой — не подхожу. Не то чтобы отстрелянный патрон, гильза. Просто при выстреле

Мне, чудак, до сих пор кажется, что честно — это честно, правда — это правда, зло — это зло, а человек, ежедневно меняющий свои принципы, как нижнее белье, — это не совсем человек.

была осечка. Я пока подожду стрелять, опять не мое время. Хотя остаюсь «человеком с ружьем».

Чтобы было все понятно до конца, полузабытая история 1993–94 г.г. Тогда меня ни с того ни с сего выдвинули на Госпремию. Естественно, в 1993 году я к этому отнесся благосклонно. Но в 1994-м у власти уже был Лукашенко. Ситуация

изменилась. Из его рук эту премию (порядка 200 у. е.) я получать никак не хотел. После выборов я напечатал в «Свободзе» материал соответствующего содержания, сутью которого было: победил человек с поросенком. И приусадебным участком. А моя жена сказала вешние слова: «С ним у нас жизни не будет...» Так и оказалось.

Последний бойскаут

У кого-то может сложиться впечатление: вот, мол, каким диссидентом себя изображает. Нет, это не так. Я такой же обыватель, как и все остальные. Мне хочется есть, спать, курить, извините уж, иногда выпивать, любить женщин и одеваться по собственному разумению, а не по чьим-то советам. Тем более никогда я не буду думать так, как мне велят. Во-первых, не умею. Во-вторых, люблю себя, грешный, и такого позора — называть черное белым — не вынесу.

Бывшая коллега когда-то называла меня мастодонтом и предлагала показывать в музее за стеклом. Ну да, я старомоден. Мне, чудак, до сих пор кажется, что честно — это честно, правда — это правда, зло — это зло, а человек, ежедневно меняющий свои принципы, как

нижнее белье, — это не совсем человек.

Поэтому я всегда помню о своих бывших коллегах и думаю (о многих, но не обо всех), что им тяжело. Я знаю их истинные мысли. Они отличаются от тех, которые им положено иметь. Настолько разительно, что я иной раз думаю: передо мной тот же человек или другой? Один последними словами ругает нынешние порядки, другой не менее искренне (?) говорит: «Главное — это

стабильность». То есть менять ничего не нужно, все и так хорошо.

Хорошо — что? Что тебе деньги дают раз в по-

Никогда я не буду думать так, как мне велят. Во-первых, не умею. Во-вторых, люблю себя, грешный, и такого позора — называть черное белым — не вынесу.

лтора-два месяца, и ты не «возникаешь» только потому, что у тебя маленькая дочка и жена, которая работает учителем и получает меньше тебя? А если «возникнешь», то тебе денег дадут намного меньше, чем стоит твой профессионализм.

Что ж тут непонятного — тебя припирают к стенке экономически и твердят: пиши что хочешь, но печатать мы будем то, что положено. Хотя прямо об этом не говорится. На всякий случай: вдруг придут другие времена, и тех, кто отдавал противоправные приказы, спросят, почему они их отдавали. Нам тоже приказывали, ответят они. И, по большому счету, это будет неправдой. Потому что за каждый приказ, который выполнен, отвечают также и те, кто его выполнял...

Но и это не вся правда. Есть еще Серега, он строит кооперативную квартиру. У него две маленькие дочки, неработающая жена. С весны он пытается занять у кого-нибудь тысячу у. е. Да не может.

Кто же поймет Серегу, и кто ему посочувствует? Кто повесит на него всех «собак». Когда придет время — «вешать собак»? В общем, иллюзий строить не стоит: при всякой смене власти происходит одно и то же — плохие становятся хорошими, хорошие — плохими. Выход?

Оставаться самим собой. В любые времена. Это единственное, что согревает...

Дарогі Валерыя Дранчука

Апошнім разам я бачыў яго сёлета ў дваццатых днях жніўня, акурат напярэдадні 25-годзьдзя ягонага сына Цімафея. Ён расказваў, як малады бацька, асуджаны на год пазбаўленьня волі за ўдзел у незарэгістраванай арганізацыі «Партнэрства», праз краты ў судовай залі ўпершыню ўбачыў свайго чатырохмесячнага сына. І... я чарговы раз быў уражаны духоўнай моцай самога Дранчука — прабачце, цяпер Дранчукоў. Бацька і сын, бадай, разам вырашылі не згаджацца на ўмоўна-датэрміновае вызваленьне да атрымання адказу на касацыйную скаргу, што аўтаматычна павялічвала тэрмін зьнявольеньня на неакрэсьлены час. «Нехта мусіць змагацца за рэабілітацыю незаконна рэпрэсаваных ды выкрыцьцё тых, хто катаваў людзей», — тлумачыў ён. Але я ўжо ведаў, што Валеры Дранчук не мог зрабіць інакш.

Арка з каштанам перад уваходам. Рабінавая алея за ваколіцай. Шарападобная ліпа. Унікальны пірамідальны дуб, галіны якога цягнуцца ўверх. Такіх шмат было ў свае часы ў 12 кілямэтрах адсюль — у Радзівілаў, у Нясьвіжы. Бусьліныя гнёзды ля церамка са сьвежага дрэва на месцы згарэлай сядзібы, дзе жылі чатыры пакаленьні аднога роду. Калодзеж з крынічнай вадой ды надпісам: «Дзякуй, што адведалі. Прыходзьце яшчэ. Гаспадар». А вось і сам ён, сіваваты, але маладжавы — у шортах ды саламяным капелюшы — трымае ў руках касу...

Вось так некалі сустрэўся я на Стаўбцоўшчыне з маім героем, вядомым экалягам, палітыкам ды журналістам. Ці «прыродалюбцам» ды «хутаранцам», як ён любіць называць сябе сам. Ягоная малая радзіма мае рамантычны назоў Гавязна — ад балцкага «гаіць». Праўда, побач яшчэ амаль высахлая рачулка Гавязьнянка. Была й расьліна, назоў якой запомніўся зь дзяцінства, — «гавяза — дзераза». Раней Гавязной называлася ўсё сучаснае мястэчка Вішнявец. Цяпер толькі «дранчукоўскі» фальварак, які хутка прыхаваецца за так званым этнаграфічным плотам з маладых сасёнак. Ці не апошні бастыён, падумалася мне спачатку. Аказалася, не — пляцдарм, калі хо-

чаце, стаўка па правядзеньні, мабыць, першага ў Беларусі вясковага рэфэрэндуму па вяртаньні Вішняўцу старога назову — Гавязна. Яго ініцыіруе Дранчук. Да абмеркаваньня падключыліся нават раённая адміністрацыя ды прэзыдэнцкі друк. 82-гадовая цётка Казлоўская наогул сказала мне, што не адыдзе да Бога, пакуль могілкі ня стануць гавязьнянскімі: маўляў, у Гавязьне нарадзілася, гадавалася, бацькі-дзяды ў школу хадзілі.

— Я — за Гавязну!

Дранчук сьвядома абудзіў сваімі захадамі мясцовых жыхароў да актыўнай дзейнасьці. Цяпер яму сьмешна ўзгадваць, але на золку перабудовы выступіў у часопісе «Беларусь» з праграмным артыкулам «Экалёгія вышэй за палітыку!». Хоць ніколі ён ня быў наўным ды няздольным да практычнага жыцьця хлапчуком, як яго й сёньня жадалі б уяўляць, скажам, у Міністэрстве аховы навакольнага асяродзьдзя, якое ён несупынна крытыкуе.

Пасьля заканчэньня факультэту журналістыкі Белдзяржуніверсітэту працаваў у мясцовай раёнцы, у «Зьвязьдзе», апаратах тагачасных Вярхоўнага Савету ды Саўміну. Але там ён са сваімі поглядамі не затрымаўся. Пайшоў рэдагаваць часопіс «Родная прырода». Успамінае ягоны сябра ды пап-

Віталь СЯМАШКА

лечнік Аўген Церахаў, які сёньня працуе ў Лошыцкім парку:

— Першае, што здзівіла ў тых гады, — ён не баіцца. Гэта быў чалавек, які чакаў, жадаў новых ідэй. І друкаваў іх на старонках часопісу. Ён цікавіўся пратэстнымі акцыямі «зялёных» ува ўсім сьвеце, разважаў, ці можна іх правесці тут. Ён ніколі не прыстасоўваўся да поглядаў, што пануюць у грамадстве. Заўсёды ёсьць менавіта «дранчукоўскі акцэнт», які больш нідзе не пачуеш. Ён ня кідае тэму, таму што яна стала «нямоднай», ці таму, што ў другім месцы больш плоцяць. Ён кіруюць уласнае сумленьне ды неабходнасьць Слова для краіны...

Ці можна пазначыць экалягічныя праблемы Беларусі двума словамі, спыталі ў яго ў адным зь інтэрвію. Адказ быў дакладны — «вынішчэньне лесу». Казаў, нашыя дрыгвяныя абшары ды «зялёны» пояс, што складаюць лясныя ўгодзьдзі, — гэта вытворцы кіслароду, магутны біясфэрны фільтар. Лёгка ня толькі Беларусі, але і Эўропы.

— На жаль, яны ўсё болей ды болей пакрываюцца цёмнымі плямінамі, — тут жа загаварыў пра самае для сябе балючае. — Прырода зламана. Чалавек вясковы выйдзе на дарогу і ня ўбачыць каня — толькі машыны, машыны. Ён перастаў быць залежным ад прыроды. Машына мацнейшая — можа асушыць дрыгву, зрушыць рэчку, і чалавек бачыць, што здольная яна зрабіць усё. Калі чалавечая душа перастала любаватца прыроднымі каштоўнасьцямі, яна становіцца адчужанай...

Боль прыроды Валеры адчувае ці не фізычна. Зноў-такі, як некаторыя кажучь, з апантанасьцю ці то «дзівака», ці то вар'ята. З сынам Цімафеем я гутарыў пра бацьку, калі той яшчэ на волі быў кардынатарам незарэгістраванай маладзёвай арганізацыі «Зубр».

— Калі ў дзяцінстве ляжаў у шпіталі, неяк на выходныя баць-

ка прыйшоў адведаць, і мы сядзелі ў дворыку. Літаральна пад ногі звалілася сарачаня. Бацька тут жа ўзяў яго з сабой. І яно пражыло ў нас некалькі гадоў. Дагэтуль сарачыныя гнёзды паўсюль вакол дому нашай бабулі з Заслаўя...

Безь перабольшаньня, справай жыцця Дранчука стала змаганьне супраць вынішчэння Беларускай пушчы. Валеры атрымаў Эўрапейскую прэмію Генры Форда «За захаваньне культурнай спадчыны ды навакольнага асяроддзя», прэмію імя Алеся Адамовіча за публіцыстычныя артыкулы ў заснаванай ды шмат гадоў рэдагаванай ім газэце «Беларуская пушча», якую, як і многія іншыя незалежныя выданьні, задушылі фінансава ды адміністрацыйна. Тым ня менш многім ягонае апантанасьць і тут незразумелая: ёсьць жа для Беларусі справы значна больш важныя — да прыкладу, зьмяненне палітычнага рэжыму. Але ён лічыць, што рэч ня проста ў тым, што пушча першым з прыродных аб'ектаў былога Савецкага Саюзу была залучаная ў Сьпіс сусьветнай прыроднай спадчыны, бо гэта самы вялізны плянэтарны лясны масіў натуральнага паходжаньня — так званы лес-самасей. Галоўнае пытаньне пра захаваньне «душы жывой», чалавека ў чалавеку — у часы тэхнагеннай глябалізацыі, перакананы Валеры Дранчук.

— Сёньня гэтым сьветам кіруе некантраляваная тэхнічная эліта, у руках якой безьліч вялікіх грошай. Калі не выплочваюць зарплату, гэта ня значыць, што ў карпарацый іх няма. За іх купляюцца паліва, тэхніка. У той жа Беларускай пушчы будуецца ангары, дзе захоўваецца канфіскацыя. Вы разумееце, у што ператвараецца наша зямля?! Трэба гаварыць пра тую страту, якія можа панесьці чалавек. Скажам, быць ці ня быць АЭС у Беларусі?! Што б ні казалі пра наш электрат, ён хутчэй паверыць экалёгу, чым дэмагогу, які «запусьціць заводы». Чалавеку трэба гаварыць

праўду пра тую абмежаваньні, на якія ён мусіць ісьці...

Пасьля закрыцьця «Беларускай пушчы» з адчайнасьцю Дон Кіхота Дранчук кінуўся ў палітыку. І тут ён дабіўся выніку. Яшчэ ў 1995-м у рукі Дранчука патрапіла копія дакумэнту з упраўленьня справамі прэзыдэнта за подпісам небезьвядомага Ціцянкова. У паперы да ўсіх заповеднікаў ды заказнікаў Беларусі было даведзена патрабаваньне нарыхтоўваць штогод 50 тысячаў кубамэтраў руднічнай стойкі, ці папросту паўсьпелага лесу,

Валеры Дранчук узнагароджаны прэміяй Генры Форда «За захаванне культурнай спадчыны ды навакольнага асяроддзя»

які куплялі Фінляндыя ды Украіна. На пісьмовыя захаваньні экалёгаў ніхто нічога не адказаў. Нашага героя запрасілі тады на экафорум у Попрадзэ, што ў Славаччыне. Было прынятае адпаведнае камюніке, пасьля чаго Фінляндыя адразу ж адмовілася купляць гэты лес. Валеры асабіста браў удзел у пікетах, калі ў Прыпяцкім заповедніку высякаліся дубовыя гаі...

— Але ён больш чым экажурналістыкай займаецца, — перакананы яшчэ адзін ягоны сябра ды паплечнік Аляксей Мікуліч, доктар біялягічных навук, ляўрэат Дзяржаўнай прэміі. — Як ён выхаваў сваю сям'ю! У яго жонка расіянка, але зараз гаворыць выключна па-беларуску. Не кажучы пра дзяцей, таксама ягоных адна-

думцаў ды аднадушцаў, адданых Беларусі, прыродзе. Тая самая экалёгія душы!

Валеры Дранчук зьяўляецца сузаснавальнікам ды сябрам Нацыянальнай рады палітычнага блёку «Эўрапейская кааліцыя — Свабодная Беларусь». Каардынатар руху Андрэй Саньнікаў распавядае:

— Калі прыходзяць такія людзі, ніхто ня скажа, што палітыка — брудная рэч. Таму што Валеры прыйшоў не праз свае амбіцыі, а заўважыўшы, што лягчэй нечага дасягнуць, напрыклад, на тым жа эўрапейскім узроўні. Менавіта гэтак і было там, калі рух зьяўляўся стаў палітычнай сілай. А тое, што ён амаль адзін б'ецца за Беларускай пушчу, сьведчыць пра ягоныя выключныя якасьці барацьбіта. І адзін чалавек — ня Дон Кіхот, калі гэта Валеры Дранчук!

Мы зноў у ягоным радавым фальварку. На ўскраіне яны з сябрам паставілі памятны крыж з надпісам: «Тут нарадзіліся ды паміралі». Дарэчы, старажытны назоў Гавязна афіцыйна захоўваецца дзякуючы аднайменнаму ляндшафтна-батанічнаму заказніку, які месціцца побач і займае 7 гектараў. Колькі гадоў таму яго стварыў наш герой. А яшчэ ён адкрыў белакапытнік — унікальную расьліну, якая расьце ў Беларусі толькі тут і занесена ў Чырвоную кнігу. Яе Дранчук лічыць сваёй папараць-кветкай.

— Дзе крыніца, там белакапытнік. Кветка зацвітае паміж сьцюжамі-маразамі, з надыходам першых веснавых дзён — яна проста чароўная...

Аднойчы ён убачыў шчаслівы сон. Белаяпенна, густа цвілі прысады. Дарога, па якой ён ішоў, была бяскоңцаю і не стамляла. Сустрэкаліся людзі — знаёмыя і незнаёмыя. І шмат дзетак. У аднаго хлопчыка ён запытаў:

— Ты хто?

— Беларус.

— А куды вядзе гэтая вечная дарога?

— У рай, — адказаў хлопчык.

Прачнуўшыся, Валеры напісаў словы, надрукаваныя пасьля ўрэдакцыйным артыкуле: «Дарога заўсёды знак. Дбаласьці гаспадароў. Іхнай аслай чыннасьці ды годнага гаспадараньня. Іхнай любові — да роднай зямлі, Бацькаўшчыны, сваіх продкаў, нават нябёсаў, дзе жыве Гасподзь».

Партрэт мастака

Калі дамаўлялася на сустрэчу з фатографам Анатолем Клешчуком, мяне папярэдзілі, што ён не мае вялікай ахвоты даваць інтэрв'ю. Тры разы мы пераносілі час сутрэчы — Анатоль быў у раз'ездах па Беларусі і не паспяваў вярнуцца альбо не меў сіл на размову. Нарэшце атрымалася яго выхапіць у ДOME Прэсы пад абяцанне, што гутарка зойме не больш за дзве гадзіны... Анатоль запрасіў у свой «звяздоўскі» кабінет-фоталабараторыю — невялічкі пакойчык, дзе, відавочна, ужо даўно ніхто не займаўся праяўкай-друкаваннем здымкаў. На стале замест грувасткага фотаабсталявання стаяў маленькі ноўтбук — дыў той часова, пакуль Анатоль тут, са мной размаўляе. Ужо пасля першых пытанняў-адказаў мне стала зразумела, што аніякіх дзвюх гадзін не хопіць, каб выслухаць усё, што Анатоль можа распавесці, — столькі ў яго тых гісторый, і думак, і пачуццяў. У выніку размова доўжылася больш за шэсць гадзін...

ТЭХНІКА

— Анатоль, якімі тэхнічнымі сродкамі вы карыстаецеся?

— Яшчэ да гэтага часу працую з камерай Asahi Pentax 6x7 — гэта для шырокіх слайдаў, калі трэба зняць штосьці для календароў, кніг. На слайдах — асабліва якасць, там выцягваюцца такія дэталі! Але цэлы чамадан даводзіцца цягаць...

У асноўным здымаю на лічбу. У мяне звычайная камера — Canon EOS 20D. Аб'ектываў чатыры, але лінейка ў іх вялікая: ад шырокага кутніка 16 мм да 300 мм.

— І даўно перайшлі на лічбу?

— Гады чатыры таму. Але спачатку здымаў «паралельна» — дубляваў на стужку. Калі лічбавыя камеры толькі з'явіліся, я ім асабліва не давяраў, хоць і бачыў на экране вынік.

Стужка ў маёй галаве мацней сядзела. Я верыў, што гэта вечнае. Таму адну і тую ж карцінку здымаў спачатку адной камерай, потым другой.

Цяпер ужо зразумеў, што гэта бессэнсоўна. Дыў жыццё прымусіла, а асабліва рэдакцыя. Таму што рэдакцыя — гэта маленькі завод, і ён працуе напружана, без перапынкаў. Здымкі, якія сёння не выкарысталі, — заўтра ўжо нішто. І я сам часам дзіўлюся: як гэта так

было, што калісьці я здымаў толькі на стужку, прыязджаў з камандзіроўкі, дзень рабіў стужкі, друкаваў картачкі, потым разносіў іх па аддзелах, прапаноўваў... Але ж я паспяваў не менш, чым зараз з гэтай лічбай! І быў больш шчаслівы, калі гэта ўсё рабіў. Я чакаў на раджэння картачкі, як казкі, як цуда. А зараз вельмі проста — прыбег, уваткнуў у кампутар, паглядзеў — ага! Ёсць! Выкінуў нешта, падправіў штосьці. Але ўсё адно, уся гэтая электроніка прымушае заўжды ў пэўным нервовым стане знаходзіцца — а раптам нешта не запрацуе?

— А да гэтага якімі камерамі карысталіся? І які іх лёс?

— Камеры мае ляжаць, усе нармальныя. Спачатку быў «Зеніт», яшчэ ў юнацтве. На свой першы заробак я купіў сабе не джынсы, а фотаапарат. На той час гэта быў страшэнны дэфіцыт. Памятаю, 31 снежня ў ГУМе іх выкінулі, я адстаяў вялізарную чаргу... Але дзякуючы гэтаму я стаў фатографам!

Ну а наступныя камеры былі больш прафесійныя — EOS, толькі стужкавыя.

Лёс адной камеры вельмі цікавы — я яе атрымаў у Японіі як прыз за фатаграфію па экалогіі. Гэта быў конкурс, арганізаваны ЮНЕСКА. Камера гэтая на той час была вельмі добрая — EOS 50E, — але я марыў купіць сабе іншую. Туя аддаў аднаму чалавеку, меркаваў прадаць, але потым перадумаў. І добра зрабіў, бо камера прайшла са мною вельмі доўгі шлях — і ніколі не псавалася, я яе нават аднойчы патапіў у вадзе, калі вялікая паводка была на Палессі. Яна мне вельмі добра служыць, яна як сябра, а сябра нельга здрадзіць.

— Дарэчы, новую тэхніку сама набываеце ці рэдакцыя?

— Сам. Бо я ведаю, што мушу быць лепшым. Я не магу чакаць два гады, калі мне рэдакцыя набудзе патрэбную фотакамеру, таму частку свайго бюджэту, якую мог бы патраціць на дом, на сям'ю, я усё ж выкарыстоўваю на тэхніку.

Калі ў чалавека няма апаратуры, інструментаў, у яго звычайна няма і натхнення. Навошта я паеду, што я буду рабіць? А ў мяне столькі ідэй, і я павінен іх рэалізаваць не заўтра, а цяпер. Сёння надвор'е добрае, і я ўяўляю, што, калі суцэльная гладзь на возеры, на Нарачы, гэта будзе два адлюстраванні, два небы. Такое можа быць толькі ў асаблівыя дні. І калі такое прыйшло, я павінен быць там, і ў мяне ўсё мусіць быць з сабой бездакорнае для працы.

ЖАНР

— Такое простае пытанне: а што вы здымаеце?

— (Смяецца.) Вы як людзі на вуліцы — калі бачыце мяне з фотаапаратам, то часцяком пытаюцца: «А што гэта вы тут робіце?» Я ім кажу: «Здагадайцеся з трох разоў». Ну, калі сур'ёзна, я здымаю жыццё, якое адбываецца менавіта цяпер. Калі гаварыць пра жанры, то гэта рэпартажная фатаграфія, «убачыў — зняў». Я не змагу здымаць усё жыццё, напрыклад, аўтамабільны завод і рабіць выдатныя картачкі аўтамабіляў. Я рэпарцёр, я фатограф, я газетны фатограф.

Кожны дзень патрэбны фотаздымак на першую старонку. Але так званых «рэдакцыйных заданняў» за год у мяне бывае толькі два ці тры, калі трэба зняць нешта асаблівае. У асноўным я сам прыдумляю тэмы. І я думаю, рэдактар правільна робіць, што давярае майму густу і досведу — што ў жыцці выбраць і ўбачыць. Я гэтае жыццё добра ведаю. І адкуль я прывязу гэтую картачку — з Брэсцкай крэпасці ці з Пінска, дзе ў рэчцы баптысты хрышчэнне наладжваюць, ці з птушкафабрыкі, дзе з аднаго яйка з'явіліся на свет тры кураняткі, — мой выбар. Я сам павінен гэта знайсці, павінен трымаць жыццё пад прыцэлам свайго аб'ектыва.

— *Архівы маеце?*

— Па-рознаму бывае. Вось ўчора я праязджаў, а на дарозе шла будоўля. Я такога ў жыцці не бачыў — каб на кожным слу-

пе сядзеў электрык! Я гэта зняў, хоць зараз і не падыходзіць па тэме, але ж... Ну будзе дзень энергетыка, і, можа, гэтая картачка будзе дарэчы. Але мы ў рэдакцыі стараемся, каб здымак быў свежы і канкрэтны.

ВАНДРОЎКІ

— *Мне вядома пра вашае захапленне — браць машыну і ездзіць па Беларусі, здымаць розныя цікавыя мясціны. Як часта вы выязджаеце?*

— Ой, мне здаецца, увесь час. Вось я цяпер прыехаў у Мінск, тры дні я тут, хуценька скідаю ўсе здымкі ў рэдакцыю, каб не састарэлі. Але паглядзіце — надвор'е нармальнае, я павінен ехаць!

Еджу я на ўласным аўтамабілі, стараюся, канешне, заехаць туды, дзе яшчэ не быў, але шукаю, каб гэта была цікавая зямля.

— *І працягла вандруеце?*

— У мяне былі паездкі і па два тыдні. У адзін год пачалося ўсё з Радаўніцы на Гомельшчыне — гэта дзень, калі ў Чарнобыльскую зону запускаюць людзей. Я там па поўнай праграме адбамбіў! Першае — гэты абрад, своеасаблівы тым, што да пакінутых хат і магіл едуць людзі, другое — магчымаць увогуле паздымаць у зоне. А яшчэ — час веснавога росквіту, можна пашукаць ландшафты цікавыя, метамарфозы пераходаў з кінутых людскіх паселішчаў у дзікую зону. Далей — паводкі. Асабліва калі стаіць добрае надвор'е са спякотным днём і халоднай ноччу — тады выразны туман атрымліваецца. І ўсё гэта трэба падлавіць, зняць! На заўтра нельга пакідаць нічога, нават калі ты едзеш і бачыш царкву, трэба выйсці і сфатаграфавачь яе, таму што праз год яе бамжы спяляць...

У вандроўках я наогул працянаюся а пятай зранку — можна злавіць незвычайны стан неба. Потым удзень еду з аднаго месца на другое, бо столькі цікавага адбываецца — людзі грабучь сена, нешта вя-

Імгненні жыцця ад Анатоля Кляшчука

зуць, нешта нясуць, нешта крадуць...

Але два тыдні, скажу я вам, — гэта вельмі доўга для вандроўкі па Беларусі. Таму што з нашымі гасцініцамі, з нашым уладкаваннем, харчаваннем — гэта вельмі цяжка. Ты проста страшэнна стамляешся.

— Як на працы ставяцца да вашага «вольнага» графіка?

— Як бы я ні працаваў, што б ні рабіў, ніхто ў рэдакцыі не павінен мець падставы сказаць, што я працую дрэнна. І мне гэта ўдаецца. Рэдактар не можа сказаць, што я яго падвёў, штосьці не выканаў, ці няма маіх здымкаў. Альбо, маўляў, невядома дзе езджу. Мне хоць зараз скажы: «Патрэбны фотаздымак такі-гэткі», — і я яго адразу ж дастану: ці то пра жыццё габрэяў, ці пра беларускае пахаванне, ці пра сіроцкія прытулкі, што заўгодна. Я ведаю: усё, што я здымаю, гэта важна.

— З таго, што вы ўжо наздымалі, было нешта асаблівае, што вельмі вас уразіла?

— Так адразу цяжкаявата прыгадаць... Памятаю, у Віцебскай вобласці ездзіў здымаць адну царкву. Я пра яе наогул нічога не ведаў, але чуў, што гэта лепшае месца на планеце. Я туды некалькі разоў прыязджаў, але мне не шанцавала: тры хвіліны сонца, а потым зацягвае неба, і тыдзень дождж ідзе. І вось калі я ўсё ж злавіў ладнае надвор'е — такі стан прыроды, такое сонца, шэрань і гэтая незвычайная архітэктура, вёска ўдалечыні за туманам... Я проста сябе шчыпаў і думаў: няўжо я ўсё гэта бачу?

У Беларусі сенсацый небагата — звычайная зямля. Але бывае ўсё ж... Я калісьці здымаў аленя вельмі блізка, ён стаяў перада мной і роў. Я здымаў яго цэлую гадзіну і нават не ведаў, што мне рабіць, бо калі я пайду — ён уцячэ. І я стаяў, як дурань, але быў такі шчаслівы! Можа, я нічога новага свету не адкрыў, але ж так не ўсім шанцуе.

— Вы ўвесь час кажаце пра Беларусь. Няўжо няма спакусы наздымаць іншыя краіны?

— Мне даводзіцца ў розных краінах бываць — Ірландыя, Швецыя, Швейцарыя, Францыя. Канешне, па магчымасці я там здымаю. Але ўсё ж хочацца, каб гэта нехта ўбачыў, а для гэтага трэба нагода, артыкул патрэбны ці выстава. Таму я раблю здымкі ў іншых краінах больш для сябе — вось я там быў і хачу пакінуць сведчанне. Канешне, спрабую цікавей гэта зняць. Часамі прымушаю сябе, часамі прыходзіць натхненне — як калісьці ў Нью-Йорку, дзе я з давальненнем здымаў Бруклінскі мост, выспу Свабоды... Але ўсе гэтыя здымкі ляжаць у архіве, і я сумняваюся, што камусьці ў Беларусі яны спатрэбяцца.

— Ну а як наконт жадання зняць тую ж Эйфелеву вежу — але гэтак, як яшчэ ніводны фатограф не здымаў?

— Не, такога няма. Усё адно ты глядзіш на гэта як турыст. Каб зняць нармальна, трэба там пажыць — паездзіць у тым жа французскім метро, пабыць ля гэтай вежы, паназіраць за ёй. На творчасць час патрэбны, а калі ў цябе адзін дзень, і ідзе дождж... Будзе непрафесійна. Калі б у мяне заданне было — вежу зняць, то так, круціўся б. А калі я там толькі з нагоды сваёй чарговай выставы і ў мяне некалькі дзён, я проста іду «адзначыцца» — хай будзе. Але гэта несур'ёзна.

ВЫСТАВЫ

— Вы згадалі міжнародныя выставы. Раскажыце, калі ласка, пра гэта.

— Я думаю, што самы шчаслівы год для мяне — сёлетні. Таму што ў Германіі выйшла кніжка ў сааўтарстве з нямецкім фатографам. Кніжка пра Чарнобыль. Як-ніяк я гадоў дваццаць займаюся гэтай тэмай, дзяцей чарнобыльскіх здымаю больш за 18 гадоў, адно і тое ж бамблю, адсочваю лёсы, што з гэтымі дзецьмі, кім яны сталі... Выстава мая пра чарно-

быльскіх дзетак сёлета праходзіла ў Берліне, у будынку сацыял-дэмакратычнай партыі — гэта вельмі прэстыжна для любога фатографа. Раней былі выставы ў будынку ААН у Нью-Йорку — гэта ў 2001-м, на 15-годдзе чарнобыльскай трагедыі. У тым жа годзе дэманстраваў свае працы ў Еўрапарламенце ў Бруселі. У 2003-м была выстава ў Палацы Лігі Нацый у Жэневе.

Усе гэтыя выставы — па тэме Чарнобыля.

— А нейкія іншыя тэмы вы спрабавалі закрануць?

— Я думаю, свету гэта не патрэбна. Свет цікавіць толькі нашая палітыка, Чарнобыль і, можа, экалогія трошкі, прырода — бо новая краіна, шмат азёр, лесу... А так, у прынцыпе, не, нічога больш.

— Але мастаку, які да таго ж патрыёт, — а мне здаецца, у вас вельмі моцныя патрыятычныя пачуцці — хочацца прэзентаваць сваю краіну з іншага боку, не гэтак, як ім «там» відаць. Ці ёсць такое?

— Ой, не, няма ў мяне такіх задум. Як кажуць, «дзе нарадзіўся, там і прыгадзіўся». Каго цяжэй за ўсё здзівіць? Сваю сям'ю і суседзяў. І калі яны здзіўляюцца — гэта нармальна. Нармальна, калі цябе ведаюць тут.

Мне цікава працаваць са звычайным матэрыялам. Мне цікавы беларускі тыпаж. І я знаходжу тэмы, праз якія я магу паказаць нашага чалавека. Ці будзе гэта цікава людзям іншаземным, я не ведаю. Але галоўнае, каб гэта было цікава беларусам. Каб яны глядзелі на гэта не з пагардай, а з захапленнем, каб была інтрыга нейкая.

Мне здаецца, што ў нас нармальна нацыя. Можа, знешне гэты народ пануры, можа, апрагнаецца ў цёмнае, колераў вясёлкавых мала, хаты не такія... Але сказаць, што беларус невясёлы, нешчаслівы, — няправільна. Шчасце — рэч адносна. Адна людзі, напрыклад, жывуць у горадзе каля тэатраў, каля паркаў, але ніколі туды не

ходзяць — і ім сумна. Другія ж жывуць у нястачы, але, як толькі зайграе гармонік, яны пускаюцца ў скокі — і ўсё рухаецца. Адкуль гэта бярэцца? І мне здаецца, што ў глыбінцы вяселосці больш, таму яна мяне больш прываблівае.

А калі ўсё ж кажаць пра глабальны праект... Ну хіба толькі БелАЗы паставіць і намудрыць штосьці з імі...

ПАСЛЯДОЎНІКІ

— *Як вы ставіцеся да маладога накалення беларускіх фатографіў? Таленты ёсць?*

— Калі я толькі прыйшоў працаваць у газету, адзін фатограф з імем мне сказаў, што за ім ідзе накаленне людзей, якія нічога не бачаць, не адчуваюць. Потым і мне здавалася, што няма фатографіў, асабліва тых, што маюць свой нацыянальны стрыжань. Ты можаш ездзіць па ўсім свеце, здымаць экзотыку, захапляцца нацюрморці, а свайго не адчуваць, не цікавіцца сваім жыццём, зняважліва да яго ставіцца. Але я памыляўся! Моладзь расце вельмі таленавітая і да фатаграфіі ставіцца вельмі дбайна. Класныя фатографы, з выдатнай фатаграфічнай рэакцыяй. І я думаю, што і далей так будзе ісці. Не трэба, каб іх былі сотні, гэта могуць быць два чалавекі, пасля іх — зноўку два. Гэтага дастаткова.

— *Дарэчы, у вас ёсць вучні ці людзі, якім вы даеце парады?*

— Ведаецца, тут такая рэч, што кожны новы фатограф — гэта ўжо канкурэнт. І ў нашым асяроддзі гэтае штурханне лакцыямі вельмі адчуваецца. Таму мы трымаем пэўную дыстанцыю адзін ад аднаго.

У мяне, напрыклад, настаўнікаў не было. Былі два фатографы, працамі якіх я вельмі захапляўся: адзін працаваў у «Камсамолцы», другі так, — і я збіраў іх газетныя здымкі. У мяне быў цэлы сшытак гэтых выразак. І я вучуўся на гэтых здымках, глядзеў у сваю калекцыю, як у кнігу. Зараз я ведаю, што шмат хто збірае мае здымкі.

Але, безумоўна, кожны можа падысці і запытаць. І калі я бачу, што чалавек шчыры, я дапамагу парадамі. Бо шмат ёсць такіх, якім патрэбна толькі даведацца, як ты можаш гэта зняць, каб яны змаглі здымаць лепш. А іншы прыйдзе, таму што хоча ўзбагаціцца ведамі пра Беларусь, бо адчувае, што гэта будзе яго поле.

Я лічу, што неабходна, каб людзі адчувалі нашу матэрыю. Каб у Беларусі выраслі фатографы не такія, што ім казалі: «Ну, прыезджай у Германію, у нас ёсць часопіс, можаш тут папрацаваць», — і ён кінуў усё і паехаў. Такому нават не цікава тут, у Беларусі, нешта стварыць. Каб тут на падмурку з'явіўся яшчэ радок цаглінак.

Пройдзе 20—30 гадоў. Гэты час можа застацца ў неверагодна цікавых здымках. А можа быць пустэча, таму што фатографы не былі запатрабаваныя, газеты не маглі плаціць, ніхто не здымаў.

Ёсць сэнс чалавеку сказаць: у цябе вельмі добры зрок, пачуццё, ты гэта не кідай, таму што ўсіх грошай не заробіш і шчаслівым не пачуваешся толькі з прыбытку. Але ты можаш нешта такое зрабіць, што апроч цябе ніхто не зробіць. Пару такіх чалавек ёсць недзе побач, і я бачу, што іх цягне да мяне. І такім у парадах я ніколі не адмаўляю.

«ЗВЯЗДА»

— *Вы задаволены сваёй працай у «Звяздзе»?*

— Звольнага — так. Тут працуе шмат людзей, і ёсць шмат начальнікаў. Як і ўсюды — рэдактараў не выбіраеш, намеснікаў не выбіраеш... Але ты павінен гэтак у жыцці ўладкавацца, каб табе з імі было камфортна, а яны былі задаволены тваёй працай. Я, напрыклад, не магу ўзяць камандзіроўку, атрымаць грошы і паехаць, скажам, у Сібір здымаць пустэльнікаў. Ці рэдактар не пусціць, ці яшчэ што. Але трэба ўмець стварыць такую сітуацыю, што, калі, напрыклад, у мяне кніжка выйшла ці выстава

дзе ў Еўропе, рэдактар абавязкова дазволіць паехаць. Але ніхто не павінен сказаць, што ты паехаў, а праца спынілася.

Ніхто з рэдакцыі не забараняў мне выязджаць, куды я хачу. У іншых рэдакцыях — так, мне не давалі. А тут мне не могуць сказаць «не». Яны таксама разумеюць: тое, што я еду рабіць, мне вельмі падабаецца. А ці падабаецца гэта «Звяздзе»?.. Намесніку, можа, і не падабаецца, але тое, што «Звяздзе» будзе ад гэтага карысць, ведаюць усе.

Вось гэтае спалучэнне дае падставу сказаць, што мне падабаецца тут працаваць. Канешне, ёсць шмат недахопаў: то менш заплацяць, то апаратуры не было, то не гэтак надрукавалі, то не тую картачку выбралі, якую хацеў, то рэдактар з'ехаў, а намеснік не бярэ на сябе паўнамоцтвы, — дык гэта скрозь і паўсюль. Можа, толькі адно: я хацеў бы, каб друкавалі больш вострыя, крытычныя мае здымкі, ад якіх будзе больш карысці.

— *А куды ідуць тыя здымкі, што не спадабаліся кіраўніцтву? У стол?*

— Яны ўсе ў мяне ёсць. Гэта аб'ектыўная інфармацыя пра жыццё. Як будуць людзі вывучаць жыццё? Па фатаздымках таксама! Зараз забаронена друкаваць здымкі пра Чарнобыль. Але я ўсё адно здымаю гэтых дзяцей — каб хтосьці не сказаў, што гэтага не было ў Беларусі. Было. І я гэта здымаю. Гэта як місія нейкая. Але гэта не друкуюць. Дык што мне рабіць? Я ўсё адно буду гэта здымаць. Нават Курапаты — зараз да іх цікавасці няма, але там шмат чаго адбывалася, і я ездзіў здымаць. Цяпер пра гэта наогул забыліся, усё, цішыня, быццам бы і не было. Але здымкі ў мяне ёсць.

— *Ну, можа, надрукуюць пасля...*

— Ага, пасмяротна, з надпісам: «Ён не стамляўся здымаць хібы жыцця». (Смяемся.)

Гутарыла Людміла Шастак

Невылечная хвароба Сяргея Новіка-Пеюна

Неяк на пачатку года я натрапіў на старую папку часін радыёстанцыі «Беларуская маладзёжная». Убачыў пажоўкляя аркушы радыёэсэ «Асуджаны на зімовую сцюжу» і інтэрв'ю з пісьменнікам, паэтам і музыкантам Сяргеем Новікам-Пеюном. Гэтая споведзь існуе цяпер толькі ў адным экзэмпляры — зусім нядаўна, на сумежжы вякоў, апантана знішчаліся надзвычай каштоўныя і ўнікальныя архіўныя матэрыялы Дзяржтэлерадыё, на сутнасці, летаніс ХХ стагоддзя. Летась напрыканцы жніўня адзначаўся 100-гадовы юбілей Новіка-Пеюна. І, магчыма, усё сказанае ім тады, падчас аднаго з апошніх інтэрв'ю, павінна было прагучаць менавіта зараз — як зварот да нашчадкаў, як яго пасмяротны завет...

Уладзімір ДАВЫДОŪСКИ

— Вы напісалі шмат паэтычных і праяічных твораў, але сапраўдную славу вам прынесла песня «Зорачкі»...

— Гэта мая першая песня. «Зорачкі» я напісаў 28 сакавіка 1929 года. Цікавая гісторыя яе стварэння. Былі ў ссыльцы паляк Фелікс Балінскі і ўкраінка Галя Парыдкіўна. Мы сябравалі. Галя закаханая была ў Фэльку. Яна на піяніна грала, а я — на скрыпцы. Я скрыпач і мандалініст, але цяпер не магу граць, бо мне папсавалі ў лагеры смерці пальцы. Таму ствараю толькі ў памяці і запісваю на магнітафон. І вось аднойчы мы ідзем з Фэлькам, а Галя высоквокае нібыта неспадзявана:

— Пойдзем разам.

— Не, — кажу, — там, дзе двое, трэці лішні.

— А што будзеце рабіць?

— Можа, напішу ліст да бацькоў.

— А можа, верш?

— Можа, і верш.

Прышоў дадому, стварыў і музыку, і тэкст.

Потым песня «Зорачкі» друкавалася ў беларускай «Крыніцы», «Зорцы», «Сцягу і паходнях», «Беларусі». Шырма апублікаваў яе як песню выгнаннікаў. Ён ведаў, што я на Калыме...

— *Відаць, з гэтай прычыны песня і была пазначана як народная. Зрэшты, такой яна стала пазней. Цяпер «Зо-*

Але, хоць знішчаны голас, — засталася, на шчасце, прынамсі раздрукоўка сказанага.

«Крывёю сэрца майго пішу гэтыя радкі. Ніхто ніколі не даведаецца, колькі выпактавала яно, колькі ран перанесла! І калі яно дагэтуль яшчэ б'ецца, то не ведаю, якім чудам. Верце не верце — мне ўсё адно! Душу не выплюнеш, не пакажаш. Жыццё набліжаецца да завяршэння. Хлусіць не думаю, ды і навошта?.. Я любіў, люблю і не перастану любіць сваю дарагую Радзіму да канца дзён маіх. І калі любоў да Радзімы — злачыства, калі любоў да свайго народа — злачыства, то тады я першы злачынец...»

*Усцьмера. Якуція
4 лістапада 1953 г.*

Калі я ішоў на сустрэчу з Сяргеем Новікам-Пеюном, то чакаў убачыць зморанага пакутлівым лёсам старога. Але дзверы мне адчыніў надзвычай ветлівы чалавек з непа-старэчаму жывымі вачыма. І хаця перасоўваўся ён пры дапамозе мыліц, імкнуўся ніякім чынам не паказаць сваёй бездапаможнасці. Толькі вось шкадаваў, што праз хваро-

бу не здолны працаваць на поўную сілу.

Пачалася гаворка. І першае, што ўразіла, — ягоны позірк, захопленасць, нават аптымізм надта ўжо кантраставалі з жорсткай рэчаіснасцю і ягонай нялёгкай доляй. Цяжка было ўявіць, што гэты чалавек

20 гадоў правёў у лагерах і ссыльках.

рачкі» спяваюць не толькі на беларускай мове...

— На ўкраінскай, рускай, польскай, таджыцкай, татарскай і на мове эсперанта.

— Я нават чуў, што ўкраінцы ніяк не хочуць прызнаць, што песня была напісана беларусам.

— А Данчык паказаў ім кніжачку маю, якая адкрываецца «Зорачкамі». Тады заткнуў іх... «Зорка» друкавала — толькі тады без «Новік», проста «Пяюн». Гэта мой псеўданім. А чаму пішу цяпер Новік-Пяюн? Гэта мне Янка Купала параіў...

Я сядзеў у кабінце інспектара райана. Нехта пастукаў. Зайшоў. У чорным паліто, у шэрым капелюшы, з блакітным гальштукам. Здымае галошы.

— Добры дзень.

— Добры дзень, — я аслупянеў.

— Я — Янка Купала.

Па фатаграфіі ведаю, а вось так... Божа мой!

— Тут некалі жыў, — кажа, — мой сябар Гальяш Леўчык. Ці жывы? Калі жывы, дык дайце адрас.

— Жывы дзядзька Гальяш.

Зірнуў на стол.

— О, вершы! А вы хто?

— Сяргей Новік.

Прачытаў мой верш «Мая песня».

— Як вы казалі?

— Сяргей Новік.

— А тут напісалі — Пяюн.

— Гэта мой псеўданім. Дваццаць гадоў пісаў пад гэтым псеўданімам.

— Ну, а цяпер можаш пісаць пад сваім прозвішчам.

Я гавару:

— Мяне ўжо дваццаць гадоў ведаюць як Пеюна...

— Тады пішы праз злучок: Новік-Пяюн.

— А цяпер, — кажу, — пойдзем да Гальяша.

— Не пойдзем, а паедзем. Бачыш, якая машына ў мяне!

Пад'ехалі мы да доміка. Гэта будачка была, як чыгуначная. Выходзіць дзядзька Гальяш. Я да яго:

— Прымай госця. Народны пэат Беларусі — Янка Купала!

— Ой, — кажа Купала, — які ж ты, Гальяш, бландзін зрабіўся, — і пагладзіў шавялюру.

— У Савецкім Саюзе не сівуюць! — усміхнуўся дзядзька.

— Ну як жывеш, Гальяш?

— Бульба ёсць, запалка ёсць — вось так і жыву. Ну а ты?

— Вось як прыедзеш да мяне ў госці, тады пабачыш. Выбачай, я спецыяльна ехаў з Беластока, каб цябе пабачыць. А сёння ўвечары мушу быць яшчэ на мітынгу ў Мінску.

Сваю фатаграфію я падпісаў Янку Купалу.

— А я табе сваю дам тады, калі прыедзеш да мяне ў госці. І прышлю запрашэнне на з'езд пісьменнікаў.

У маім блакноце Янка Купала напісаў: «Міламу Сяргею Пеюну падчас сустрэчы ў Слоніме, 14 лістапада 1930 года». Потым ён прыслаў мне пісьмо, але яго забраў той самы чалавек, які потым прадаў мяне пры немцах... І сам паехаў па маім запрашэнні.

«... Лёс зло насмяяўся нада мною. Для сябе я не жыў — жыў для людзей. Для іх я не шкадаваў ні сіл, ні здароўя. І людзі, тыя людзі, якім я прысвяціў сваё жыццё, якім ахвяраваў усё, мяне прадалі. Прадалі за грошы...»

— Вы сядзелі ў польскім астразе, у высылцы былі... За што?

— Я на самай мяжы арганізаваў хор, тэатр, гурток Таварыства беларускай школы, аркестр, ансамбль танца. Перадусім нам забаранялі называцца беларусамі, а называлі тутэйшымі.

— А чаму забаранялі?

— Ну, няма беларусаў, няма такога народа... Як трэба было пашпарт атрымаць, дык у анкеце напісаў: нацыянальнасць — беларус, родная мова — беларуская. Тады мяне выклікаюць: «Такі малады кавалер... Запішыся палякам — пашлюць у акадэмію». Я гавару: «Я сваёй нацыяй не гандлюю!» І ведаецца, што зрабілі? Ніякай нацыянальнасці не паставілі. Прочырк. Да 39-га года — ніхто. Я на ўсё жыццё запомніў прозвішча таго начальніка дзяржбяспекі — Тадэвуш Юрэнтэйц.

«Сыдзі, бо ніхто ніколі не зразумее цябе. Нікога не цікавіць боль душы твай. Ты — пракажоны».

Замкніся ў сабе! Трывай! Пакутуй моўчкі! Тут ніхто і ніколі не зразумее, ды і не захоча зразумець таго, што робіцца ў шматпакутнай душы твай. Жыццё тваё прайшло без светлых дзён, у барацьбе за шчасце людзей, за свабоду. А асабіста для цябе нічога не засталася: ні шчасця, ні радасці, ні смеху, ні весялосці. Ды іх у цябе і не было. Але кожнаму хочацца хаця кроплю шчасця, але і гэтай кроплі ў цябе ніколі не было і не будзе. Ты — пракажоны».

— У вас вельмі шмат твораў для дзяцей. Гэта вашы дзіцячыя ўспаміны ці ўжо нататкі наводле таго, што бачыце сёння?

— Я ўсё жыццё люблю дзяцей. Жывёл розных, птушак і дзяцей. Для мяне гэта — жыццё маё.

— Вось я трымаю ў руцэ вашу кніжку, якая выдана ў Вільні. Гэта п'еса «Ёлка Дзеда Мароза». Як тут пазначана, «калядны абразок у адной дзеі, які напісаў Малады Дзядок...»

— Гэта таксама мой псеўданім.

— А калі ён узнік і з якой прычыны?

— Тады, як быў у ссылцы, я мяняў імяны. Я і Алесь Бярозка, і іншыя... Каб ніхто не ведаў, я адсылаў свае творы не з горада, а адносіў на вакзал у цягнік. Нехта нават напісаў: «У Слоніме жывуць паэты Сяргей Пяюн, Малады Дзядок...» Слонім — гэта другая мая ссылка. Я там пяць гадоў адбыў... 31 ліпеня 1931 года прыехаў дадому. Паспаў толькі чатыры гадзіны, і мяне зноў забралі — бунтаўшчык прыехаў. І вось сядзеў я ў адзіночцы.

— У 1939 годзе, калі Заходнюю Беларусь прыднялі да савецкай, ці змянілася што-небудзь?

— 27 сакавіка 1939 года адчувалася нешта такое неспакойнае. Ноччу палякі забралі мяне ў баранавіцкую турму. А ўжо 14 верасня Баранавічы бамбілі. Цэнтральная турма была беларусамі перапоўнена. Дык нас трымалі ў бараках чыгуначных. Суседні барак разбамбілі, а ў нашым узрыўной хваляй вырвала акно з кратамі, і мы ўцяклі ў лес.

Я быў паранены. Мяне падабрала ваенная санітарная машына. А як прывезлі ў Слонім: «Во, — кажуць, — наш Пяюн прыехаў!»... Мяне тады прызначылі інспектарам райана. Там працаваў год, а пасля, па просьбе Стаўроцкага Іосіфа Іосіфавіча, заснавальніка Слонімскага краязнаўчага музея, мяне назначылі дырэктарам.

— *Напэйна, тады вам падаляся, што жыццё ўсіх беларусаў палепшыцца?*

— Напачатку і палякаў усе віталі... Ад савецкай улады чакалі нечага добрага, а пасля, як пачаліся арышты (за ноч па 10 тысяч), тады ўжо неспакойна на душы было. Ну а потым, як немцы прыйшлі, трэба было з'явіцца на рэгістрацыю...

Тым часам мы разам са Стаўроцкім ратавалі музейныя экспанаты. У падвале зрабілі фальшывую сценку і там хавалі іх. Там у нас быў склад паперы і медыкаментаў для партызан.

25 лістапада 1943 года мяне арыштавалі. Я захварэў на сьпны тыфус. Так загадалі вылечыць. Як толькі змог хадзіць, забралі ў турму і ў лагер смерці адправілі. Асуджаны на кару смерці, седзячы ў адзіночнай камеры, я стварыў «Белы снег»...

«Не чакай радасці, не чакай шчасця. Прыслухоўвайся, калі кашчавай рукой пагрукае ў дзверы твае апошняга гасця. І з ёй пойдзеш ты ў той свет, дзе няма розніцы паміж «добрымі» і такімі, як ты, — пракажонамі. Гэты час вельмі, вельмі блізка.

Сцісні зубы і ідзі апошняй сцэжкай гэтак жа пакорліва, як прайшоў усё жыццё. Не бойся! Ніхто не прароніць тужлівай слязы над апошнім тваім прытулкам. Нікому ты не патрэбны, нікчэмны, пракажоны...»

— 4 ліпеня 1944 года нас гналі ад Баранавіч на Слонім. На дзевятым кіламетры слонімскай шашы нам загадалі: «Па пяць чалавек пад руку!» І мы бачым, што ў канвоі на аднаго немца прыпадае двое рускіх (чырвонаармейцы, якія пайшлі да Уласава, ваенныя злачынцы). Яны папярэдзілі партызан, што будуць весці вялікую групу — шэсцьсот чалавек. Тут немцы шнапіць гарэлку пачалі.

Адзін з арыштантаў кажа: «Во паразіты, здзекуюцца з нашага народа, — і крыкнуў: — Партызаны!» А партызаны ўжо засаду зрабілі. І ўсе ўласаўцы перабеглі да іх і давай біць немцаў. Тады я скамандаваў: «Хлопцы, альбо цяпер, альбо ніколі! Родны айцец не выдасць!» Усе пабеглі, а я стаю. Насупраць, метрах у пяцідзесяці, стары немец трасецца. Ён адгарнуўся, а я — у кювет. Мне трапіла касачельнай. Немцы пачалі крычаць: «Ляжысь! Ляжысь!» Хто лёг, таго прыстрэлілі, а я не варушыўся — прыкінуўся мерцвяком...

...10 ліпеня прыйшлі савецкія войскі. Я разам з партызанамі рушыў у горад Слонім. Адрозу пачалі аднаўляць разбураны музей, бібліятэку. А 14 снежня мяне без ордэра малодшы лейтэнант Колаў арыштаваў і павёў...

— 20 мая 1945 года нас ужо везлі на Калыму. З нямецкага лагера ў савецкі. Мяне не судзілі, вечную ссылку аб'явілі ўжо там. Спачатку быў на лесапавале. Пасля мы ў шахце золата дабывалі, а потым у ноч забралі на берлаг — берагавы лагер Аляксіты. Мой нумар быў 17393 — на шапцы і на спіне. Прабыў я там да канца 1953 года. Потым перавялі працаваць у балніцу ў Магаданскай вобласці... Потым частку нашую кінулі ў сусветны полюс холаду, дзе маразы па семдзесят градусаў. Затым перавялі да Амікона. І нарэшце — амністыя! Мне далі «супрацоўніцтва з немцамі». «Як? — кажу. — Я сядзеў у лагеры смерці. Я не супрацоўнічаў!» Усе пачалі ад'язджаць, а я — не: «Пакуль мяне не рэабілітуюць — нікуды не паеду!»

Нарэшце мяне рэабілітавалі. Поўнасцю! Надавалі грамат ганаровых і на курорт паслалі.

«... Адрынуты, не чакай нічога добрага. Радасць жыцця, шчасце, смех, веселасць — не для цябе.

Магчыма, гісторыя разбярэ тваю віну альбо невіноўнасць, а той, хто прадаў цябе, зойме месца на лаве падсудных. А пакуль

ты пракажоны. Маўчы, працуй, як аўтамат, не думай пра радасць. Мары аб шчасці — яны не для цябе.

Пракажонам цябе назвалі людзі — пракажонам і заставайся. Каму якая справа, што і ў цябе гарачай любоўю да Радзімы і да людзей б'ецца сэрца. Каму якая справа, што душа твая радуецца поспехам тваёй Радзімы — чулая душа твая. Каму якая справа, што ў розуме тваім нараджаюцца палыміяныя песні, якія ты прыносіш у падарунак свайму народу. Самае жahlівае пакаранне — жорсткая адзінота, пакінутая табе ў долю».

Усцьмера. Якуція.
4 лістапада 1953 г.

— *Калі пасля ссылак, лагераў, Калымы вы вярнуліся на радзіму, як да вас ставіліся людзі?*

— Добра. Яны памяталі, якім я быў. Такім я і застаўся. Турма псуе слабых. А ў мяне сіла волі вялікая. Я верыў у збаўленне.

— *А ці не было азлаблення супраць людзей?*

— Я вам шчыра скажу — дагэтуль не ведаю, за што я там сядзеў. А калі быў трыбунал, хто быў на судзе? Той самы здраднік са сваёй каханкай, гестапавец, што загнаў нас у камеру, і следчы, якога потым арыштавалі, бо адпускаяў усё за золата. І ён павесіўся ў камеры... Я азлаблення ні да каго не адчуваў, бо мяне згубіў адзін толькі чалавек. І пры немцах, і пасля. Цяпер ён ходзіць з ордэнам Айчыннай вайны, заслужаны пенсіянер.

— *Ці часта вы вяртаецеся ў думках да мінулага?*

— Ведаеце, я аптыміст. Я паміраў ад голаду, пад бамбёжкай, ад хваробы. Вытрымаў! Мне заўсёды радасна, і я ніколі не падаю духам. Я ніколі нікому не помсціў, нават ворагам. І тыя самыя, якія мне шкоду рабілі, да мяне пасля звярталіся па дапамогу.

Неяк быў у мяне Данчык. «Божа мой! — кажа. — І пасля ўсяго перажытага вы ўсміхаецеся?!» А я гавару: «Ведаеш, у мяне невылечная хвароба — каханне да бацькаўшчыны Беларусі».

З кожным годам і нават днём застаецца ўсё меней сведкаў сто разоў перапісаных гісторый. Як замест старых будынкаў у Мінску (ды шмат яшчэ якіх гарадах) паўстаюць стылізаваныя «пад даўніну» бетонныя гмахі, гэтак і ў людской свядомасці старонкі напаўзабытых успамінаў з пажоўклымі старымі фотаздымкамі чыясьці бессаромная рука падмяняе глянцавымі буклетамі. У іх усё прыгожа і на патрэбу цяперашняму часу «правільна».

Але сутнасць і нашай прафесіі таксама — вяртаць людзям праўду і памяць. Пакуль яшчэ ёсць мажлівасць, пакуль не зніклі рэшткі хоць бы зусім нядаўняга мінулага, варта шукаць, збіраць, занатоўваць... Нядаўна мне пашчасціла ў гэтым пошуку — дачка Кузьмы Чорнага Рагнеда-Ірына Раманоўская «правяла» мяне па сваім часе і па сталіцы, якой ужо няма.

Аксана Яноўская

Майго Мінска ўжо няма...

Мінск даваенны

— Першы наш дом, які я памятаю, стаяў на вуліцы Чырвонасцяжнай — прыкладна у раёне сённяшняй вуліцы Куйбышава. Гэта быў драўляны дом, за ім — вялікі сад і Свіслач, — *успамінае Рагнеда Мікалаеўна.* — У пачатку 30-х гадоў мінулага стагоддзя ў Мінску было шмат драўляных дамоў і вельмі мала асфальтаваных вуліц, у лепшым выпадку — драўляны тратуар. Але ў той час шмат будавалася жытла. Гэта ўжо былі камяніцы з пэўнымі

бытавымі выгодамі. У 1934 годзе на вуліцы Свядлова, недалёка ад сучаснай Ульянаўскай, быў пабудаваны 4–5-павярховы дом «Асветнік Камунар». Тады гэта называлася «дом на паях», у савецкія часы такія дамы звалі кааператыўнымі... Мы жылі ў чацвёртым пад'ездзе, на чацвёртым паверсе.

— *Рагнеда Мікалаеўна, што адбывался з вамі, вашай сям'ёй у першы дзень вайны?*

— Я была ў Палацы піянераў, дзе займалася ў драматычным гуртку. І па сённяшні дзень у тым будынку месціцца Тэатр

юнага глядача. А ў тую нядзелю мы сядзелі ў пакоі і чакалі, калі пачнецца канцэрт. Нас паклікалі на пляцоўку, і мы слухалі прамову Молатава... Вось я, такі 12-гадовы «палітык», казала сваёй сяброўцы: «Якія ж гэтыя немцы дурныя — мы ім эшалонамі адпраўляем прадукты, а яны ваяваць. Болей не будзем ім нічога пасылаць».

Пасля канцэрта я з сяброўкамі пайшла дадому, мы яшчэ разважалі: 24 чэрвеня ў нашым гуртку будуць заняткі ці адменяць. Мы думалі, што да Мінска вайна не дойдзе...

Каля нашага дома быў вялікі сад, і дарослыя капалі там акопы. Памятаю, да таты падышоў Кандрат Крапіва, ён быў у ваеннай форме, з ордэнам Леніна на гімнасцёрцы — узнагарода за фінскую вайну. Яны пагутарылі.

Горад стаў пустым...

— *А калі вайна прыйшла ў Мінск?*

— У панядзелак, 23 чэрвеня, бацькі паслалі мяне па хлеб. Магазін быў побач з маёй школай — цяпер у гэтым будынку адзін з карпусоў эканамічнага ўніверсітэта. І раптам завылі сірэны — паветраная трывога. У школьным двары побач з нейкімі дзядзькамі я перасядзела тую трывогу. Пасля адбою пабегла дадому.

Тата пайшоў у Дом пісьменніка патаўчыся сядом людзей, паслухаць, што чуто. Дадому ён вярнуўся бадзёры: сакратар ЦК КПБ Гарбуноў сказаў, што нашы ўзялі Кёнігсберг. Гэта потым мы даведаліся, што ўсё вышэйшае чынавенства схапіла лахі пад пахі і кінулася наўцёкі.

24 чэрвеня Мінск пачалі бамбіць. Дарослыя з нашага дома спачатку ўладкавалі дзядзюй у акупчыках, а потым ужо і самі хаваліся. Адна з першых бомбаў трапіла ў наш дом і разбурыла першы пад'езд. Пад развалінамі засталіся людзі. Дарослыя пачалі іх ратаваць, разбіраць завалы. Калі тата з нейкім дзядзькам выносілі на насілках друз, рухнула яшчэ адна сцяна і засыпала і тых, хто адкопваў першых ахвяр бамбёжкі...

Тата і мама пакідалі ў чамадан першае, што трапіла пад руку, забралі нейкі запас прадуктаў, і мы пайшлі да мацінага брата. Ён займаў палову прыватнага дома каля бровара на цяперашняй вуліцы Кісялёва. З намі была мая аднакласніца Дзіна з брацікам і мамай. Дайшлі — а дзядзькі дома няма. На суседскай палове дзядзючкі — мая аднагодка і яе бацька. Сталі бамбіць і гэты раён. На прыбудаваны да дома сарайчык упала бомба, мяркуючы, «зажыгалка», бо калі б фугасная, то

нічога і нікога не засталася б. А так дом толькі добра страсянула, са столі тыклёўка пасыпалася. Яшчэ заклініла дзверы, дык я нагой выбіла філёнку, і мы выйшлі.

Зразумелі, што ў горадзе паратунку не будзе. Наша сям'я накіравалася ў бок Лагойскай шашы. Мы прайшлі праз бровар, старыя старажоўскія могілкі і за ўвесь час убачылі толькі адну жанчыну. Горад нібыта стаў пустым...

Тата вельмі разумна вёў нас ляснымі сцежкамі. Начавалі ў лесе. Але сон не ішоў, мы глядзелі на зарава ў поўнеба — так моцна гарэў Мінск. На другі дзень мы прыйшлі ў Астрашыцкі гарадок і заначавалі там, потым зноў ішлі, прасіліся да людзей на ноч прытуліцца. Пакуль ішлі, вайна нас нібыта «не бачыла» — не кранула. Нарэшце дайшлі да Горак. Там былі падрыхтаваныя таварныя вагоны, у якіх змайстравалі нары — і так адпраўлялі людзей у эвакуацыю. Калі даехалі да Крычова, мужчыны пайшлі шукаць ваенкамат.

Нам з мамай пашанцавала — мы даехалі да Саратава і ні разу не трапілі пад бамбёжку...

«Па-за кадрам»...

Рагнеда Мікалаеўна працавала рэдактарам на кінастудыі «Беларусьфільм». Прафесійны рэдактарскі навык прарываўся досыць часта, калі яна казала: «Але ж гэта не датычыцца да тэмы нашай гутаркі». І сапраўды, «па-за кадрам» засталася жыццё ў эвакуацыі. Хіба што адно я даведалася: калі для працы ў Камісіі па гісторыі Айчыннай вайны (з яе пачынаўся музей Вялікай Айчыннай вайны) шукалі машыністку з веданнем беларускай мовы, то Кузьма Чорны рэкамендаваў сваю жонку. Сам ён жыў у Маскве і працаваў у газеце «Савецкая Беларусь».

Рагнеда-Ірына разам з маці прыехала ў Маскву 26 чэрвеня 1942 года. Яны яшчэ засталі жылога Янку Купалу — у той час уся беларуская інтэлігенцкая «дыяспара» жыла ў гасцініцы «Масква». Праз два дні — 28 чэрвеня — Янка Купала трагічна загінуў...

У 1943 годзе беларусаў з гасцініцы «Масква» перасялілі ў «Якар» побач з Беларускай вакзалам. Жартавалі: «Белорусы стали на якорь возле Белорусского вокзала».

Ад нашага дома засталіся дзве сцяны

— Мы слухалі зводкі Саўінфармбюро і чакалі: калі ж скажуць, што вызвалены Мінск, — працягвае Рагнеда Мікалаеўна. — Настрой быў такі, што як вызваліць — дык адразу дадому! У Мінск мы прыехалі першым неваенным цягніком. Ніякага раскладу руху тады не было і не магло быць, дабіраліся мы з Масквы некалькі дзён.

Выйшлі з цягніка і першае, што ўбачылі, — наш балкон, а на ім — зялёныя скрынкі. Тата вельмі любіў кветкі і высаджваў іх у тых скрынках... Ад нашага дома засталіся дзве сцяны... І балкон са скрынкамі... Увесь горад быў разбураны...

Галоўная вуліца — тады яна называлася Савецкая — пачыналася ад Дома ўрада, вось ён ацалеў. Яшчэ — Чырвоны касцёл, два жылыя дамы каля яго, будынак НКУС (цяпер у ім МУС, а будынак з калонамі — КДБ — пабудавалі пасля вайны), шэрая будыніна за цяперашнім Палацам прафсаюзаў таксама засталася, затым — жылы дом (Незалежнасці, 43), школа, адзін корпус політэхнічнага інстытута, Дом друку і жылы дом, што насупраць парка Чэлюскінцаў. Да вайны гэтае месца называлася Камароўскі лес, тата вадзіў мяне туды гуляць, і гэта была самая ўскраіна Мінска.

Па другім баку Савецкай вуліцы каля Дома афіцэраў ацалеў стары будынак, у якім да вайны быў музей, пасля вайны — Дом мастацтваў. Яшчэ з таго боку засталася электрастанцыя «Эльвод», першая бальніца і Акадэмія навук.

Сучасная Плошча Незалежнасці да вайны была забудаваная рознымі дамамі. Вось і нам далі два пакоі ў кватэры на трэцім паверсе дома, які стаяў амаль што на цяперашняй плошчы.

Па вадзі трэба было хадзіць да калонкі на вуліцы Мяснікова. Неяк увечары — ужо добра сцямнела — я несла вадзі. А сучасны рэстаран

«Папараць-кветка» да вайны называўся «фабрыка-кухня». Дык вось, пэўна, нейкія маладыя партызаны добра павячэралі на той фабрыцы ды пачалі забаўляцца стралянінай. Я ішла каля агароджы Чырвонага касцёла, калі раптам прасвісцелі дзве кулі. Паўкрока ўперад — і адна куля была б маёй... Не думаю, што яны мяне бачылі ў гэтай цемры на бязлюднай вуліцы...

У лістападзе 1944 года памёр тата. Нам з мамай было вельмі цяжка жыць у нашай кватэры: кожны куточак — балючы напамін аб страце... Праз нейкі час на цяперашняй вуліцы Ульянаўскай адзін жылы дом, як тады казалі, «адалі культуры». Здаецца, усе кватэры былі камунальныя. Мы жылі ў трохпакаёвай кватэры: адзін пакой займаў мы з мамай, два іншых — Аркадзь Куляшоў з жонкай, двума дзецьмі і пляменнікам.

— У Мінску вы пайшлі вуліца ў...

— 9-ы клас. Пасля вайны я не знайшла паблізу ад дома беларускай школы і пайшла ў 2-ю школу, яна была насупраць Тэатра юнага гледача (цяпер у

гэтым будынку паліклініка). Два-тры разы на тыдзень пасля заняткаў мы працавалі на аднаўленні горада. Наш клас разбіраў завалы ў глядзельнай зале Палаца піянераў.

Старыя няміжскія камяніцы разбурылі ўжо пасля вайны

— Калі вы з'ехалі з камуналкі?

— У 1950 годзе зацвярджалі план падрыхтоўкі да юбілею Кузьмы Чорнага. Аркадзь Куляшоў, які з'ехаў з нашага дома раней, сказаў, што добра б даць прыстойнае жыллё сям'і юбіляра. Сакратар ЦК пагадзіўся: «Трэба даць, бо ўдава ніколі не ходзіць і нічога не просіць». Гэтак мы пераехалі ў новы дом N 8 на вуліцы Маркса. У пачатку 1980-х атрымалі кватэру на праспекце Машэрава. Цяпер чамусьці кажуць, што гэта прэстыжны дом. Што такое прэстыжны дом, можаце растлумачыць?

— Калі пры ўсіх роўных умовах кватэра ў такім доме больш каштуе, чым у іншым.

— Пустое гэта... Прэстыжны... Дом павінен быць зручны для жыцця. Я б з вялікім задавальненнем паехала жыць у Цімкавічы. Цяпер там добрыя дамы з усімі бытавымі выгодамі, і ніякага сталічнага тлуму. Але шмат што трымае ў Мінску, найперш хваробы і дактары...

Майго Мінска ўжо няма... Хіба што Чырвоны касцёл. Да вайны ў ім быў Тэатр юнага гледача, тата вадзіў мяне на спектакль. Пасля вайны ў касцёле была кінастудыя, потым — Дом кіно. Гэта вялікая частка майго жыцця.

А Няміга... Ад яе засталася нават не 10 адсоткаў. Старыя няміжскія камяніцы разбурылі ўжо пасля вайны. І якая была патрэба? Каб пабудаваць пачвару на святых месцах...

Цяпер каля гандлёвага дома на Нямізе я бачу рэкламны шчыт «Манамах». Хутчэй за ўсё, тыя ўладальнікі ювелірных крам не ведаюць, што, згодна з летапісамі, Манамах пабіў Мінск «огнем і мечом, не оставив в нем ни челядина, ни скотины». І вось я думаю: няўжо сярод гарадскога чынавенства няма ніводнага адукаванага чалавека, які б ведаў і шанаваў гісторыю?..

Стары будынак ля Кафедральнага сабора спачатку нібыта рэстаўравалі, а потым — знеслі

Брестская крепость: трагедия 1941-го

Про оборону Брестской крепости написаны сотни книг, снято больше десяти художественных и документальных фильмов, цитадели присвоено звание «Крепость-герой», на ее территории воздвигнут грандиозный мемориальный комплекс.

На подвиге защитников Брестской крепости воспитаны целые поколения советских людей. Но до сих пор нет внятного ответа на вопрос: почему Брестская крепость не стала серьезной преградой на пути противника? Все об обороне крепости ясно только до тех пор, пока не известны детали. И чем больше знаешь об этом героическом эпизоде, тем меньше понимаешь случившееся...

Из истории

Крепость была построена в XIX веке. Однако и предыдущий, и последующий опыт доказывает: даже самые обыкновенные траншеи могут быть непреодолимым рубежом. Если дивизия находится в траншеях, то танки ей не страшны, и даже авиацией ее не напугаешь.

А в Бресте — крепость! Внутренняя ее часть — цитадель на острове. Перед фронтом цитадели — судоходная, т. е. достаточно широкая, река Западный Буг. С тыла и флангов цитадель омывают протоки реки Мухавец. Кругом вода. Уже одно это делает цитадель почти неприступной. Попробуйте прорваться через глубокие водные преграды, если по вам стреляют из сотен амбразур из-за непробиваемых стен! А стены цитадели были действительно основательными. Толщина — почти два метра.

В одном только центральном кольцевом здании — 500 казематов, в которых можно было разместить 12 000 солдат со всем необходимым для длительной обороны. Под казематами находился еще один подземный этаж, который мог служить хранилищем запасов и убежищем для личного состава. Еще ниже, на втором глубинном этаже, были вырыты подземные ходы под цитаделью, под реками и прикрывающими укреплениями на соседних островах. Эти ходы позволяли проводить маневр резервами из любой части крепости в другую ее часть. Некоторые подземные тоннели выходили на несколько километров за пределы территории крепости.

Брестская крепость считалась шедевром инженерного искусства. Германские генералы называли ее «Восточным Верденом», или «Русским Карфагеном». Она справедливо считалась одной из сильнейших крепостей Европы. Некоторые западные корифеи фортификации отдавали ей первое место.

Центральный остров со всех сторон был прикрыт тремя другими островами: Пограничным

(Западным), Госпитальным (Южным) и Северным. На каждом из них было возведено укрепление, которое представляло собой цепь мощных бастионов высотой до 15 метров.

Бастионы и валы на многих направлениях были прикрыты

Накануне

В истории легендарной обороны Брестской крепости не все так ясно, как кажется. В своей секретной (до 1988 г.) монографии начальник штаба 4-й армии Л. Сандалов прямо пишет:

через это «иголочное ушко» под градом вражеских снарядов пытались вырваться наружу две стрелковые дивизии — без малого 30 тысяч человек.

Чуть южнее Бреста, в военном городке в 3 км от линии пограничных столбов, дислоциро-

еще одним рядом десятиметровых земляных валов и глубоких ровов, заполненных водой.

В начале XX века на удалении 6—7 километров от основного ядра крепости было возведено второе кольцо железобетонных фортов. Общий обвод оборонительной линии увеличился до 45 километров.

Брестская крепость была высококлассным военным объектом!

В том, что это именно так, советские войска убедились в сентябре 1939 г., во время совместного советско-германского раздела Польши. Брестскую крепость оборонял героический польский гарнизон, а гитлеровцы и красноармейцы под командованием Гудериана и Кривошеина ее штурмовали.

Но в 1941 г. германская пехота ворвалась в цитадель утром первого дня войны...

«... Брестская крепость оказалась ловушкой и сыграла в начале войны роковую роль для войск 28-го стрелкового корпуса и всей 4-й армии... Большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий осталось в крепости не потому, что они имели задачу оборонять крепость, а потому, что не могли из нее выйти...»

Все абсолютно логично. Крепость так и строится, чтобы в нее было трудно войти. Как следствие, из любой крепости сложно вывести разом большую массу людей и техники. Сандалов пишет, что для выхода из Брестской крепости в восточном направлении имелись только одни (северные) ворота, далее надо было переправиться через опоясывающую крепость реку Мухавец. Страшно подумать, что там творилось, когда

ввалась еще одна дивизия — 22-я танковая из состава 14-го МК.

«Этот городок, — пишет Сандалов, — находился на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника... расположение частей было скученным... Красноармейцы спали на 2—4-ярусных нарах, а офицеры с семьями жили в домах начсостава поблизости от казарм... По тревоге дивизия выходила в район Жабинки и севернее. При этом дивизии предстояло переправиться через р. Мухавец, пересечь Варшавское шоссе и две железнодорожные линии... Это означало, что на время прохождения дивизии прекращалось в районе Бреста всякое движение по шоссе и железным дорогам».

Разумеется, немцы оценили и полностью использовали предоставленные им возмож-

ности. Кроме «собственной» артиллерии 45-й пехотной дивизии вермахта для обстрела Бреста была выдвинута артиллерия двух соседних (34-й и 31-й) пехотных дивизий, двенадцать отдельных батарей, дивизион тяжелых мортир.

Для большего «удобства в работе» немцы подняли в воздух привязные аэростаты с корректировщиками. Шквал огня буквально смел с лица земли тысячи людей, уничтожил автотранспорт и артиллерию, стоявшие тесными рядами под открытым небом.

98-й отдельный дивизион ПТО, разведбат и некоторые другие части 6-й и 42-й стрелковых дивизий были истреблены почти полностью. 22-я танковая дивизия потеряла до половины танков и автомашин, от вражеских снарядов загорелись, а затем и взорвались артсклад и склад ГСМ дивизии.

Вот после того, как три дивизии были расстреляны, подобно учебной мишени на полигоне, а немцы уже в 7 часов утра заняли пылающие развалины Бреста, и началась воспетая в стихах и прозе «героическая эпопея обороны Брестской крепости».

Кто виноват?

Крепость как предмет неодолеваемый никакой роли сыграть не могла. Роль «ловушки» сыграли решения, принятые людьми. Кто их принимал, когда и, главное, — зачем?

Традиционная советская историография привычно гласит: «Было допущено необдуманное размещение...» Это чем же надо было думать, чтобы разместить три дивизии там, где никого и ничего — кроме пограничных дозоров и минных полей — и быть не должно!

Госпиталь 4-й армии был расположен... на острове посреди Буга, то есть даже не у границы, а уже за границей. Существует мнение, что на рубеже 40-х годов Сталин готовился не к обороне, а к наступательным действиям для расширения Советского Союза.

Но если судить по дислокации войск в районе Бреста, то неужели Сталин решил завоевать всю Европу силами одной только 22-й танковой дивизии? (Все остальные 60 танковых и 31 моторизованная дивизии Красной Армии у границы не дислоцировались. Мехкорпуса

первого эшелона перед войной базировались в Шяуляе, Каунасе, Гродно, Волковыске, Белостоке, Кобрине, Ровно, Бродах, Львове, Дрогобыче, Станиславе... На расстоянии от 50 до 100 км от границы. Обстрелять их из пушки на рассвете 22 июня было невозможно в принципе.)

Зачем дивизия легких танков (а вооружена «брестская» 22-я танковая дивизия была одними только Т-26) оказалась на берегу пограничной реки? Ведь при наступлении сначала артиллерия должна подавить систему огня противника, затем пехота — навести переправы и захватить плацдарм на вражеском берегу, и только после этого из глубины оперативного построения врывается танковая армада.

Именно так докладывал высокому Совещанию (в декабре 1940 г.) главный танкист РККА генерал Павлов, именно поэтому в «красном пакете» в качестве района сосредоточения для 22-й ТД был указан отнюдь не восточный берег Буга, а деревня Жабинка в 25 км от Бреста.

Что же помешало спрятать 22-ю танковую дивизию в лесах еще восточнее этой самой Жа-

бинки? Кто и зачем загнал танки в лагерь «на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника»? Кто запер две стрелковые дивизии в «мышеловку» старинной крепости?

Ответы на эти вопросы будем собирать — как принято было в стародавние времена — начиная с «нижних чинов».

Е. М. Синковский, накануне войны — майор, начальник оперативного отдела штаба 28-го стрелкового корпуса 4-й армии: «... Командование 28-го СК возбуждало перед командованием 4-й армии ходатайство о разрешении вывести 6-ю и 42-ю дивизии из крепости. Разрешения не последовало...»

Ф. И. Шлыков, накануне войны — член Военного совета 4-й армии: «... Мы писали в округ, чтобы нам разрешили вывести из Бреста одну дивизию, некоторые склады и госпиталь. Нам разрешили перевести в другой район лишь часть госпиталя...»

Л. М. Сандалов, накануне войны — полковник, начальник штаба 4-й армии: «... Настоятельно требовалось изменить дислокацию 22-й танковой дивизии, на что, однако, округ не дал своего согласия...»

Итак, все осознают ошибочность размещения трех дивизий прямо на линии пограничных столбов. Но — командованию корпуса запрещает вывести дивизии из Бреста командование армии, которому, в свою очередь, сделать это не позволяет командование округа. Более того, вокруг вопроса о выводе войск из Бреста идет напряженная борьба: корпус добивается перемещения из крепости всех частей, командование армии просит у штаба округа разрешения на передислокацию хотя бы одной дивизии...

А что же командование округа?

Д. Г. Павлов, генерал армии, командующий Западным фронтом, дал на суде следующие показания: «... Еще в начале июня я отдал приказ о выводе войск из Бреста в лагерь. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником...»

А. А. Коробков, генерал-майор, командующий 4-й армией, дал на суде следующие показания: «... Виновным себя не признаю... показания Павлова я категорически отрицаю... Приказ о выводе частей из Бреста никем

не отдавался. Я лично такого приказа не видел...»

Оказавшись плечом к плечу с Коробковым (они сидели на одной скамье подсудимых), Павлов тут же меняет свои показания. Между двумя обреченными генералами происходит следующий диалог:

«Подсудимый Павлов:

— В июне по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагерь.

Подсудимый Коробков:

— Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлекать к уголовной ответственности...»

Обратите внимание: генералы спорят не о том, были ли приказы Павлова верными, своевременными, эффективными... Они не могут согласиться друг с другом в том, был или не был отдан приказ о выводе войск из Бреста. Как такое возможно?

Приказ штаба Западного Особого военного округа был (или не был) отдан за три недели до начала войны. В абсолютно мирное время. Его что — немецкие диверсанты из сейфа выкрали? И почему приказ командования округа отдается

«через голову» командующего армии непосредственно командиру корпуса? Того самого 28-го СК, командование которого, по свидетельству майора Синковского, не то что приказа, а даже «разрешения на вывод двух дивизий из Брестской крепости не получило»...

«Линия Сталина»

Коль скоро мы заговорили о Бресте, самое время вспомнить историю обороны того, что по планам советского командования должно было выступить в роли «брестской крепости». Разумеется, речь пойдет не о подземельях старинного замка, а о Брестском укрепрайоне (УР N 62).

Доверчивый и наивный Сталин переломал все доты на старой (1939 г.) госгранице, а на новой ничего путного построить так и не успели. Это знают все. Об этом сказано в любой книжке про войну. В отстаивании этой «истины» объединились все летописцы от Виктора Суворова до рядового партийного «историка».

В N 4 за 1989 г. «Военно-исторический журнал» — печатный орган Министерства обороны СССР — поместил таблицу с цифрами, отражающими состояние укрепленных районов на новой границе к 1 июня 1941 г. На эту таблицу редакция щедро выделила 5,5 x 2,5 см журнальной площади. Микроскопическими буквами была набрана информация о том, что в Брестском УРе было возведено 128 долговременных огневых сооружений, а еще 380 ДОСов находилось в стадии строительства. Крохотная площадь публикации не позволила сообщить читателям о том, что завершить строительство планировалось к 1 июля 1941 г., и работа кипела с рассвета до заката.

25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции и довооружению «старых» УРов. Срок готовности был установлен к 1 октября 1941 г. Некоторые доты Минского УРа целы и по сей день. Полутораметровый бетон выдержал все

артобстрелы, а когда немцы уже во время оккупации Беларуси попытались взорвать ДОТы, то от этой идеи им вскоре пришлось отказаться из-за огромного расхода дефицитной на войне взрывчатки...

Вернемся, однако, в Брест. Как пишет Сандалов (напомню, в то время — начальник штаба 4-й армии, в полосе которой и строился Брестский УР), «на строительство Брестского укрепленного района были привлечены все саперные части 4-й армии и 33-й инженерный полк округа... В марте — апреле 1941 г. было дополнительно привлечено 10 тыс. человек местного населения с 4 тыс. подвод... с июня по приказу округа на оборонительные работы привлекалось уже по два батальона от каждого стрелкового полка дивизии...» 16 июня строительный аврал был очередной раз подстегнут постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов».

К 22 июня большая часть из 380 недостроенных ДОСов Брестского УРа была уже готова или почти готова. Точных цифр, вероятно, не знает никто. Так, суммирование количества построенных ДОСов в четырех укрепрайонах Западного фронта дает число 332, но на соседней странице упомянутого «Военно-исторического журнала» в тексте статьи сказано, что к июню 1941 г. было возведено 505 ДОСов. Павлов и Климовских называют на суде еще большую цифру — 600...

Как бы то ни было, но на каждом километре фронта Брестского укрепрайона стояло по три врытых в землю бетонных коробки, стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы. Одна — полностью построенная и оборудованная, и еще две такие же коробки, частично незавершенные. Это в дополнение к созданной самой природой водной преграде — реке Буг, вдоль которой и проходила тогда граница.

Даже если допустить, что ни в одном ДОСе не было установле-

но ни одной единицы специального вооружения, то и в этом случае, просто разместив в них пулеметные взводы стрелковых дивизий со стандартными «дегтярями» и «максимами», можно было создать сплошную зону огневого поражения. Пулеметы были. По штату в апреле 1941 г. в стрелковой дивизии РККА было 392 ручных и 166 станковых пулеметов. По штату. Фактически же к 22 июня 1941 г. на вооружении Красной Армии было 170 тысяч ручных и 76 тысяч станковых пулеметов.

Впрочем, все наши расчеты и предположения излишни. Как следует из показаний командующего Западным фронтом Павлова, треть ДОСов была вооружена. Причем отнюдь не ветхими пушками, якобы снятыми с укрепрайонов на старой границе.

И. Н. Швейкин встретил войну лейтенантом в 8-м пулеметно-артиллерийском батальоне Брестского УРа. Он свидетельствует: «...Качество и боевое снаряжение дотов по сравнению с дотами на старой границе было намного выше. Там на батальон было всего четыре орудия, а остальное вооружение составляли пулеметы. Здесь же многие доты имели по одному или несколько орудий, спаренных с пулеметами... Орудия действовали полуавтоматически. Стреляные гильзы падали в специальные колодцы вне дотов, что было очень удобно. Боевые сооружения оснащались очень хорошей оптикой...»

Приведем еще одно свидетельство:

«В конце мая участились боевые тревоги, во время которых мы занимали свои доты... Ночь проводили в дотах, а утром, после отбоя, возвращались в свои землянки. В июне такие тревоги стали чуть ли не ежедневными. В ночь на 21 июня — тоже. В субботу, 21 июня, как обычно, после ужина смотрели кино. Бросилось в глаза то, что, в отличие от прошлых суббот, на скамейках не было видно гражданских жителей из ближайших деревень. После фильма

прозвучал отбой, но спать долго не пришлось: в 2 часа ночи мы были подняты по боевой тревоге и через полчаса были уже в своих дотах, куда вскоре прибыли повозки с боеприпасами...»

Это строки из воспоминаний Л. В. Ирина, встретившего войну курсантом учебной роты 9-го артпульбата Гродненского УРа. Нет никаких оснований сомневаться в том, что и Брестский УР жил весной 1941 г. по тем же самым уставам.

Все познается в сравнении. На «линии Маннергейма», о которой историки Второй мировой вспоминали тысячу и один раз, было всего 166 бетонных ДОТов

кую констатацию: «Пограничные укрепления прорваны на участках всех корпусов 4-й армии» (т. е. как раз в полосе обороны Брестского УРа). И в мемуарах Гудериана мы не найдем ни единого упоминания о каких-то боях при прорыве линии обороны Брестского укрепрайона.

Но! Некоторые ДОТы сражались до конца июня 1941 г. Немцы уже заняли Белосток и Минск, вышли к Бобруйску, начали форсирование Березины, а в это время 3-я рота 17-го пульбата Брестского УРа удерживала 4 ДОТа на берегу Буга у польского местечка Семятыче до 30 июня!

пульбата из района Бреста...» — свидетельствует Сандалов. Но в поселке Высокое, судя по документам, уже не было командиров: «Командир Брестского укрепрайона генерал-майор Пузырев с частью подразделений, отошедших к нему в Высокое, в первый же день отошел на Вельск, а затем далее на восток...»

Старший начальник генерала Пузырева, помощник командующего Западным фронтом по укрепрайонам генерал-майор И. П. Михайлин, погиб от шального осколка ранним утром 23 июня 1941 г.

В мемуарах Болдина обнаруживаются некоторые подро-

на фронте в 135 км, причем большинство дотов были пулеметными, и лишь только 8 так называемых «дотов-миллионников» были вооружены пушками. Красная Армия с огромными потерями прогрызала «линию Маннергейма» весь февраль 1940 г. Немцы же практически не заметили существования Брестского укрепрайона.

В донесении штаба группы армий «Центр» (22 июня 1941 г., 20 ч 30 мин) находим только крат-

Бетонные перекрытия выдержали все артобстрелы, и только получив возможность окружить ДОТы и проломить их стены тяжелыми фугасами, немцы смогли подавить сопротивление горстки героев.

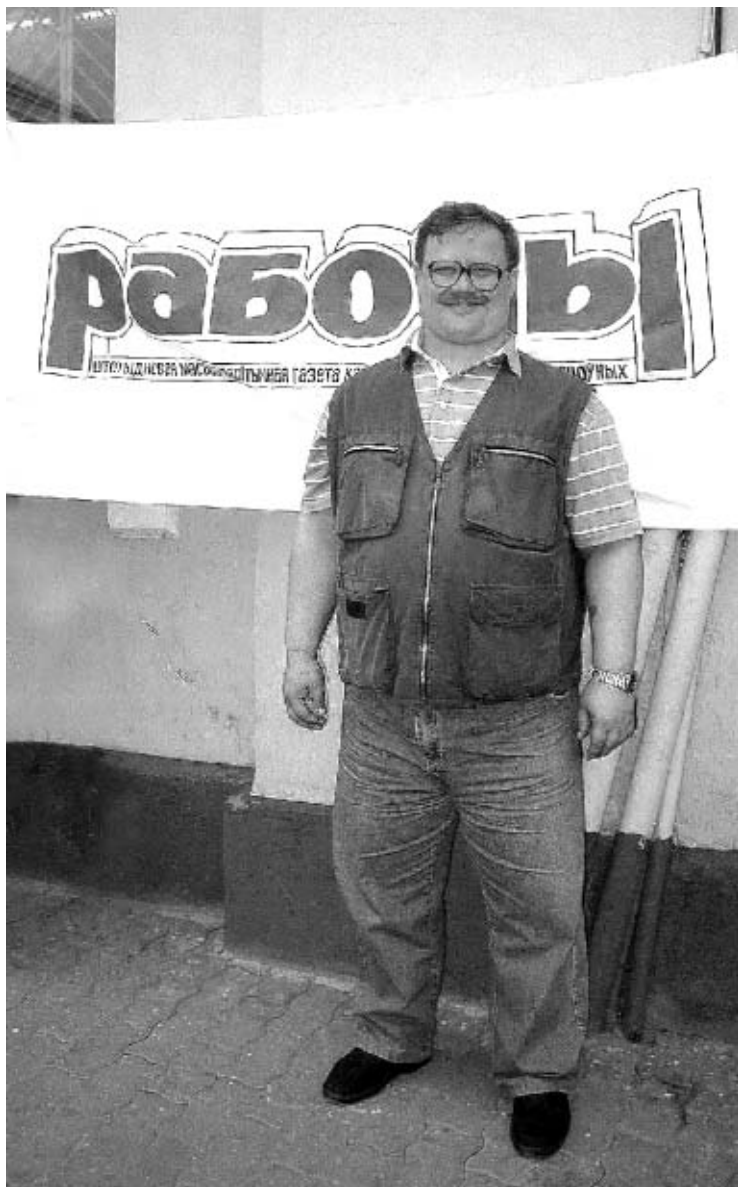
А что же делали все остальные? «Большая часть личного состава 17-го пульбата отходила в направлении Высокого, где находился штаб 62-го укрепрайона... В этом же направлении отходила группа личного состава 18-го

ности того, как это случилось: «... Отступая вместе с войсками, генерал-майор Михайлин случайно узнал, где я, и приехал на мой командный пункт...»

Генерал Михайлин не отступал «вместе с войсками». Он их явно обогнал.

Ибо командный пункт Болдина находился в 15 км северо-восточнее Белостока, т. е. более чем в 100 км от границы. Солдат за сутки столько ногами не протопает...

Виктор Ивашкевич рассказывал

В составе какой-то оппозиционной делегации оказался он в Страсбурге. И увидел, как в соседнем с гостиницей ресторанчике сидят буржуа, попивают вино и едят устриц. Когда еще бедный оппозиционер получит возможность насладиться устрицами? Пошел Виктор в ресторанчик, взял бокал вина, заказал устриц. Сидит, наслаждается... А неподалеку — митинг. В это самое время Франция оказалась между двумя турами выборов. И во второй тур вышли Ширак и Ле

Пен. Как вы понимаете, митинг идет антифашистский, то бишь антилепеновский...

Митинг закончился. А энергию антифашистам девать куда-то надо? Они и рассредоточились по всей округе. И какой-то афроевропеец возьми и подойди к тому самому ресторанчику.

Картинка: сидит Ивашкевич, ест устриц, запивает бургундским вином. Те, кто интересуется белорусской политикой, знают, как это выглядит со стороны. Французский этот

негр возьми и начни Виктора агитировать против Ле Пена. А Виктор — ну ни в зуб ногой по-французски. Тем более: сидит человек посреди Страсбурга, ест устриц, запивает бургундским вином, а тут приходит какой-то негр и агитирует тебя за советскую власть на непонятном тебе языке!..

Терпел Ивашкевич это долго. Потом это надоело даже устрицам. Они комом стали у Ивашкевича в горле. Никаким бургундским не пробьешь. И Виктор горяча вспомнил, что он — зампред БНФ, то есть один из главных белорусских националистов. И поскольку по-другому отмахнуться от назойливого негра не получалось, изобразил из себя его соплеменника, только что слезшего с дерева. То есть похлопал себя по макушке левой рукой, одновременно просипев на хорошем французском языке: «U-u-u!» Афроевропеец отскочил в сторону. Он понял главное: его оскорбили! И он вызвал полицейского!

Полицейские во Франции, к несчастью, тоже говорят преимущественно по-французски. Но у Виктора с собой были документы, в том числе карточка гостя из соседнего отеля. И полицейский, оставив пострадавшего противника Ле Пена стеречь правонарушителя Ивашкевича, отправился в отель. Вернулся он с переводчиком.

Переводчик объяснил, что месье Ivaszkevitzc вовсе не собирался оскорблять г-на афроевропейца. Но войдите в положение иностранца: сидит человек, ест устриц, пьет бургундское, а тут его втягивают во внутреннюю политику Франции! И он не обезьяну изображал, а пот со лба вытер, и не «у-укал», а устрицу пытался проглотить. И вообще — не митингуйте рядом со столиками.

Полицейский остался удовлетворен.

Негр — нет. Он еще некоторое время стоял вблизи, с подозрением разглядывая Ивашкевича и понимая, что голосовать тот будет исключительно за Ле Пена.

www.feduta.livejournal.com